

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

*Воронежский ежегодник
экономических исследований*

2013
№ 2

Экономическая теория и история
Воронежский ежегодник экономических исследований
№ 2, 2013
Основан в 2013 году

Учредитель:
Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета;
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран

Редакционная коллегия
проф., д.э.н. П.А. Канапухин
проф., д.э.н. А.И. Удовиченко
к.и.н. И.Б. Горшенева
доц. М. В. Кирчанов (отв. ред. ВГУ)
к.и.н., доц. А. В. Погорельский
к.и.н. И. В. Форе́т

Editorial Board
Prof., Dr.Hab. in Economics *Pavel A. Kanapukhin*
Prof., Dr.Hab. in Economics *Alexander I. Udovichenko*
Dr. Irina B. Gorsheniova
Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret
Dr. Alexander V. Pogorelsky

Адрес редакции
394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, ауд. 105

Все материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия настоящего издания
доступна на официальном сайте Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
<http://www.ir.vsu.ru>

Содержание

Статьи

<i>М.В. Кирчанов</i> , Адаптивные потенциалы доиндустриальных незападных экономик	4
---	---

Эрик Хобсбаум:

британский интеллектуал-коммунист

<i>Д. Пилаш</i> , Эпоха Эрика Хобсбаума	26
Эрик Хобсбаум: мир распадается	41

Экономическая история

Античная экономика: экономическая динамика и статика в доиндустриальном обществе	59
<i>М.В. Кирчанов</i> , Европейский феодализм как модель проторыночной экономики: крестьянские сообщества, аграрные экономики, города и экономическая динамика	69

Переводы

<i>Амилкар Кабрал</i> , Идентичность и достоинство в контексте национально-освободительной борьбы	92
<i>Аттила Мелег</i> , Расизм был одним из важнейших институтов в процессе развития капитализма	98

Экономические процессы и институты

Индустриализация как фактор экономических переходов	108
Неформальность как фактор развития транзитной экономики	135

СТАТЬИ

Максим КИРЧАНОВ

АДАПТИВНЫЕ ПОТЕНЦИИ ДОИНДУСТРИАЛЬНЫХ НЕЗАПАДНЫХ ЭКОНОМИК

Экономики не развиваются статично. История цивилизации – это история переходов от одних экономических форм к другим. Попытки написать истории экономических транзитов как исключительно переходов от социализма к капитализму содействуют примитивизации экономической науки. Переходные процессы имели место и в истории экономик прошлого. Традиционные общества доиндустриального мира нередко воображаются как статичные экономические системы. Экономическая динамика была характерна и для традиционных неевропейских обществ. Экономические изменения в традиционных обществах не имели системного характера, но они содействовали накоплению новых элементов и генезису изменений.

Ключевые слова: история экономики, традиция, традиционные общества, доиндустриальные экономики, незападные модели развития

Economies do not develop static. History of civilization is history of transitions from one economic forms to others. The attempts to write histories of economic transits as exceptionally transitions from socialism to the capitalism assists to general primitivization of economic science. Transitional processes took place in economies of the past. Traditional societies of pre-industrial world are often imagined as static economic systems. The economic dynamics was characteristic for traditional non-European societies also. The economic changes in traditional societies did not have system character, but they assisted to accumulation of new elements and genesis of changes.

Keywords: history of economy, tradition, traditional societies, pre-industrial economies, non-Western models of development

Економіки не розвиваються статично. Історія цивілізації – це історія переходів від одних економічних форм до інших. Спроби написання історії економічного транзиту як виключно переходів від соціалізму до капіталізму сприяють примітивізації економічної думки. Перехідні процеси мали місце і в історії економік минулого. Традиційні суспільства доіндустріального світу нерідко уявляються як статичні економічні системи. Економічна динаміка була характерна і для традиційних неєвропейських суспільств. Економічні зміни в традиційних суспільствах не мали системного характеру, але вони сприяли накопиченню нових елементів і генезису змін.

Ключові слова: історія економіки, традиція, традиційні суспільства, доіндустріальні економіки, незахідні моделі розвитку

Религиозный фактор в функционировании восточного города мог быть связан с экономическим. В научной литературе, посвященной обществам Древнего Востока, вероятно, общим местом стали констатации того, что в древневосточных социумах храмы были «не только центрами культовой, но и экономической жизни»¹, а жречество – «члены храмового объединения», составлявшие «гражданскую общину»² – играло роль некой экономической протопредпринимательской корпорации. М.А. Дандамаев полагает, что именно храм являлся «самым важным социальным институтом»³ восточных обществ, например – Месопотамии. Подобная точка зрения для советского восточ-

коведения не была характерна. Большинство советских историков следовали традиции, заложенной А.И. Тюменевым⁴, рассматривая храмовые и в целом государственные хозяйства, например, в Шумере как основанные почти исключительно на использовании труда рабов.

Храмы и связанные с ними храмовые хозяйства⁵ в обществах Востока стали важными экономическими акторами, которые не только аккумулировали часть придаточного продукта, отчуждаемого у непосредственных производителей, работавших на храмовой земле, но и могли принимать участие в редистрибуции, в том числе, и выходя на рынок. Кроме этого храмы, получая земли от правителей, могли способствовать постепенной трансформации земли в объект экономических операций, втягивая непосредственных производителей – нередко лично свободных, но зависимых – в экономические операции, что могло содействовать ослаблению традиционных отношений и накоплению проторыночных элементов.

Урук в период господства Селевкидов и Аршакидов, согласно исследованиям Г.Х. Саркисяна⁶, был аренной активной экономической деятельности храмов, которые не только обладали рабами, но и сдавали их в аренду, причем имели место случаи сдачи одного раба нескольким арендаторам. В позднеавиловский период, как полагал армянский историк А.А. Мартиросян, в большей степени стала заметна экономическая функция храма, связанная с выходом храма на рынок⁷. Несколько развивая концепции советской историографии, российские историки экономики полагают, что выход храмов на рынок был связан с необходимостью поддержания внешней торговли⁸. Ситуация была чрезвычайно специфичной в силу того, что храм не выходил на рынок самостоятельно, хотя и действовал как независимый актор. Кроме этого, для многочисленных экономических акторов торговля могла не являться основной сферой деятельности. Проявлением подобной особенности традиционных экономик следует признать, например, феномен ярмарки⁹. Торговая активность могла отличаться временным характером, связанным с религиозными традициями или климатическими переменами, связанными со сменой времен года. Несамостоятельность храмового хозяйства проявлялась в том, что средства, с которыми храм выходил на рынок, он получал от государства. В этом контексте храм был не самостоятельным участником, а всего лишь важным элементом перераспределительной экономики.

Тенденции к росту именно перераспределительной экономики, а не имевших в ней место проторыночных элементов, были связаны с несколькими факторами, важнейшим из которых, вероятно, следует признать сохранение институтов, относящихся в традиционной моде-

ли экономики. Важнейшим из таких институтов было рабство и его другие дефиниции («зависимое население»¹⁰, «крепостные крестьяне»¹¹ и т.д.), используемые отечественными востоковедами в советский период, широко применяемое в Китае¹² и Корее¹³ или относительно широко используемое в Японии¹⁴, в Юго-Восточной Азии¹⁵, как универсальная форма внеэкономического принуждения. Рабство как институт сохранялось и на Ближнем Востоке (например, в Иране¹⁶), но в этом регионе оно имело в большей степени выраженные экономические функции. Кроме этого рабство¹⁷ было гетерогенно: некоторые категории формально зависимого населения сами не только могли являться собственниками рабов, но и выступать в качестве экономических акторов, занимаясь торговлей или арендой. Рабство было интегрировано в денежно-кредитные отношения в форме сдачи рабов в аренду, а также отличалось тенденцией к постепенному сокращению, что было связано с освобождением рабов, которые в качестве формально свободных производителей продолжали подвергаться эксплуатации.

Сохранение рабства, его применение, а также тенденции к его расширению содействовали архаизации экономики. Рабство на Средневековом Востоке, вероятно, можно воспринимать как в большей степени последствие политического, а не экономического выбора. Придаточный продукт, который извлекался в результате использования труда рабов, фактически не имел экономического применения, используясь представителями политических элит для удовлетворения своих личных потребностей, что постепенно содействовало кризису, деградации и стагнации экономической модели, центральным элементом которой было рабство. Рабство, на фоне сохранения значительного числа формально свободных производителей в городах и на уровне аграрной периферии, стало и следствием доминирования консервативных тенденций к статике в ряде обществ Средневекового Востока, особой ролью государства, фактическим сохранением перераспределительной экономики, унаследованной от более ранних обществ.

В других неевропейских регионах города могли обладать большими, по сравнению с историей Древнего Востока, экономическими функциями. Это, в частности, относится к средневековой Японии¹⁸, в которой советские и российские историки находили феодализм, а западные авторы и вовсе писали о формировании «торговой буржуазии»¹⁹. На территории Японии города на протяжении XVI – XVII веков стали не только важными торговыми, но и логистическими центрами, что было связано и со спецификой развития японского феодализма: японские феодалы, контролируя часть городов, позволяли

своим более мелким вассалам реализовывать отчуждаемые у непосредственных производителей натуральные продукты в городах, получая уже не натуральный продукт, а его денежный эквивалент. Подобное развитие фактически товарно-денежных отношений содействовало как приватизации²⁰ (содействовавшей изменению «привычного характера древнего обмена», на смену которому приходила «частная торговля и рынок, обращение товаров и денег»²¹), так и коммутации экономики. Первый процесс проявлялся в росте влияния частных авторов, а второй в формировании экономической предопределенности и мотивированности в поведении японских политических классов.

В советской историографической традиции за городом, как правило, были готовы признавать роль преимущественно «торгово-передаточного центра»²², где торговля играла функцию простого обмена (как это, например, имело место в Индии XVIII – XIX веков²³), не способствуя трансформации системы в качественно новую, что могло быть связано не только со стабильностью традиционных институтов, их значительным адаптивным потенциалом, но и с фрагментацией религиозного и языкового пространства, что способствовало развитию экономики как совокупности изолированных натуральных, преимущественно аграрных, хозяйств. При этом в некоторых восточных обществах торговля могла носить международный характер²⁴, что оказывало существенное влияние на структуры отдельных экономик, тем не менее, не содействуя радикальным институциональным изменениям и трансформациям в условиях значительной роли традиций. Одним из первых отечественных авторов, кто высказывал подобную идею, был В.В. Бартольд²⁵, по мнению которого, города, например, в средневековом Иране являлись «торгово-промышленными центрами», рост которых был связан с распространением ислама. Социальным антитипом таких городов В.В. Бартольд считал «феодалные замки», унаследованные Ираном от домусульманского периода. Количество иранских городов было относительно многочисленно и, несмотря на преимущественно политико-административное и военное значение на региональном уровне²⁶, они выполняли и экономические функции. Особую роль в городской жизни Ирана играла особая социальная группа «раисов»²⁷, представлявшей наиболее зажиточную часть населения, занимавшуюся торговлей и разного рода финансовыми операциями, которую можно рассматривать в качестве своеобразной proto-буржуазии. Экономическая функция города в средневековом Иране, как центра торговли и денежного обращения²⁸, стала результатом развития и в некоторой степени актуализации экономических составляющих, которые существовали в античных иранских городах.

Л.С. Васильев в этом отношении более абстрактен, констатируя особую роль «первичного урбанизма» в процессе формирования государственности²⁹, а не генезисе новых экономических (рыночных) отношений. При этом роль города (например, Тира в VI веке до н.э.³⁰) в экономике продолжала оставаться в значительной степени ограниченной, так как он играл роль транзитного (но не в полной мере экономического) центра, а торговля носила преимущественно неэквивалентный, по мнению В.А. Якобсона³¹, характер, что вело к разделу древнего мира на цивилизационные центры и варварские периферии. При этом первые не могли доминировать над вторыми в силу отсутствия экономической мотивации, неравномерного развития элементов рыночности, которая возникает позднее – в римский период. Распад античных институтов на Востоке, историческое поражение эллинизма и исламизация в определенной степени содействовали актуализации экономической компоненты в существовании средневекового восточного города³², что проявилось, например, в развитии денежной системы, активизации торговли и росте численности того социального строя в населении города, ориентированного на упомянутые выше сферы деятельности. В результате, как полагает О.Г. Большаков, в восточном городе уже в IX – X веках возникли «предкапиталистические отношения»³³, которые в наибольшей степени проявились в развитии товарно-денежных отношений. С другой стороны, этот позитивный эффект от столь ранней капитализации оказался весьма ограниченным в силу узкой географии доминирования восточного города, преобладании натурального хозяйства и исключенности из подобного процесса феодального Запада, города которого на том этапе только начали восстанавливать свои экономические позиции.

На неразвитость рыночных отношений в древневосточных обществах указывали и предшественники Л.С. Васильева, полагая, что сохранившиеся, например, ассирийские документы в большей степени отражают не отношения собственности и связанные с ней рыночные отношения купли-продажи, а в большей степени отношения «передачи права пользования»³⁴. Отношения между городами и царями, по мнению В.А. Якобсона³⁵, в этом регионе также могли носить преимущественно политический, а не экономический характер, что, впрочем, не следует относить к числу оригинальных идей в советском изучении Востока, так как аналогичные идеи высказывал еще в первой четверти XX века Б.А. Тураев³⁶. В частности именно об этом достаточно смело в конце 1940-х годов писал И.М. Дьяконов, словно не замечая аналогий в экономической истории Ассирии и СССР, где также сложились весьма специфические формы отношения к собственности, который в

большей степени были политически, а не экономически мотивированы. В первой половине 1980-х годов эти идеи были им развиты настолько, что он декларировал значительный уровень централизации всей экономики Древнего Двуречья в целом³⁷. Другие советские историки в своих оценках восточного общества были более нейтральны и осторожны, предпочитая указывать на то, что оно отличалось «глубоко своеобразной ситуацией», которая «имела мало общего с западными рабовладельческими и феодальными обществами»³⁸, хотя представители национальных историографий иногда делали и оригинальные, в целом не полностью интегрированные в советский канон, выводы о том, что «говорить о рабовладельческом характере древневосточных обществ можно лишь в том случае, если на самом деле там имела место равнозначная рабовладению эксплуатация»³⁹.

Анализируя традиционные общества в качестве стартовых условий экономических трансформаций, во внимание следует принимать тот фактор, что современные представления о Востоке в значительной степени являются искусственным конструктом западных интеллектуалов, которые были выработаны ими в период колониализма⁴⁰, в эпоху такого распределения ролей, при котором Восток воображался как враждебный, дикий, экзотический и покоренный Ориент, а Запад – как регион, на который была возложена особая историческая миссия, бремя «белого человека». Подобная интерпретация, порожденная западным колониализмом, представляется на современном этапе весьма односторонней, игнорирующей исторический фактор в развитии Востока. Если обратиться к некоторым данным экономической истории, то складывающаяся картина будет не столь однозначной. В своей истории Восток знал периоды (на что, например, указывали советские востоковеды) когда его экономические и политические ресурсы были не только сопоставимы с западными, но и превосходили последние.

В методологическом плане советские востоковеды не очень отличались от своих западных коллег. Если западные авторы были склонны интегрировать историю Востока и Азии в концепты традиционного общества и модернизации, то советские историки, обществоведы и экономисты делали в принципе то же самое, используя другой терминологический аппарат и активно конструируя историю Востока в рамках тех этапов – феодализм⁴¹, капитализм⁴² – которые в своем развитии прошел Запад. Экономические исследования, которые касались стран Востока и Азии, проводимые в СССР в значительной степени отличались ортодоксальностью. Советскими историками анализировались преимущественно проблемы социально-экономической истории,

различных формаций, например – феодализма, классовой борьбы, социальной эксплуатации.

Приведем несколько примеров, которые иллюстрируют экономическую динамику восточных обществ в исторической перспективе. Например, в качестве страны, которая демонстрировала позитивную динамику в развитии, как в древности, так и в средневековье, проявляя значительный адаптивный потенциал мы можем рассматривать Иран⁴³. Иран, вероятно, одно из немногих неевропейских государств, которое в своей истории пережило период в значительной степени аналогичный западному феодализму⁴⁴. В.В. Бартольд полагал возможным проводить прямые исторические параллели между средневековым Ираном и европейским Западом, подчеркивая, что «между бытом средневекового европейского общества и сохранившимся средневековым бытом мусульманских городов много общего»⁴⁵. Другими исследователями также констатировалось существование в Иране институтов (например, ремесленных корпораций⁴⁶) аналогичных европейским.

На протяжении средневековой истории в социальной жизни Ирана имели место такие явления, которые свидетельствуют о том, что страна если не превосходила Запад, то не отставала от него. В частности, по мнению В.В. Бартольда, в X веке в Иране существовал социальный слой похожий на европейское рыцарство⁴⁷, а Н.И. Конрад полагал, что в регионе уже в III веке н.э. начался процесс постепенной феодализации⁴⁸. С другой стороны, Иран не смог воспользоваться своим значительным экономическим потенциалом, сокрытым в том числе и в шиитском исламе, по причине монгольского нашествия, которое не только содействовало принудительной ориентализации страны, но и существенно ослабило ее экономический потенциал, уничтожив только зарождающиеся, слабо выраженные, проторыночные отношения. Анализируя позитивные проявления в экономической динамике восточных обществ, во внимание следует принимать, что некоторыми экономистами высказываются иные точки зрения. В частности, по мнению Г. Багратяна, на средневековом Востоке не наблюдалось экономического развития, так как страны региона имели «ограниченные возможности для развития», а Восток в целом «вынужден был финансировать развитие Запада»⁴⁹.

Кроме этого Ханьский Китай к началу нашей эры, по мнению ряда исследователей, «не отставал, а по некоторым показателям даже опережал Римскую Империю». Кроме этого численность населения Китая составляла около 60 – 70 миллионов в то время как аналогичный показатель для Римской Империи равнялся примерно 23 – 30

миллионам. Российские исследователи, описывая экономическую динамику на протяжении истории Китая, оперируют многочисленными цифровыми показателями (рост населения, подушное производство железа, подушное национальный продукт и даже ВВП, рассчитанный на XI век в долларах США), которые призваны доказать, что, например, Китай не отставал, а по ряду показателей, превосходил Запад⁵⁰, который к 1100 году «едва достиг уровня римского мира 100 года»⁵¹. Аналогичные выводы (в советской историографии) делались и в отношении Индии, где, по мнению К.А. Антоновой, уровень развития торговли в период Средневековья был, например, выше чем в Европе, а сам регион «не знал упадка городов и разрыва торговых связей»⁵².

Другие неевропейские регионы также демонстрировали на протяжении своей истории в значительной степени позитивную динамику, а уровень их развития мог существенно превосходить аналогичные показатели Запада. По мнению ряда исследователей (например, М.Ф. Видясовой⁵³, Н.Н. Негматова⁵⁴), восточная модель феодализма имела ряд уникальных признаков, которые не получили развития в Европе, а именно: отсутствие поместного хозяйства, вертикальная социальная мобильность, личная свобода непосредственных производителей. Кроме этого экономики Востока, например Магриба или Средней Азии, в то время, когда Запад демонстрировал медленные темпы развития, могли пребывать в стадии роста, что связано со статусом города, который в отличие от Запада, не терял своих преимущественно экономических функций, продолжая оставаться важным финансовым и торговым центром в контексте динамичного развития земледелия и других отраслей экономики (например, горного дела), ориентированных не только на внутренние потребности, но и на внешний рынок, что содействовало постепенному размыванию натурального хозяйства.

История восточных обществ знает и другие примеры развития если не рыночных, то проторыночных отношений. В частности, развитие можно предполагать, что политика элит эллинистического Египта в определенной мере формировалась исходя из принципов экономической (пусть и весьма специфической) рациональности, связанной со стремлением «извлечь из хозяйства страны как можно больший доход в денежной и натуральной форме»⁵⁵. С другой стороны, это казалось бы рациональное стремление не имело и не могло иметь экономических приложений в географически ограниченном мире с доминирующим натуральным хозяйством. Некоторые советские востоковеды и вовсе указывали на то, что в Китае, Индии и Японии⁵⁶ сложились уникальные местные условия для трансформации феодализма в капита-

лизм, что содействовало становлению рыночных отношений. Латентные проявления рынка имели место в тех видах экономической, в частности – торговой, деятельности, которая не была интегрирована в нормы права. Это в частности относится к контрабанде, которой в частности занимались в торговом объединении Каниш на территории Малой Азии в XIX веке до н.э.⁵⁷ В этом отношении проявления той экономики, которая позднее будет определена как «теневая», имели место в древних обществах. Неформальные экономические отношения в большей степени, чем легальные институты, которые существовали в древневосточных обществах, способствовали развитию прото-рыночных отношений, ослабляя силу традиции и ставя под сомнение принципы государственно направляемой перераспределительной экономики.

Определенные элементы рынка и постепенной коммутации распределительной экономики имели место в Вавилонии: в частности известны случаи, когда писцы фактически занимались предпринимательской деятельностью⁵⁸, которая была основным источником доходов, проявлялась в выдаче кредитов или сдачи земель в аренду. Кроме этого определенное развитие (например, в Старовавилонский период) получила деятельность, связанная с выдачей займов⁵⁹. Таким образом, ряд источников свидетельствует не только о наличии личносвободного населения, но и определенном уровне развития рыночных связей в древневосточных обществах. Ограниченной сферой доминирования рыночной логики были, в частности, откупные отношения, связанные с возможностью избежания воинской службы. В частности сохранился архив жителя Ура Куцурэа, тексты которого, частично опубликованные, проанализированные и прокомментированные советским востоковедом М.А. Дандамаевым в конце 1980-х годов⁶⁰, датируются периодом между 399 и 363 годами до н.э. В одном из текстов, в частности, описано то, как Куцурэа вместо несения воинской повинности нанял другого человека, предварительно заплатив ему. Этот акт можно воспринимать как проявление рыночных отношений, хотя сфера приложения денег была ограниченной, они не были использованы для получения экономической выгоды, но применялись для избежания выполнения тех или иных повинностей. Аналогичные процессы (связанные с тем, что формально зависимые категории⁶¹ населения могли сами являться собственниками и важными экономическими акторами), отличавшиеся самой широкой географией, известные в различных регионах и хронологически отдаленные друг от друга, получили более широкое распространение в последующие этапы истории.

Кроме Вавилонии некоторые элементы рыночности советскими исследователями были найдены в Японии⁶². Японская модель развития воспринималась ими и позиционируется в настоящее время как в значительной степени отличная, например, от соседней китайской модели. В рамках советского исторического воображения экономику средневековой Японии поместили в прокрустово ложе теории феодализма. Концепция «японского феодализма» несла в себе все родовые травмы советского гуманитарного знания. Поэтому, проблемы японского феодализма анализировались преимущественно в категориях социально-экономической истории в ее советской версии, что означало восприятие рыночных институтов, фактора торговли, денежно-финансовых отношений как латентных или второстепенных.

В этом контексте именно Восток стал тем регионом, где впервые возникает государственность, что признается многими исследователями, которые вынуждены констатировать и то, что, несмотря на значительные успехи в прошлом (российский экономист В.А. Мельянец полагает, что незападные страны «реализовали историческую фору, представленную щедрой природой»⁶³) Восток на протяжении Нового Времени и Новейшей истории утратил свои некогда лидирующие позиции в экономике, уступив их западным государствам. Часть российских экономистов, анализируя проблему отставания Востока, применяет для анализа экономических процессов восточных обществ те понятия, которые используются для изучения экономической истории Запада. Например, Г.К. Широков полагает, что установление колониализма на Востоке было связано с неразвитостью в регионе слоя мелких и средних собственников, а также мануфактурного производства⁶⁴, хотя в предшествующей российской советской историографии неоднократно предпринимались попытки «найти» собственность⁶⁵ в различных обществах Востока, которые оценивались в качестве феодальных. С другой стороны, во внимание следует принимать и то, что колониализм (в независимости от региона, как в Африке и Юго-Восточной Азии, так и на Ближнем Востоке и Средней Азии⁶⁶) стал важнейшим фактором в социальных и экономических трансформациях Востока, интегрируя колонии в качественно другие системы. Подобные интерпретации основаны на попытках последовательной интеграции Востока во всемирный исторический контекст, склонность искать в восточной истории те же этапы исторического развития (феодализм, капитализм), через которые прошел и Запад, что в значительной степени лишает историю Востока не только ее уникальности, но и объективно усложняет процесс интерпретации экономической истории Востока, которая не являлась частной версией западной исто-

рии, а в большей степени представляла ее противоположность. Экономическое отставание Востока было вызвано в большей степени не чисто экономическими причинами, а теми политическими трансформациями, которые состоялись в Европе Раннего Нового Времени и были связаны с генезисом капитализма, Реформацией и начальным этапом в развитии национализма.

Анализируя процессы экономического и социального развития Востока, необходимо избегать схематизации, которая в значительной степени была характерна для идеологически выверенной советской историографии, хотя и в ее рамках (в основном в национальных исторических науках) высказывались альтернативные точки зрения, которые сводились к тому, что «представления о преобладании на Востоке государственной формы эксплуатации в известной мере упрощает реальную картину»⁶⁷. Рассматривая проблему соотношения социальных и экономических институтов Востока и Запада, важно помнить, что теории преимущественно традиционного развития первого и технологического прорыва второго являются в значительной степени абстрактными и идеальными концептами, основанными на почти «вере» тех или иных исследователей в то, что для восточных обществ и экономик универсальным институтом было использование рабского труда, а для западных – постепенный от него отказ и переход к феодализму. Подобная концепция была поставлена под сомнение грузинскими историками в начале 1970-х годов. По мнению Г. Каранашвили, активное использование труда рабов, наоборот, в большей степени было характерно именно для Запада, а не для Востока. Поэтому, оно «закрыло путь к качественному развитию производства»⁶⁸. Противоположная ситуация возникла в восточных обществах, которые на определенном этапе оказались в состоянии развиваться интенсивно, хотя позднее утратили это первенство, уступили его Западу, став жертвами колониализма последнего.

Доминирование консервативного и традиционного сознания в аграрном обществе Востока вовсе не означает отсутствия такого явления как «рыночные связи». По мнению Е. Гайдара, в традиционных обществах, с одной стороны, «рыночные связи имели подчиненную роль, определяясь жестокими рамками традиции»⁶⁹. Несколько иное мнение выражает Л.С. Васильев, который полагает, что и в традиционном восточном обществе имели место «товарные рынки»⁷⁰, которые обслуживали не рынок в современном понимании, а гарантировали воспроизводство традиционных институтов: сложно ожидать скорой трансформации рабовладения в феодализм и тем более капитализм, если среди доминирующих на рынке товаров – рабы – результаты

труда, которых используются в большей степени для внутреннего потребления, но не ориентированы на рынок.

Ситуация в некоторой степени изменилась после того как значительная часть восточных территорий вошла в состав Римской Империи, которая принесла некоторые рыночные институты, например – аренду⁷¹, хотя нельзя исключать ее существование и в более ранний период. На более поздних этапах истории, в частности – в Византии⁷², отмечено расширение использования аренды, которая обрела экономическое измерение, а сам институт стал в большей степени ориентирован на рынок. Экономическая природа и тем более функции рынка в Византии противоречивы. Советский историк И.В. Левченко⁷³, например, полагал, что для византийского рынка была характерна развитая и устойчивая связь с рабовладельческой экономикой. Византийский рынок был преимущественно традиционным институтом, а не совокупностью институтов, направленных на максимальное извлечение прибыли. Аренда в тех формах, в которых она существовала в Палестине в период римского доминирования, вместе с тем, не может рассматриваться как в полной мере рыночный институт в силу того, что в значительной степени основывалась не на римском праве, а на местном талмудическом, которое в большей степени соотносилось с локальной еврейской традицией, нежели с политикой романизации.

С другой, имевшиеся элементы рынка не смогли получить значительного развития по той причине, что к моменту появления на Востоке европейцев некоторые восточные общества, по мнению некоторых российских авторов, пребывали в состоянии «общественно-экологического кризиса»⁷⁴, вызванного доминированием экстенсивной модели развития, которая в большей степени была характерна для преимущественно традиционных, в частности – кочевых⁷⁵, обществ. «Вписать» уникальные экономические процессы, которые имели место на территории неевропейских регионов, в схему в большей степени применимую для европейского феодализма, было крайне сложно. Поэтому, советскими историками была предложена типология феодализма, которая включала несколько типов феодальных отношений, в том числе – и кочевой – найденный советскими историками 1930-х годов у монголов. Более корректным, вероятно, представляется анализировать экономические отношения у монголов в контексте традиционного общества, хотя феодализм также можно рассматривать как доиндустриальное и, следовательно, традиционное общество, что ставит вопрос о типологии и разных формах экономических отношений и институтов в рамках традиционных обществ. С другой стороны, в качестве системообразующего компонента подобных обществ может быть

признана экстенсивная модель развития, что не означала полного отсутствия торговли, но свидетельствовало о ее подчиненном положении и латентном, зачаточном характере проторыночных отношений. Тем не менее, подобный экстенсивный характер и доминирование в большей степени элементов инерционности, развития по инерции, а не интенсивного роста позволили колониальному Востоку⁷⁶, который по сравнению с Западом был сферой доминирования традиционного общества пережить колониальный период, заимствовав и интегрировав позднее некоторые элементы западной модели развития.

Подобный исторический прорыв традиционного восточного мира некоторыми авторами связывается с тем, что для Востока были характерны не только значительные адаптационные потенции, но и те или иные латентные или не получившие должного развития элементы рынка. Американский экономист Дж. Хикс, наоборот, даже, несмотря на исторический триумф западного колониализма и фактическое поражение Востока, в духе модернизации истории⁷⁷ не был склонен уменьшать значение рынка даже в традиционных обществах, в частности – в Древнем Египте⁷⁸. Российские авторы, наоборот, склонны акцентировать внимание именно на традиционности восточного общества, отказывая ему в обладании рынком в классическом понимании этого слова, хотя в начале 1990-х годов имели место попытки поставить ортодоксальные интерпретации под сомнение. В частности, в 1993 году Ю.Б. Кочеврин указывал на то, что в экономиках прошлого могут быть обнаружены элементы капитализма⁷⁹. Тем не менее, интерпретация восточных обществ как именно традиционных доминирует в отечественной историографии. Например, Л.С. Васильев полагает, что в рамках восточных обществ существовал не рынок, а «квазирынок»⁸⁰, подчиненный в своем функционировании не экономической логике, а интересам государства в целом.

Доминирование политической власти над экономической вело к тому, что в ряде восточных обществ торговля носила преимущественно локальный характер, концентрируясь преимущественно в городах⁸¹, международные операции были монополизированы, а сама торговля в целом оказывалась в непосредственном подчинении от наиболее влиятельных представителей политического класса. Не лучшим было положение торговли и на европейском Западе⁸², где она пребывала под влиянием не самой позитивной и благоприятной общей экономической и политической конъюнктуры, завися от неблагоприятных внешних факторов. С другой стороны, города все-таки обладали экономическими функциями: в частности, в государстве Ануштегинидов⁸³ города, которые являлись торговыми центрами и центрами де-

нежного обращения, имели тесные связи с аграрными территориями – источниками сельскохозяйственной продукции для городского базара. Но и подобная экономическая функция была ограниченной в силу того, что в аграрной периферии доминировала аграрная и, как следствие, преимущественно натуральная экономика. В подобной ситуации торговля не обладала ярко выраженными рыночными функциями, играла вспомогательную роль в функционировании преимущественно натуральной и, как следствие, распределительной экономики. Трансформация европейской торговли, ее трансформация на началах рынка, а не примитивного традиционного перераспределения, была связана в большей степени не с генезисом и последующим развитием капитализма, а с изменениями политической ситуации, формированием национального государства, снижением опасности инокультурного (османского) завоевания.

Именно поэтому в ранних и в более поздних классовых обществах торговля нередко могла иметь внесистемный и в определенной степени маргинальный характер, так как в торговлю были втянуты своеобразные маргиналы – люди, которые не принадлежали к той или иной общине⁸⁴, как преимущественно традиционному институту (вне зависимости от географической локализации того или иного сообщества, в рамках которого эта община существовала) или территориальному сообществу, и, поэтому, в меньшей степени связанные с территорией. Подобные маргиналы отличались большей мобильностью, что способствовало постепенно разрушению замкнутости и размыванию традиционности. О подобных процессах, но в совершенно иной интерпретации, писали и советские историки, которые стремясь до минимума в доминировавшем в СССР идеологически выверенном историческом воображении свести до минимума роль проторыночных институтов, полагали, что международная торговля в Древнем мире содействовала «упадку экономики»⁸⁵. Советские интерпретации в принципе могут быть признаны не только интересными, но и в определенной мере рациональными, если принципиально иначе расставить акценты: развитие торговли могло подрывать основы традиционной экономики, связанной с восточными деспотиями и центральным принудительным перераспределением. Подрыв основ одного типа экономики не означал ее разрушения в целом, но в большей степени проявлялся в генезисе новых социально-экономических отношений, возникновение которых в разных регионах протекало хронологически неравномерно.

В такой ситуации общество становится в определенной степени статичным, основанным именно на воспроизводстве традиционности.

Об этом факторе, в честности, писали и советские историки, предпочитая делать это преимущественно социально-экономически. В частности, в первой половине 1980-х годов ими подчеркивалось, что первые восточные цивилизации возникли в результате «резкого скачка производительных сил», но период роста быстро сменился стагнацией⁸⁶, вызванной в одинаковой степени социально-экономическими и природными факторами. Крупные восстания в Азии (например, тайпинское в Китае⁸⁷) могли не приводить к крупным экономическим переменам, а их последствия могли ограничиваться поверхностными реформами, которые не затрагивали системообразующие элементы поздней традиционной экономики. Примечательно и то, что, например, в Китае политические элиты стремились смягчить последствия тайпинского движения именно традиционными методами, актуализируя функции редистрибуции в рамках государственной экономики. Именно поэтому в традиционных и аграрных обществах крестьянские восстания были не фактором перемен, а тем социальным явлением, которое, наоборот, способствовало поддержанию стабильности и укреплению сложившейся системы отношений.

Некоторое исключение могли составлять религиозно-классовые (например, в Иудее в римский период⁸⁸, или движение Маздака в Иране в VI веке н.э.⁸⁹); религиозно-экономические (например, бабидское движение в Иране⁹⁰, хотя в советской историографии подобные движения интерпретировали как «антифеодальные»⁹¹); религиозные (в частности – карматы в IX – X веках⁹²), территориальные с традиционным или националистическим уклоном (среди таких актов, в том числе, и экономически мотивированного протеста следует упомянуть восстание в Корее в 1893 – 1895 гг.⁹³ или восстание племен на юге современного Ирана, которое имело место в 1922 – 1930 гг.⁹⁴ и было вызвано протестами традиционных элит против принудительной проводимой политики модернизации, направленной, в том числе, и на некоторую трансплантацию западных экономических институтов), традиционалистско-племенные (протесты лурских племен в Иране в 1580 году⁹⁵), аграрные (например, восстание в провинциях Хунань и Хубэй в Китае в 1130 – 1135 гг.⁹⁶) и религиозно-городские (например, столкновения друзов и маронитов в Ливане в 1841, 1845 и 1860 годах⁹⁷) восстания. С другой стороны, протесты могли носить и в большей степени традиционалистский характер и отличаться антимодернизационной направленностью. Поэтому имели место и антиэкономические, преимущественно традиционалистские (например, восстание зинджей⁹⁸ – черных рабов – в Аббасидском халифате, которые, являясь носителями традиционной идентичности, были фактически интег-

рированы в качестве рабов в принципиально иную экономическую систему).

Отдельно следует упомянуть национально-буржуазные (инициированные противоречиями в политических и экономических статусах, ростом националистического движения в условиях политической модернизации в формально независимых, но фактически зависимых государствах – например, восстание ихэтуаней 1898 – 1901 годов⁹⁹, Учанское восстание 1911 года в Китае¹⁰⁰) или более широкие и массовые по социальному составу движения и восстания (например, имевшие место в Японии¹⁰¹ в первой половине XIX века, что предшествовало кризису политики самоизоляции, или протестное движение 1877 года¹⁰², связанное, наоборот, со сложностями и противоречиями перехода и формирующегося японского рынка), мотивированные в большей степени религиозными мотивами, а также социальными и экономическими причинами, участники которых могли выдвигать экономические лозунги, требуя почти модернизации (открытие страны внешнему миру, создание благоприятных условий для развития торговли и, как следствие, национальной промышленности) с вероятным использованием западного опыта (что в большей степени, вероятно, может быть отнесено к бабидскому движению), но и такие протесты нередко имели форму религиозного движения.

Городские протесты в Иране¹⁰³, как и в других регионах, могли отличаться внешне религиозным характером, но при этом иметь и экономические предпосылки, что было связано с проникновением европейцев, которые разрушали сложившиеся традиционные экономические институты и связи, хотя аналогичные протестные движения фактически экономической направленности (но с религиозными лозунгами, как это было в случае с исмаилитами) имели место и в более ранний период. В подобной ситуации городские протесты в поздне-традиционном обществе Востока были порождением именно традиционности, которая в качестве едва ли не единственного канала для выражения социального и экономического недовольства гарантировала только религиозное возбуждение. Религиозный характер способствовал радикализации социальных и экономических движений, но почти не содействовал их успешности. Егор Гайдар полагал, что даже в случае успеха крупных протестных движений в традиционных обществах, они не способствуют радикальным переменам¹⁰⁴ – изменения могут носить только косметический характер, затрагивая состав правящих групп и элит и совершенно не затрагивая природу социальных и экономических отношений в целом.

Другой российский исследователь Л.С. Васильев полагает, что и в таких обществах возможны радикальные трансформации, которые он обозначает как приватизацию. Под приватизацией в древневосточных обществах Л.С. Васильев понимает появление «новых, принципиально иных» форм ведения хозяйства, которые были «основаны на частной собственности и рыночном обмене», а также знали «товарно-денежные отношения»¹⁰⁵, хотя в своих работах советского периода Л.С. Васильев подчеркивал, что подобная «приватизация» не могла привести к радикальным экономическим изменениям, а основой восточного общества продолжала оставаться власть-собственность¹⁰⁶, основанная на принудительной редистрибуции¹⁰⁷. Приватизация (при всей спорности этого термина в отношении Востока) имела в древневосточных обществах крайне ограниченный характер и, как следствие, эффект. Появление частного сектора в экономике не означало его полную независимость от государственного. Значительная, ведущая роль государства не только не исчезала, но, и наоборот, продолжала существовать и эволюционировать. В подобной ситуации рыночные отношения на Востоке в их зачаточных формах никогда не играли самостоятельной роли. Специфика развития экономики восточного социума состояла в том, что рыночные отношения относились к числу системообразующих (наравне с нерыночными, внеэкономическими отношениями принуждения) элементов общества, основанного на синтезе политической власти и экономической (в виде контроля над собственностью) в рамках деспотии.

¹ Коровкин В.В. *Очерки истории государственного хозяйства, государственных финансов и налогообложения в Древнем мире* / В.В. Коровкин. – М., 2009. – С. 73.

² Периханян А.Г. *Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. – III в. н.э.)* / А.Г. Периханян / отв. ред. В.И. Авдиев. – М., 1959. – С. 21.

³ Дандамаев М.А. *Вавилония в 626 – 330 годы до н.э. Социальная структура и этнические отношения* / М.А. Дандамаев. – СПб., 2010. – С. 26.

⁴ Подробнее о концепции А.И. Тюменева см.: Тюменев А.И. *Государственное хозяйство Древнего Шумера* / А.И. Тюменев. – Л., 1956.

⁵ Савельева Т.Н. *Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III – IV династии)* / Т.Н. Савельева / отв. ред. Г.М. Бауэр. – М., 1992.

⁶ Саркисян Г.Х. Манумиссии в селевкидско-аршакидском Уруке / Г.Х. Саркисян // *Древний Восток* / ред. Н.В. Арутюнян и др. – Ереван, 1988. – Вып. 5. – С. 41 – 56.

⁷ Мартиросян А.А. Ткачи храма Эанна в Уруке нововавилонского периода / А.А. Мартиросян // *Древний Восток* / ред. Н.В. Арутюнян и др. – Ереван, 1988. – Вып. 5. – С. 27 – 40.

⁸ Коровкин В.В. *Очерки истории государственного хозяйства...* – С. 75.

⁹ О роли ярмарок в функционировании рынков традиционных обществ см.: Леви-Стросс К. *Печальные тропики* / К. Леви-Стросс / пер. с франц. Г.Е. Сергеева, науч. конс. О.Н. Кошевой. – М. – Львов, 1999. – С. 182 – 184.

¹⁰ Козина Е.М. *Социально-правовое положение зависимого населения в Китае при династии Тан (618 – 907 гг.)* / Е.М. Козина // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 36 – 79.

¹¹ Чугуевский Л.И. *Дуньхуанские документы VIII – X веков о крепостных крестьянах при китайских буддийских монастырях* / Л.И. Чугуевский // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 80 – 96.

- ¹² Подробнее см.: Воробьев М.В. Рабы и рабство в чурчжэньском и цзиньском обществах (X в. – 1234 г.) / М.В. Воробьев // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 193 – 217; Козина Е.М. Казенные и частные рабы и другие категории зависимого населения в Китае при династиях Цзинь и Северная Вэй (III – VI вв.) / Е.М. Козина // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 19 – 35; Мартынов А.С. Рабство в Китае при династии Цин / А.С. Мартынов // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 240 – 254.
- ¹³ Воробьев М.В. Рабы в корейском обществе с древности до X века (категории ноби, ку и сэнку) / М.В. Воробьев // С. 97 – 112; Ванин Ю.В. Ноби в феодальной Корее / Ю.В. Ванин // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 255 – 287.
- ¹⁴ Воробьев М.В. Рабство в Японии в VIII – XI вв. / М.В. Воробьев // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 113 – 160.
- ¹⁵ Мельниченко Б.Н. Рабство в средневековом Таиланде (Сиаме) / Б.Н. Мельниченко // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 479 – 496.
- ¹⁶ Колесников А.И. К вопросу об источниках рабства и правовом положении рабов в раннесредневековом Иране (III – VI вв.) / А.И. Колесников // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 387 – 423; Шифман И.Ш. Рабовладельческие отношения в Передней Азии на рубеже древности и средневековья / И.Ш. Шифман // *Рабство в странах Востока в Средние Века* / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М., 1986. – С. 369 – 386.
- ¹⁷ О феномене рабства и его различных формах, а также об экономической роли см.: Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии VII – IV вв. до н.э. (626 – 331 гг.) / М.А. Дандамаев / отв. ред. И.М. Дьяконов. – М., 1974. – С. 148 – 200.
- ¹⁸ Подробнее см.: Искендеров А.А. Феодальный город Японии XVI столетия. – С. 42 – 43. О роли города как именно экономического центра (в смысле «центра ремесла и торговли») в советской интерпретации начала 1960-х годов см.: Искендеров А.А. Феодальный город Японии XVI столетия. – С. 51 – 71.
- ¹⁹ Кирквуд К. Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия / К. Кирквуд / пер. с англ. А.М. Кабанова, отв. ред. В.Н. Горегляд. – М., 1988. – С. 123.
- ²⁰ Термин «приватизация» применяется рядом российских авторов не только к новейшей истории России и Восточной Европы, но и в отношении обществ Древнего Востока. См.: Коровкин В.В. Очерки истории государственного хозяйства... – С. 97 – 100.
- ²¹ Васильев Л.С. Всеобщая история / Л.С. Васильев. – М., 2007. – Т. 1. Древний Восток и античность. – С. 147.
- ²² Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. – С. 17.
- ²³ Комаров Э.Н., Павлов В.И. Рыночные связи и экономическая организация ремесла в Индии на рубеже XVIII и XIX веков / Э.Н. Комаров, В.И. Павлов // О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX). Материалы обсуждения / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 138 – 163.
- ²⁴ Еремян С.Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов / С.Т. Еремян // ВДИ. – 1939. – № 1. – С. 79 – 97.
- ²⁵ Подробнее см.: Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана / В.В. Бартольд // Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана / В.В. Бартольд / подгот. к изд. Е.В. Зеймаль, В.А. Лившиц; отв. ред. И.П. Петрушевский, ред. Ю.Э. Брегель. – М., 2003. – С. 31 – 228.
- ²⁶ Подробнее см.: Колесников А.И. Иран в начале VII (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления) / А.И. Колесников / отв. ред. Н.В. Пигулевская, М.Н. Боголюбов. – Л., 1970.
- ²⁷ Берадзе Г.Г. К вопросу об институте «городских раисов» в Иране X – XII вв. (имущественное и социальное положение городских раисов) / Г.Г. Берадзе // Иран. Сборник статей / отв. ред. Н.А. Кузнецова. – М., 1971. – С. 62 – 71.
- ²⁸ Новиков С.В. Юго-Западный Иран в античное время от Александра Македонского до Ардашира I / С.В. Новиков. – М., 1989. – С. 85 – 109.
- ²⁹ Васильев Л.С. История Востока. – Т. 1. – С. 61.
- ³⁰ Грушевой А.Г., Дьяконов И.М. Средиземноморская торговля Тира в начале VI века до н.э. / А.Г. Грушевой, И.М. Дьяконов // Древний Восток и античная цивилизация / науч. ред. В.К. Афанасьева, Е.В. Мавлеев. – Л., 1988. – С. 102 – 110.
- ³¹ Якобсон В.А. Представления о государстве в Древней Месопотамии (к постановке проблемы) / В.А. Якобсон // Древний Восток / ред. Н.В. Арутюнян и др. – Ереван, 1978. – Вып. 3. – С. 55 – 70.
- ³² Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. – С. 143 – 150.
- ³³ Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. – С. 263.
- ³⁴ Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. – С. 46.
- ³⁵ Якобсон В.А. Цари и города в Древней Месопотамии / В.А. Якобсон // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке / отв. ред. М.А. Дандамаев. – М., 1989. – С. 17 – 37.
- ³⁶ Подробнее см.: Тураев Б.А. Классический Восток / Б.А. Тураев. – Л., 1924. – С. 142 – 143. См. также: Тураев Б.А. История Древнего Востока / Б.А. Тураев / под. ред. В.В. Струве, И.Л. Снегирева. – Л., 1935. – Т. 1.

³⁷ Дьяконов И.М. Ранние деспотии в Месопотамии / И.М. Дьяконов // История Древнего мира / под. ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – М., 1983. – Т. 1. Ранняя древность. – С. 64 – 76.

³⁸ Меликишвили Г.А. Об основных типах классовых общества / Г.А. Меликишвили // კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1988. – С. 5 – 26.

³⁹ Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ. – С. 68.

⁴⁰ Колониализм имел различный эффект для развития восточных экономик. Изучение феномена колониализма и его экономического измерения не входит в число задач автора настоящего исследования. О специфике европейского колониализма на Востоке см. подробнее: Васильев Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – М., 2001. – Т. 2. – С. 9 – 25, 81 – 88, 130 – 135.

⁴¹ Советская точка зрения представлена во множестве работ. См., например, исследования, содержащие классические версии советского видения экономических процессов в неевропейских государствах: Спекторов Л.Д. Феодалные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората (основные формы земельной собственности в середине XIX века) / Л.Д. Спекторов. – М., 1979.

⁴² Следуя принципу универсальности исторического процесса, разделяя теорию формаций, советские интеллектуалы верили в то, что все народы в своем историческом развитии проходили через одни и те же этапы социально-экономического развития, в том числен – и капитализм. Поэтому, советскими авторами капитализм, как и феодализм, был найден и в различных регионах – от Средней Азии (например – в Хорезме. См.: История Хорезма с древнейших времен до наших дней / ред. И.М. Муминов. – Ташкент, 1976. – С. 43 – 118) до Дальнего Востока (в частности, в Китае), что было связано с игнорированием региональной специфики и с откровенной «подгонкой» фактов под ту схему исторического процесса и экономической истории, которая доминировала в советских общественных науках. О методологических изысканиях советской историографии в деле поиска или (в зависимости от методологических и теоретических предпочтений подготовленного читателя) «воображения» (в стиле имаджонализма, условным отцом которого можно считать Бенедикта Андерсона) капитализма в неевропейской истории см.: Непомнин О.Е. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая / О.Е. Непомнин / отв. ред. Г.Д. Сухарчук. – М., 1966; Попов В.А. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии / В.А. Попов. – М., 1970; Попов В.А. Формирование социально-экономической структуры японской деревни / В.А. Попов / отв. ред. С.В. Маркарян. – М., 1987. Правда, современная российская историография, как наследница советской, не очень в методологическом плане отличается от своей генетической предшественницы, что относится к работам Л.С. Васильева (Васильев Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – М., 2001. – Т. 1 – 2; Васильев Л.С. Всеобщая история / Л.С. Васильев. – М., 2007. – Т. 1. Древний Восток и античность; Васильев Л.С. Всеобщая история / Л.С. Васильев. – М., 2007. – Т. 2. Восток и Запад в средние века), склонного интерпретировать Восток как совокупность традиционных обществ, к которым не совсем применима западная терминология и категории «феодализм», «капитализм» и т.д. В частности, некоторые российские авторы указывают на определенную некорректность использования «капиталистической» терминологии в отношении Востока. В связи с этим предлагается определять восточные общества как «доиндустриальные». См.: Пантин В.И. Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации / В.И. Пантин. – М., 2004. – С. 101.

⁴³ О восприятии социально-экономической истории Ирана в советской историографии см. подробнее: Сухарева Н.М. Советские историки о социально-экономических причинах кризиса Сефевидского Ирана / Н.М. Сухарева // Иран. Сборник статей / отв. ред. Н.А. Кузнецова. – М., 1971. – С. 41 – 56.

⁴⁴ Среди отечественных востоковедов концепцию о существовании в Иране феодализма разделял, например, В.В. Бартольд. См.: Бартольд В.В. К вопросу о феодализме в Иране / В.В. Бартольд // Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана / В.В. Бартольд / подгот. к изд. Е.В. Зеймаль, В.А. Лившиц; отв. ред. И.П. Петрушевский, ред. Ю.Э. Брегель. – М., 2003. – С. 459 – 468. О восприятии феномена феодализма в иранском контексте в советской историографии см.: Петрушевский М.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII – XIV вв. / М.П. Петрушевский / отв. ред. И.А. Орбели. – М., 1960; Петрушевский И.П. Изучение феодального общества Ирана в России и СССР / И.П. Петрушевский // История Иранского государства и культуры: к 2500-летию Иранского государства / отв. ред. Б.Г. Гафуров. – М., 1971. – С. 71 – 82. Точка зрения о существовании в иранской истории феодального периода представлена и в большинстве обобщающих версий истории Ирана, созданных в советский период. См.: История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / Н.В. Пигулевская, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, Л.В. Строева, А.М. Белецкий; отв. ред. В.В. Струве; ред. И.А. Орбели, И.П. Петрушевский. – Л., 1958. – С. 120 – 160; История Ирана / отв. ред. М.С. Иванов. – М., 1977. – С. 136 – 146.

⁴⁵ Бартольд В.В. К истории крестьянских движений в Персии / В.В. Бартольд // Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана / В.В. Бартольд / подгот. к изд. Е.В. Зеймаль, В.А. Лившиц; отв. ред. И.П. Петрушевский, ред. Ю.Э. Брегель. – М., 2003. – С. 438 – 449.

⁴⁶ Подробнее см.: Тревер К.В. К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране / К.В. Тревер // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятиле-

тия члена-корреспондента Академии Наук СССР Н.В. Пигулевской / ред. В.В. Струве и др. – М., 1967. – С. 157 – 160.

⁴⁷ Бартольд В.В. Рыцарство и городская жизнь в Персии при Сасанидах и при исламе / В.В. Бартольд // Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана / В.В. Бартольд / подгот. к изд. Е.В. Зеймаль, В.А. Лившиц; отв. ред. И.П. Петрушевский, ред. Ю.Э. Брегель. – М., 2003. – С. 371 – 373.

⁴⁸ Конрад Н.И. «Средние века» в исторической науке / Н.И. Конрад // Конрад Н.И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М., 1966. – С. 89 – 118. Примечательно, что Н.И. Конрад полагал, что в наибольшей степени процесс «распада древнего рабовладельческого мира» проявился в Китае и в наименьшей степени в Иране (Конрад Н.И. «Средние века» в исторической науке. – С. 98), что, по меньшей мере, дискуссионно.

⁴⁹ Багратян Г.А. Общество и государство / Г.А. Багратян / пер. с армян. В. Аветисяна. – М., 2000. – С. 129.

⁵⁰ Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. – С. 56 – 59.

⁵¹ Яковлев А.П. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX – XX веках / А.П. Яковлев. – М., 2010. – С. 27.

⁵² Антонова К.А. О генезисе капитализма в Индии / К.А. Антонова // О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX). Материалы обсуждения / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 179 – 195.

⁵³ Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология / М.Ф. Видясова / отв. ред. Л.А. Фридман. – М., 1987. – С. 61 – 72, 227 – 250.

⁵⁴ Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX – X вв.) / Н.Н. Негматов / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1977. – С. 66 – 87.

⁵⁵ Павловская А.И. Эллинистический Египет. – С. 139.

⁵⁶ Штейн В.М. Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав? / В.М. Штейн // О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX). Материалы обсуждения / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 196 – 211.

⁵⁷ Янковская Н.Б. Контрабанда в торговом объединении Каниша (архивы Кюль-тепе, Малая Азия XIX в. до н.э.) / Н.Б. Янковская // Древний Восток / ред. Н.В. Арутюнян и др. – Ереван, 1988. – Вып. 5. – С. 71 – 84.

⁵⁸ Дандамаев М.А. Предпринимательская деятельность одной писцовой семьи из Вавилона / М.А. Дандамаев // История и языки Древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова / ред. В.В. Лившиц. – СПб., 2002. – С. 53 – 59.

⁵⁹ Korshunikov S.G. Loans and hubullim, ana zērānī in the Old Babylonian Period / S.G. Korshunikov // История и языки Древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова / ред. В.В. Лившиц. – СПб., 2002. – Р. 178 – 186.

⁶⁰ Дандамаев М.А. Откуп воинской повинности в Ахеменидской Вавилонии / М.А. Дандамаев // *კავკასიურ-ახლოდღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. ვიორგაძე. – თბილისი*, 1988. – С. 50 – 54.

⁶¹ Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной. – С. 75 – 77.

⁶² Воробьев М.В. Межсословные и внутрисословные границы в раннесредневековой Японии / М.В. Воробьев // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким. К.З. Ашфарян. – М., 1986. – С. 74 – 89; Лещенко Н.Ф. Социальные сдвиги в структуре японского общества накануне Мэйдзи исин / Н.Ф. Лещенко // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким. К.З. Ашфарян. – М., 1986. – С. 90 – 104; Толстогузов А.А. Социальная мобильность в средневековой Японии / А.А. Толстогузов // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким. К.З. Ашфарян. – М., 1986. – С. 90 – 98.

⁶³ Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. – С. 55.

⁶⁴ Широков Г.К. Парадоксы эволюции капитализма (Запад и Восток) / Г.К. Широков. – М., 1998. – С. 30.

⁶⁵ О судьбе собственности, в том числе – феодальной, в советской историографии см.: Айтберов Т. О земельных пожалованиях в Дагестане в XV – XVI вв. / Т. Айтберов // Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке (Бартольдовские чтения 1975 г.) / ред. Б.Г. Гафуров и др. – М., 1979. – С. 7 – 14; Ашурбейли С. Феодальные пожалования в Ширване XV – XVII вв. / С. Ашурбейли // Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке (Бартольдовские чтения 1975 г.) / ред. Б.Г. Гафуров и др. – М., 1979. – С. 25 – 31; Кляшторный С. Г. О собственности на землю в тюркском каганате / С.Г. Кляшторный // Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке (Бартольдовские чтения 1975 г.) / ред. Б.Г. Гафуров и др. – М., 1979. – С. 97 – 102.

⁶⁶ О подобном процессе, в частности, писали и советские исследователи, облекая свои выводы в идеологические одеяния и критикуя «колонизаторскую политику царизма». При этом признавалось, что включение Средней Азии в состав Российской Империи было явлением в определенной степени прогрессивным, так как содействовало развитию капиталистических элементов в экономике региона. Подробнее см.: Козачковский В.А. От феодализма до победы социализма / В.А. Козачковский. – Душанбе, 1966.

⁶⁷ Подробнее см.: Ашфарян К.З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития / К.З. Ашфарян. – М., 1977. – С. 31.

- ⁶⁸ Коранашивили Г.В. Древний Восток и античный мир (опыт сравнительно-исторического изучения цивилизаций) / Г.В. Коранашивили // *ძველი ისტორიის საკითხები (კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული, IV) – თბილისი, 1973.* – С. 5 – 36.
- ⁶⁹ Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. – С. 43.
- ⁷⁰ Васильев Л.С. История Востока. – Т. 1. – С. 75.
- ⁷¹ Об аренде в Римской Империи, в частности – в Палестине, см.: Шифман И.Ш. Аренда земли в эллинистическо-римской Палестине по данным талмудической традиции / И.Ш. Шифман // *Древний Восток* / отв. ред. И.С. Канцельсон. – М., 1980. – Сборник 2 (Памяти академика Б.А. Тураева). – С. 200 – 205.
- ⁷² Фихман И.Ф. Аренда мастерских в византийском Египте / И.Ф. Фихман // *Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятилетия члена-корреспондента Академии Наук СССР Н.В. Пигулевской* / ред. В.В. Струве и др. – М., 1967. – С. 56 – 66.
- ⁷³ Левченко М.В. К истории аграрных отношений в Византии VI – VII вв. (по документам византийского Египта) / М.В. Левченко // *Проблемы истории докапиталистических обществ.* – 1935. – № 7 – 8. – С. 75 – 110.
- ⁷⁴ Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. – С. 70.
- ⁷⁵ См. подробнее: Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов. – Л., 1934.
- ⁷⁶ О соотношении западных и восточных элементов во всеобщей истории см.: Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) / Л.С. Васильев // *Альтернативные пути к цивилизации* / ред. Н.И. Крадин и др. – М., 2000. – С. 96 – 114.
- ⁷⁷ О тенденциях к модернизации истории и их советском восприятии см.: Кошеленко Г.А. Экономика Древней Греции в современной зарубежной литературе / Г.А. Кошеленко // *Древний Восток и античный мир* / ред. В.И. Кузищин. – М., 1980. – С. 115 – 128. Критика модернизационных интерпретаций Древней истории была характерная для советской модели исторического знания. Об этом, в частности, уже в середине 1930-х годов писал А.Ю. Тюменев, который подчеркивал, что «буржуазные» историки «склонны модернизировать древность, изображать ее чертами, сходными с современными, отождествляя основные явления экономической и общественной жизни древности с современными капиталистическими обществами... в своем стремлении найти капитализм в древности буржуазные историки-модернизаторы намеренно закрывают глаза на скрывающееся под поверхностным сходством глубокое различие античной и современной экономики». Подробнее см.: Тюменев А.И. История античных рабовладельческих обществ / А.И. Тюменев. – М. – Л., 1935. – С. 9 – 10.
- ⁷⁸ Хикс Дж. Теория экономической истории. – С. 41.
- ⁷⁹ Подробнее см.: Кочеврин Ю.Б. Капитализм с позиций истории и современности / Ю.Б. Кочеврин // *Капитализм и рынок. Экономисты размышляют* / отв. ред. В.А. Мартынов и др. – М., 1993. – С. 25 – 40.
- ⁸⁰ Васильев Л.С. История Востока. – Т. 1. – С. 79.
- ⁸¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Б.Г. Гафуров / отв. ред. Б.А. Литвинский. – М., 1972. – С. 156 – 159; Якубов Ю. Паргар в VII – VIII вв. н.э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья) / Ю. Якубов / отв. ред. Б.Я. Ставиский. – Душанбе, 1979. – С. 71 – 90.
- ⁸² О развитии торговли на Средневековом Западе см.: Сайюс А. Изменение методов торговли в средневековой Италии / А. Сайюс // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с фр. Н. Авдониной, Е. Балаховской, А. Зайцевой, К. Картуновой, М. Сокольской. – М., 2007. – С. 27 – 42; Пиренн А. Крупная экспортная торговля в Средние века: вина Франции / А. Пиренн // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с фр. Н. Авдониной, Е. Балаховской, А. Зайцевой, К. Картуновой, М. Сокольской. – М., 2007. – С. 43 – 59.
- ⁸³ Подробнее см.: Бунятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов / З.М. Бунятов. – М., 1986. – С. 101 – 117.
- ⁸⁴ Община как институт и экономический актор существовала в большинстве традиционных экономик. Подробнее о различных формах существования и функционирования общины см.: Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-скотоводческая община (вопросы образования, эволюции и разложения) / В.Ф. Шахматов. – Алма-Ата, 1964.
- ⁸⁵ Дьяконов И.М., Якобсон В.А., Янковская И.Б. Общие черты второго периода древней истории / И.М. Дьяконов, В.А. Якобсон, И.Б. Янковская // *История древнего мира* / под. ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – М., 1982. – Т. 2. Расцвет древних обществ / отв. ред. И.С. Свенцицкая. – С. 5 – 27.
- ⁸⁶ Дьяконов И.М., Якобсон В.А., Янковская И.Б. Общие черты второго периода древней истории. – С. 9.
- ⁸⁷ О тайпинском восстании как факторе в социально-экономическом развитии Китая подробнее см.: Кульпин Э.С. Восток: природа – технологии – ментальность на Дальнем Востоке / Э.С. Кульпин. – М., 2009. – С. 169.
- ⁸⁸ Лившиц Г.М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций / Г.М. Лившиц. – Мн., 1957.

- ⁸⁹ Дьяконов М.М. *Очерк истории Древнего Ирана* / М.М. Дьяконов / под ред. И.М. Дьяконова, А.Г. Периханян. – М., 1961. – С. 304 – 308; Солодухо Ю.А. *Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н.э.* / Ю.А. Солодухо // ВДИ. – 1940. – № 3 – 4. – С. 131 – 145.
- ⁹⁰ О движении бабидов в Иране см.: Арабаджян З.А. *Иран: власть, реформы, революции (XIX – XX вв.)* / З.А. Арабаджян. – М., 1991. – С. 11 – 13; Иванов М.С. *Бабидские восстания в Иране* / М.С. Иванов / ред. А.П. Баранников. – Л., 1939; *История Ирана* / отв. ред. М.С. Иванов. – М., 1977. – С. 243 – 250; Казем-Бек М. *Баб и бабиды. Религиозно-политические смуты в Персии в 1844 – 1852 гг.* / М. Казем-Бек / сост. А.К. Рзаев; ред. З.М. Бунятов, А.К. Рзаев. – Баку, 1985. – С. 66 – 224.
- ⁹¹ Иванов М.С. *Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX века* / М.С. Иванов / отв. ред. А.П. Новосельцев. – М., 1982.
- ⁹² Подробнее см.: Бунятов Дж.З. *Восстания карматов (IX – X вв.)* / Дж.З. Бунятов / ред. Э.Р. Агаева. – Баку, 1988; Негматов Н.Н. *Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX – X вв.)* / Н.Н. Негматов / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1977. – С. 124 – 127.
- ⁹³ Тягай Г.Д. *Крестьянское восстание в Корее 1893 – 1895 гг.* / Г.Д. Тягай / отв. ред. В.В. Лезин. – М., 1953. В советской историографии подобные движения воспринимались как крестьянские, что было связано со значительной степенью идеологизации исторического воображения в Советском Союзе. Автор полагает, что термин «крестьянство» не совсем корректно использовать в отношении стран Азии, Востока и Австрии. Вероятно, более корректным будет обозначать группы, в советской историографии известные как «крестьяне», в качестве «непосредственных производителей».
- ⁹⁴ Балаян Б.П. *Восстание племен на Юге Ирана (1922 – 1930)* / Б.П. Балаян / отв. ред. Г.С. Абрамян. – Ереван, 1974.
- ⁹⁵ Бабаев К. *Антифеодальные выступления лурских племен в Кух Гилуйе (Иран) в 1580 году* / К. Бабаев // *Иран и Афганистан. Научные труды по истории Ирана и Афганистана* / ред. М.Б. Бабаханов. – Душанбе, 1981. – С. 3 – 9.
- ⁹⁶ Смолин Г.Я. *Крестьянское восстание в провинциях Хунань и Хубэй в 1130 – 1135 гг.* / Г.Я. Смолин / отв. ред. Г.В. Ефимов. – М., 1961.
- ⁹⁷ Смилянская И.М. *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX века* / И.М. Смилянская / отв. ред. А.С. Тверитинова. – М., 1965. – С. 84 – 147, 194 – 207.
- ⁹⁸ Али-Заде Э.Э. *Восстание зинджей в аббасидском халифате (869 – 883 гг.)* / Э.Э. Али-заде. – Баку, 1985.
- ⁹⁹ Калужная Н.М. *Восстание ихэтуаней (1898 – 1901)* / Н.М. Калужная / отв. ред. В.Н. Никифоров. – М., 1978.
- ¹⁰⁰ Белов А.Е. *Учанское восстание (1911 г.)* / Е.А. Белов / отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М., 1971.
- ¹⁰¹ Норман Г. *Возникновение современного государства в Японии.* – С. 23 – 25.
- ¹⁰² Норман Г. *Солдат и крестьянин в Японии* / Г. Норман // Норман Г. *Возникновение современного государства в Японии. Солдат и крестьянин в Японии* / Г. Норман / пер. с англ. П.П. Топеха; ред., предисл. Е.М. Жуков. – М., 1961. – С. 266 – 268. См. также: Эйдуз Х.Т. *История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк* / Х.Т. Эйдуз. – М., 1968. – С. 87.
- ¹⁰³ О развитии экономики Ирана (Персии) в XVII – XIX веках как фактора, который стимулировал появление условий для протестных движений см.: Гейдаров М.Х. *Об организации и развитии крупных ремесленных мастерских в городах сефевидского Ирана XVII века* / М.Х. Гейдаров // *О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX). Материалы обсуждения* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 326 – 331; Кузнецова Н.А. *Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII – начала XIX века* / Н.А. Кузнецова // *О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX). Материалы обсуждения* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 332 – 362.
- ¹⁰⁴ Гайдар Е.Т. *Аномалии экономического роста.* – С. 42.
- ¹⁰⁵ Васильев Л.С. *История Востока.* – Т. 1. – С. 218. Л.С. Васильев активно использовал термин «приватизация» для описания социально-экономической истории древних обществ уже в советский период. См. например: Васильев Л.С. *Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации)* / Л.С. Васильев / отв. ред. А.В. Меликсетов. – М., 1983. – С. 283 – 285.
- ¹⁰⁶ О феномене власти-собственности на Востоке в понимании Л.С. Васильева см.: Васильев Л.С. *Всеобщая история* / Л.С. Васильев. – М., 2007. – Т. 1. *Древний Восток и античность.* – С. 137 – 141. О явлении власти-собственности Л.С. Васильев активно писал уже в советский период. Первые элементы этой концепции прослеживаются в его ранних публикациях начала 1960-х годов. См.: Васильев Л.С. *Аграрные отношения и община в Древнем Китае (XI – VII вв. до н.э.)* / Л.С. Васильев / отв. ред. Л.И. Думан. – М., 1961.
- ¹⁰⁷ Васильев Л.С. *Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке* / Л.С. Васильев // *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности* / отв. ред. Г.Ф. Ким. К.З. Ашфарян. – М., 1986. – С. 28 – 44.

ЭРИК ХОБСБАУМ: БРИТАНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ-КОММУНИСТ

Денис ПИЛАШ

ЭПОХА ЭРИКА ХОБСБАУМА*

Он прожил 95 лет - почти век. И мог рассказать об этом века столько, как никто другой. 1 октября 2012 после продолжительной болезни от нас ушел Эрик Джон Эрнест Хобсбаум - британский историк № 1, один из самых интересных марксистских авторов современности, автор целого ряда блестящих книг на различную тематику. Огромная заслуга Эрика Хобсбаум и его единомышленников в том, что их в истории интересовала прежде всего жизнь тех, о ком забывают авторы пафосных летописей о деяниях монархов и президентов - жизнь простых тружеников, которые, собственно, и двигают эту историю вперед. Хобсбаум, пронеся через всю свою долгую жизнь идеи равенства и справедливости, писал о героях своих исследований с искренней симпатией к их деяниям и желаниям, и в этом он был похож на своего американского коллегу Говарда Зинна – еще одного недавно умершего историка левых взглядов, посвятившего себя «народной истории».

Эрик Хобсбаум родился в египетской Александрии в семье британского подданного, сына польского еврея Леопольда Перси Обстбаума (фамилия Хобсбаум или Гобсбаум – результат ошибки в документах) и австрийской еврейки Нелли Грюн. Это немного напоминает раннюю биографию других британских историков-марксистов, братьев Перри и Бенедикта Андерсона, детство которых тоже начиналось далеко за пределами Британии. Родители Эрика заключили брак в нейтральной Швейцарии, когда вокруг свирепствовала Первая мировая война; пока они были живы, семья жила то в Вене, то в Берлине, но с детьми говорили на английском. Жили они бедно - Перри Андерсон отмечает, что Эрик Хобсбаум был

---

* Публикуется по: Пілаш Д. Доба Еріка Хобсбаума / Д. Пілаш. – (<http://commons.com.ua/?p=13247>).
Перевод с украинского на русский М. Казариновой.

«ближе к пролетарскому опыту, чем большинство английских интеллектуалов его поколения».

Отец Эрика безуспешно пытался заниматься бизнесом, пока истощение, вызванное экономическим кризисом, забрало его жизнь в 1929 г. Буквально через два года от туберкулеза умерла и мать Хобсбаума. Эрика с его сестрой Нэнси забрали на воспитание дядя и тетя, но вскоре их жизнь снова резко изменилась – в 1933 г., когда к власти пришли гитлеровцы, новая семья переехала в Лондон. Здесь Эрик получил репутацию всезнайки, потому что проводил большую часть времени, сидя в библиотеке с томами английских поэтов или основоположников марксизма. Осознавая свою юношескую странность, Хобсбаум оставил такой беспощадный к себе автопортрет (уже упоминавшемуся Перри Андерсону его тон напомнил самокритичный гороскоп Иоганна Кеплера): «Э. Дж. Э. Хобсбаум, высокий, неуклюжий, некрасивый, светловолосый 18-летний тип, со значительным объемом этажных знаний и оригинальных идей, общих и теоретических ... Некоторым он неприятен, еще кое-кому нравится, а остальным (их большинство) выглядит просто смехотворным . Пустой и тщеславный. Трус. Очень любит природу. И забывает немецкий язык».

Хобсбаум остался в Англии и после того, как приемная семья уехала из Европы в Чили перед самым началом Второй мировой войны. Приключений здесь хватало – в студенческие годы Хобсбаум не только был левым активистом и обозревателем газеты «Гранта», но и подрабатывал кинооператором, благодаря чему участвовал в съемках во Франции, Алжире и Тунисе. Он спланировал нелегальную поездку в охваченной гражданской войной Испании, где почти записался добровольцем в войска республиканцев. Более того - он даже мог стать шпионом из круга «Кембриджской пятерки»: Филби, Берджесс, Маклин и Блант учились вместе с ним в Кембридже, и в автобиографии «Интересные времена» Хобсбаум вспоминает, как ответил отказом на намеки этих молодых людей относительно возможного участия в некоей «миссии».

Не без грусти Хобсбаум вспоминал, что Вторую мировую он, при всем своем стремлении воевать с фашизмом, провел достаточно бессмысленно: он был зачислен сначала в саперный батальон в Сингапуре, а затем приступил к далекой от героизма службе общеобразовательной подготовки в Эдинбурге (мало того, что коммунист, еще и из Австрии, - пожалуй, этим и объясняется подозрительность к нему со стороны командования). Зато постоянное общение с инженерными работниками лишь усиливало увлечение

качествами английского рабочего и заинтересованность их проблемами.

В 1947 г. Хобсбаум защищает в Кембридже диссертацию, посвященную социал-реформистскому Фабианскому обществу (он сначала взялся за другую тему – аграрную реформу в североафриканских странах, но потом передумал), и становится преподавателем Биркбек, одного из колледжей Лондонского университета. По сути, он «успевает запрыгнуть в последний вагон»: «холодная война» набирает обороты, в Британии нагнетается антикоммунистическая истерия, и членам и попутчикам Компартии становится очень трудно устроиться на преподавательскую работу. Наконец, от этого «мини-маккартизма» Хобсбаум тоже пострадал: некоторое время ему был закрыт въезд в Соединенные Штаты, а официальное звание профессора истории он получил лишь в 1970 г.

В конце XX в. Хобсбаум, хотя и нажил многих недоброжелателей из числа антикоммунистов от консервативного или либерального лагерей, однозначно был из числа авторитетных интеллектуалов Британии, признанных в мире. Впрочем, с ним считались и недруги – так, правый журнал «The Spectator» назвал его «выдающимся здравствующим историком – не только Британии, но и мира», а певец британского колониализма историк Найл Фергюсон назвал четырехтомник Хобсбаума о XIX-XX вв. «Лучшим отправным пунктом для каждого, кто начинает изучение новой и новейшей истории». Интеллектуальную независимость и корректность Хобсбаума высоко ценил либеральный мыслитель Исая Берлин, которого никак не заподозришь в симпатиях к коммунистам.

Пик признания Хобсбаума мейнстримом в лице Ордена Великобритании и Содружества (типичным кавалером которого обычно становился какой-то консервативный аристократ) пришел именно тогда, когда идеологи неолиберализма дружно «хоронили социализм». Но оно значило для историка не столь признание научных левых – Дойчереvская мемориальная премия 1995 г. и Премия имени Эрнеста Блоха 2000. Еще этим летом, на 95-летие Эрика Хобсбаума, историк получил переведенные его коллегой Питером Геннеси поздравления от экс-президента Бразилии Лулы да Силвы и действующего президента Италии Джорджо Наполитано (Хобсбаум когда-то написал книгу из интервью Наполитано, бывшего коммунистического партизана – «Итальянский путь к социализму»).

С преданностью Хобсбаума коммунистической партии, с которой он оставался до самого ее роспуска, могла сравниться его преданность друзьям своей коммунистической молодости («может, поэтому и

оставался коммунистом, что не хотел предавать их памяти», - рассуждает Михаэль Дорфман). Одна из авторов некролога Эрика Хобсбаума на сайте «The Guardian» - социолог Дороти Веддерберн. Она умерла за десять дней до него. Автор ее некролога на «The Guardian» - Эрик Хобсбаум. Старые друзья приготовили друг другу некрологи раньше - на случай смерти кого-либо из них ... и все же Хобсбаум, несмотря на свой совсем преклонный возраст, мог пожить еще - он не сказал своего последнего слова, его старческий пессимизм как раз рассеивался под впечатлением от «Арабской весны» и других массовых социальных движений, охвативших мир в последние годы. Он не прекращал следить за событиями, анализировать и писать. По словам его дочери, когда отец умер в лондонской больнице, перед ним стояла кипа свежих газет.

В коммунистическую партию Хобсбаум вступил в 1936 г. - и до самой смерти оставался марксистом. Еще в Берлине, 14-летним он присоединился к Союзу социалистических школьников, связанному с Коммунистической партией Германии, и распространял их газету «Школьная борьба». Это было решение ученика традиционно консервативной прусской гимназии в Веймарской Германии, как раз накануне установления нацистской диктатуры. Позже он вспоминал: «Я пришел к коммунизму, когда быть коммунистом означало не просто борьбу с фашизмом, а мировую революцию. Я принадлежу к первому поколению коммунистов, для которых Октябрьская революция была центральной точкой в политической универсуме».

На 17-летнего Говарда Зинн большое впечатление произвел его первый опыт участия в коммунистической демонстрации, которую грубо разогнала полиция. Для 19-летнего Эрика Хобсбаума, который видел не одну коммунистическую демонстрацию еще берлинским школьником, похожим переживанием стала едва ли не самая прославленная акция в истории британского антифашизма. Это была «битва на Кабельной улице» (Cable Street battle) 1936 г., когда сотни тысяч людей на улицах Лондона остановили фашистский марш подручных Освальда Мосли, хотя последних и защищала полиция. Ощущение антифашистской солидарности, которое тогда объединило рабочих и профессоров, женщин и мужчин, англичан, ирландцев и евреев, лейбористов, коммунистов и анархистов, оставалось с Хобсбаумом на протяжении всей его жизни. Это впечатление было созвучно тому, что он увидел ранее того же года - проезжая на грузовике французских социалистов по Парижу, который праздновал День взятия Бастилии. Это было начало правления Народного фронта во Франции, и Хобсбаум, снаряженный в Европу в качестве

Коминтерновского переводчика, почувствовал разительный контраст настроения ликующих левых с «похоронным маршем» обреченных немецких коммунистов, которые в последний раз прошли по Берлину в 1933 г.

Членство в партии могло предложить еще что-то, чего не хватало в жизни чудаковатого лопоухого ботаника. Недаром полвека Хобсбаум вспоминал (журналистка «Гардиан» Майя Джагги добавляет - не без гордости), что «в течение 20 лет принципиально вступал в интимные связи исключительно с женщинами-членами компартии» («партийными» были обе жены Эрика. Первая оставила его, а затем погибла в автокатастрофе с новым мужчиной. Вторая, Марлен, пережила его; по себе он оставил еще дочь Джулию, сыновей Энди и Джозефа, семь внуков и одного правнука).

Что касается Коммунистической партии Великобритании, то она, хоть и не была существенным фактором в общественно-политической жизни страны, зато собрала в своих рядах большое количество интеллектуалов (например, ее членом был выдающийся генетик Дж. Б. С. Холдейн). Сложилась здесь и Группа историков Компартии Великобритании, с 1952 г. начала издавать журнал «Past and Present» (усилиями Хобсбаум она жива и ныне, но с 1992 г. носит название Социалистическое историческое общество). В нее входили такие известные авторы, как Эдвард Палмер Томпсон, Виктор Кьернан, Кристофер Хилл, Родни Хилтон, Рафаэль Самуэль, Артур Лесли Мортон, Джеффри де Сен-Круа, Джон Савил, Георг Рюде, а возглавлял ее сам Эрик Хобсбаум. Однако подавление Советским Союзом Венгерского восстания 1956 г., когда «советские» танки направились на рабочие советы Будапешта, повлекло разочарование большинства из них в политике Москвы и выход из Коммунистической партии Великобритании. Многие из них присоединились к младшим, креативным и радикальным «новым левым» (сам термин происходит от названия журнала «New Left Review», основанного Перри Андерсоном - на мой взгляд, после смерти Хобсбаума он остается лучшим из живых историков-марксистов).

Сам Хобсбаум партии не покинул, хотя тоже защищал рабочий характер восстаний 1956 г. в Польше и Венгрии, и в придачу подписал письмо протеста против советского вторжения. В своей автобиографии он дает несколько объяснений, почему остался в партии, но прежде всего он хотел доказать себе, что сможет добиться признания, несмотря на все преграды, которые создавались академическим истеблишментом для ученых-коммунистов. Журналист Нил Асчерсон, тогда - студент Кембриджа и друг

Хобсбаума, - вспоминал, что его товарищ впал после венгерских событий в такую депрессию, «что даже чуть разговаривал». Советские танки, которые давили «социализм с человеческим лицом» на улицах Праги 1968 г., стали для британского коммуниста не меньшим ударом.

В дальнейшем Хобсбаум становился все более критичным относительно политики СССР и КПСС. Зато он с большим энтузиазмом наблюдал за альтернативными версиями коммунистического движения, будь то Кубинская революция, «Пражская весна» или югославский «самоуправляемый социализм». Однако все эти альтернативы все же были модификациями внутри традиции, которая была заложена советским «марксизмом-ленинизмом». Он приветствовал Кубу, которую посетил после революции, но сомневался даже насчет латиноамериканских геваристов, которые брали с нее пример. Если за анархизмом Хобсбаум еще признавал хоть какую-то роль в историческом процессе, то к троцкизму (отдавая должное Троцкому как «первому коммунистическому диссиденту»), он считал его не больше чем обреченным одиночкой), маоизма (а вот к Мао он относился подчеркнуто критически), люксембургизму или «новым левым» он оставался равнодушным. Так, он воочию наблюдал за «Красным маем» 1968 года в Париже, но признавал, что леворадикальные студенты и «старые левые» его поколения «оставались чужаками» друг для друга. При всем его скепсисе относительно радикалов 60-х он с расстояния десятилетий все-таки соглашался, что «лучше иметь молодых людей, которые считают себя левыми, чем тех, кто считает единственной достойной делом фондовую биржу».

Вообще, для Хобсбаума ближе британской компартии стала итальянская - с ее самостоятельным курсом и своими теоретическими поисками. Здесь же следует добавить, что для британского историка «оригинальным западным мыслителем» XX ст. был именно основатель Итальянской Коммунистической Партии Антонио Грамши. Хобсбаум был одним из теоретиков еврокоммунистичной фракции Коммунистической Партии Великобритании, которая группировалась вокруг журнала «Marxism Today» и пыталась следовать итальянским, а не советским, товарищам. Поэтому, когда Итальянская коммунистическая партия, крупнейшая компартия западного мира, прекратила свое существование именно в тот момент, когда крах других традиционных партий страны (христианских демократов и социалистов, которых уличили в связях с мафией), казалось, создавал все условия для ее триумфа, Хобсбаум очень болезненно пережил этот коллективный суицид (пожалуй, самый

массовый в мировой истории) и наступление эры отбросов типа Берлускони.

Конец Советского Союза убил не только итальянскую компартию, но и ряд других постсталинистских партий. Компартия Великобритании тоже самораспустилась в 1991 г., а ее еврокоммунистическое большинство во главе с Ниной Темпл, взяв название «Демократические левые», трансформировала партию в нечто вроде левоватого «мозгового центра», которому оставалось беспомощно плестись вокруг Лейбористской партии.

А отношения Хобсбаума и лейбористов - это отдельная тема: ведь оставаясь преданным коммунистом, он дружил со многими деятелями Лейбористской партии. Считая «любое лейбористское правительство» меньшим злом, он присоединился к дискуссиям по выходу лейбористов из кризиса в 1980-х. Но тут он допустил роковую ошибку: он понимал, что в кризис лейбористов завела неспособность защитить рабочее движение от жестокого разгрома консервативным правительством Тэтчер, но сделал отсюда парадоксальный вывод: лейбористам следует любой ценой вернуть «умеренное» руководство - с тем, чтобы переориентироваться из рабочих в «средний класс». Фактически он способствовал разгрому левого крыла под руководством Тони Бенна и проторил путь идеям партийного лидера Нейла Киннока о реформировании Лейбористской партии. Но в конечном счете эта метаморфоза обернулась, по оценке историка-марксиста, настоящим кошмаром: партия приняла доктрину «третьего пути», что означало отказ от малейших намеков на социалистическую политику и принятие неолиберального рыночного курса, за проведение которого Хобсбаум окрестил премьер-министра «новых лейбористов» Тони Блэра не иначе, как «Тетчер в брюках».

Как получилось так, что Хобсбаум действовал вопреки своим политическим убеждениям? Дело в том, что на сотую годовщину смерти Карла Маркса, в 1978 г., в полемическом эссе «Конец победного шествия рабочего класса» он постулировал, что пролетариат (который он, надо сказать, понимал узко - в терминах XIX в.) больше не самый большой и мощный класс в Британии. По его дальнейшим словам, ускоренная деиндустриализация западных стран сыграла злую шутку не только с численностью, но и с сознанием рабочего класса, и сейчас невозможно найти страну, в которой рабочий класс сам по себе имеет достаточную политическую силу. Поэтому классовые левые партии - как коммунистические, так и социал-демократические - больше не могут опираться исключительно на рабочих и должны стать «народными» партиями (по его мнению, итальянская компартия уже прошла

такую трансформацию). Хобсбаум также сомневался, появится ли когда-то замена пролетариата как социальной базе левой политики, поэтому считал одной из главных задач современных прогрессивных сил создание коалиций образованного «среднего класса» читателей «The Guardian», с одной стороны, и масс невежественных бедных, с другой (и изрядно веселился революциям в арабских странах, где действовала подобная классовая комбинация).

Зато латиноамериканский «левый поворот» убедил историка, что этот класс еще не стоит сбрасывать со счетов - здесь именно рабочие профсоюзы стали основой («скелетом») для широких движений за социальные сдвиги. Как и многие западные левые интеллектуалы, Хобсбаум нашел утешение в бразильской Партии трудящихся, созданной как более широкий альянс левых от христианских социалистов до троцкистов - профсоюзов, движений безземельных крестьян и городских нищих, священников сторонников «теологии освобождения», защитников окружающей среды, марксистских интеллектуалов из университетских кругов и глубокого подполья. Исследователь видел в ней сходство с типичными партиями конца XIX в. и добавлял: «Сегодня я чувствую себя в Латинской Америке как дома, потому что это практически единственное место в мире, где люди говорят и действуют, используя старый язык XIX-XX веков - язык социализма, коммунизма и марксизма». Иными словами, латиноамериканский регион - единственный, где публичный дискурс обозначен терминологией европейского Просвещения.

Эрик Хобсбаум, родившийся в 1917 г., - ровесник Октябрьской революции. Он видел своими глазами то, что сам историк назвал (вслед за главой Академии наук Венгрии Иваном Берендей) «коротким XX веком» - период от Первой мировой войны до распада «восточного блока». Он был живым свидетелем и участником эпохи, которая очерчивалась попыткой реализации советского социалистического проекта, его последующей деградацией и падением. Правда, сам Хобсбаум понимал (вполне справедливо), что началом «катастрофического обвала» в конце XX века, который отбросил добытые в трудной борьбе достижения социального прогресса, был не крах «реального социализма» в Восточной Европе, а глобальный неоконсервативный поворот, связанный с политикой Пиночета, Рейгана и Тэтчер. Соответственно, социальная и экономическая катастрофа, к которой привели рыночные реформы на постсоветском пространстве - это, по словам Хобсбаума, «единственный чистый случай экспорта ультрарыночного фундаментализма» - тоже была его следствием.

К тому же, распад СССР принес, по Хобсбауму, и облегчение: «Мне кажется, что Маркса спас коллапс Советского Союза ... Совершенно очевидно, что из той огромной массы людей, интересующихся Марксом и марксизмом, много весьма критически относились к Советскому Союзу». Одновременно «практически всех социалистов глубоко поразили крах Советского Союза, поскольку их вдохновлял уже сам факт того, что какая-то часть мира считает себя социалистической ... Впоследствии было разочарование, и только сейчас - в начале нового века - вновь возник живой интерес к Марксу». И другой важный результат: «После падения СССР капиталисты перестали бояться. В этом смысле и они, и мы смогли взглянуть на проблему более трезвым, чем раньше, взглядом. Глобализированная неолиберальная экономика оказалась более нестабильной, чем я сначала думал, и это стало очевидно к концу века ... [когда] образовался этот огромный, почти глобальный, сбой в системе от России до Южной Кореи, Индонезии и Аргентины ».

В одном из последних своих интервью журналу «New Left Review» Хобсбаум выделил пять основных изменений, которые он наблюдал в мире с 1991 года, на котором заканчивается «Время крайности»: 1) смещение экономического центра мира из Северной Атлантики в Южную и Восточную Азию, 2) всемирный кризис капитализма, 3) форсированная неоконсерваторами из администрации Буша провальная попытка США установить единоличную мировую гегемонию под вывеской «войны с террором» после 2001 г.; 4) появление нового блока развивающихся стран, - БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) 5) эрозия и систематическое ослабление власти национальных государств.

Вместе с тем, последние интервью Хобсбаум оставляют довольно неоднозначное впечатление. Он видит новые симптомы того, что капиталистическая система не работает и это, казалось бы, должно было его обнадеживать. Но историк не может скрыть своего пессимизма. «Раньше я считал, что можно предсказать направление, в котором будет развиваться история, - объясняет он, - но случайности оказываются гораздо важнее, чем мы думали». В своих прогнозах он боится предусмотреть нечто большее чем возвращение застенчивого кейнсианства, постоянно говорит о «провале коммунизма» (мол, коммунистический проект был обречен с самого начала), а слово «социализм» в его устах звучит почти исключительно в прошедшем времени.

Такое разочарование искреннего коммуниста в социалистической перспективе человечества объясняется тем, что он, будучи критиком

правлящих компартий и оппонентом сталинизма, он все-таки остался в плену той политической культуры, которую по себе внутри партий, входивших в Коминтерн, оставила сталинистская практика. Наложили свой отпечаток разгром оппозиции, отсутствие дискуссий и «единогласие», закостенелость и догматизм, необходимость оправдания уловок московской политики (вплоть до позорного пакта с Гитлером, через который от компартий массово отшатнулась антифашистская интеллигенция), отвержение программы мировой революции в пользу «построения социализма в отдельно взятой стране », что означало компромиссы с национальной буржуазией. Даже когда подобные партии осудили крайности сталинского «культ личности», их попытки проложить самостоятельный курс могли породить разве что очередную разновидность социал-демократического реформизма, в котором для творческого марксизма так же не оставалось места. Как это и произошло с итальянской компартией и ее еврокоммунистическими последователями.

Что бы там ни говорили те, кто обвинял Хобсбаума в «замалчивании преступлений советского режима» (от леволиберального Тони Джадта к антикоммунистическому Роберту Конквесту), он, по собственным словам, «никогда не преуменьшал те ужасы, которые происходили в России». В «Эпоху крайностей» он пытается добросовестно изложить и «беспрецедентную жестокость» системы, которая присвоила себе название «реального социализма». Когда в 1954 г. Хобсбаум впервые лично посетил СССР, путешествие было интересным, но его, как западного коммунистического интеллектуала, не могло не озадачить почти полное отсутствие советских людей, которые были бы похожими на него - одновременно эрудированными интеллектуалами и искренними марксистами (публицист Ник Коэн саркастически добавил, что Хобсбаум просто искал их не в той части России - Сибирь после 1937 г. была усеяна телами коммунистических интеллектуалов).

«Материалистическая концепция истории, которая является ядром марксизма, применима везде и всегда. Ее следовало применить, например, и в страны так называемого реального социализма. К сожалению, этого никто не сделал, хотя была такая потребность и возможность », - писал Хобсбаум. И все же, он продолжал называть то, что было в Советском Союзе «социализмом» и не верил в возможность революционной альтернативы сталинизма, которая бы обошлась без репрессий и единоличной диктатуры.

Нам, следом за теоретиком Комитета за рабочий интернационал Питером Таафом, остается только сожалеть, что Хобсбаум

недостаточно интересовался левой критикой сталинизма (в частности, работами Троцкого) и сам не решился на марксистский анализ перерождения русской революции. Отсюда и наивность восприятия Хобсбаумом антисоциалистической политики сталинистской и социал-демократических партий, в частности искреннее непонимание причин, стоявших за поражением на выборах Коммунистической партии Индии (марксистской), которая в течение трех десятилетий правила в штате Западная Бенгалия, действуя в интересах крупной буржуазии, отбирая землю у крестьян, проталкивая антипрофсоюзных законодательство и истребляя маоистских крестьянских партизан.

Несмотря на порой спорные решения Хобсбаума в политике, его научный потенциал имеет большую пользу для всех левых - рискну предположить, большую, чем громоздкость Бадью, пустопорожность Негри и «актерство» (извините, но это выражение самого Хобсбаума) Жижека. И напоследок - слова пессимиста Хобсбаума, которые доказывают, что он не терял надежды (и все-таки она оборачивается!): «Преодоление капитализма до сих пор кажется мне реальной возможностью».

Некролог на сайте mnenia.ru, посвященный покойному, заканчивается словами: «Эрик Хобсбаум – мыслитель, который стал примером интеллектуальной честности и достоинства для многих поколений. Если вы не успели прочитать его работы при жизни, теперь для них самое время». К сожалению, переводы трилогии Хобсбаума о XIX в. на украинском и русском, мягко говоря, не лучшие (кстати, характерно, что в СССР не издали ни одной его книги – в Венгрии и Югославии издавали, но уже для советского официоза этот член британской компартии был неприемлемым). Что касается отечественного перевода «Эпохи крайностей» (Age of Extremes), то его «качество» можно оценить уже по тому, что исказили название книги, переложив как «Век экстремизма».

В любом случае, всем, кого интересует История и современность, стоит читать книги Хобсбаума. А оставил он их добрых три десятка (если не учитывать, например, упорядоченные и отредактированные им английские издания Маркса и Энгельса). Среди них - трилогия о «длинном XIX веке» («Эпоха революции: Европа, 1789-1848», «Эпоха капитала: 1848-1875», «Эпоха империи: 1875-1914»), ее своеобразное продолжение - история «короткого XX века» («Эпоха крайностей») экономическая история Англии («Производство и империя: с 1750 г. и до современности») научная критика национализма («Нации и национализм после 1780 г.: Программа, миф, реальность», сборник «Изобретение традиции»), исследования по истории рабочего класса и

классовой борьбы («Труженики. исследования по истории рабочего движения», «Миры труда: Дальнейшие исследования истории рабочего»); труды по методологии истории («Об истории»); интеллектуальная автобиография «Интересные времена : Жизнь в XX веке».

Писал он и на тему своего давнего увлечения – джаза. В 50-60-х Хобсбаум, под псевдонимом Френсис Ньютон, был музыкальным обозревателем в газете «The New Statesman» и журнале «Nation», известных изданиях леволиберального направления. Доказательством его осведомленности как ценителя музыки стали несколько книг на соответствующую тематику, последней из них была «Необычные люди: сопротивление, восстание и джаз». В 2011 г. мир увидел его последнюю работу - «Как изменить мир: Сказания о Марксе и марксизм». Как раз вовремя: в условиях нового мирового кризиса капитализма, когда все наперебой вспомнили пророчества бородатого классика, от которых еще недавно отреклись - ведь те «оказались намного точнее, чем у любого другого, кто писал в 1848 году» (в интервью Тристраму Хант Хобсбаум иллюстрирует это повсеместным равнодушием английских левых к 150-летию «Манифеста Коммунистической партии» в 1998 г.) Еще одна книга Хобсбаума выйдет посмертно - в 2013 г.

Богатое письменное наследие Хобсбаума - результат его упорных социально-критических исследований. Энциклопедическая эрудиция и доступный стиль автора дополнялись знанием многих языков: он владел английским, немецким, французским, испанским, итальянским (русский он, в отличие от коллеги и товарища Кристофера Хилла, так и не осилил), к тому же читал на голландском, португальском и каталонском. К тому же, он очень метко мог дать лаконичную «выжимку» того основного, что характеризовало сложные процессы, длившиеся десятилетиями и веками. Поэтому у постмодернистских историков, замкнутых в своих узкоспециализированных темах, их «старомодный» коллега вызвал недовольство ... и плохо скрываемую зависть. А он, исследователь больших трансформаций и глобальных перспектив, чувствовал свое одиночество в среде ученых, которые отказывали в возможности исторического познания в пользу релятивизма. В этой новой исторической науке, царившей в 1970-х, редким утешением для него становились труды, которые нарушали по-настоящему большие проблемы - например, «Европа и народы без истории» Эрика Г. Вульфа или «Большой отрыв» Кеннета Померанца.

Основным периодом, который исследовал Хобсбаум, был XIX в. Как марксиста, его особенно интересовал анализ «двойной

революции» конца XVIII в. - Политической во Франции и промышленной в Британии. Именно они заложили основы современного капиталистического общества. Непосредственным последствием французской революции посвящена работа историка под названием «Эхо Марсельезы».

Собственно, Хобсбаум и ввел термин «длинный XIX век» - он начинается с Великой французской революции (1789 г.) и заканчивается началом Первой мировой войны (1914 г.). Ему и посвящен вышеупомянутый трехтомник (он вышел в 1962-1987 гг), в котором не только дается панорамная и одновременно емкая картина развития европейской буржуазной цивилизации, но и зарисовки из жизни рядовых людей того времени - не даром Хобсбаума причисляют к основополагателям «истории повседневности». В его «Эпоху крайностей» (1994 г.) статистические показатели экономического роста или количества студентов в разных странах приправлены личными наблюдениями автора, а также воспоминаниями его многочисленных друзей и собеседников из разных концов света. Это способствовало огромной популярности «Времени крайностей», которую перевели на четыре десятка языков мира.

Следующей любимой темой марксистского автора были люди, которые противились социальной несправедливости в разные времена и в разных формах. Во время поездки по Средиземноморью в 1957 г. Хобсбаум пришел к выводу, что местная протестная активность не укладывается в классическое представление о рабочих движениях, постоянно открывая «какие-то аномальные явления - скажем, когда партийные ячейки на юге Италии выбирали партсекретарями свидетелей Иеговы». Он исследовал много архивных документов и опросил немало испанских и итальянских крестьян - этот материал лег в основу его первой известной книги «Первоначальные бунтари: Исследование архаических форм социальных движений в XIX и XX веках».

В 1960-х годах, рядом со знаковой книгой Эдварда Палмера Томпсона «Формирование английского рабочего класса», появляются не менее важные исследования Эрика Хобсбаума на эту же тематику. Томпсон и Хобсбаум дополнили марксистский анализ рассмотрением культурных и других «надстроечных» факторов, что ознаменовало собой «культурный поворот» в британском историческом материализме. Рассматривая индустриальный пролетариат, Хобсбаум обращается к его культуре как к важному моменту в становлении классовой идентичности и анализирует ее соотношение с массовой культурой.

Наконец, Хобсбаум блестяще препарирует понятие «нация». Его имя стоит рядом с именами Бенедикта Андерсона и Эрнеста Геллера в ряду исследователей модернистского направления, которые показали, что нации, вопреки громким пропагандистским мифам об их «исконности», являются идеологическими конструктами, впервые появившимися в Западной Европе после буржуазных революций нового времени для задач политической консолидации современных государств. Парадоксально, но именно это направление исследований сделало его имя узнаваемым на Украине - за годы независимости, в условиях идеологического вакуума, о «нации» говорилось много и без разбора, и Хобсбаум, убежденного интернационалиста и строгого критика национализма, часто записывали в ... «теоретики национализма».

Еще в свои детские годы Хобсбаум столкнулся с разрушительным потенциалом, который в себе несли великодержавные спекуляции о «национальных интересах». Он видел, как была изуродована вся Центральная Европа. Он ходил в школу в республиканской Австрии, где на стенах все еще висели карты Австро-Венгрии, а учебники учили любви к уже мертвой «лоскутной империи». Он наблюдал за факельными шествиями нацистов, ставших прологом к самым безжалостным боям в мировой истории. Казалось бы, это должно чему-то научить мир, но конец XX в. снова оставил по себе серию кровавых этнических геноцидов. Причем сегодняшний национализм «нового типа» питается уже не столько самой идеей национального государства, сколько голой ксенофобией. Поэтому Хобсбаум искал научное объяснение для этих явлений и тенденций.

Если Бенедикт Андерсон говорит о нации как «воображаемом сообществе», то Хобсбаум - о «изобретенных традициях». Под «изобретенными традициями» Хобсбаум подразумевает культурные практики ритуального или символического характера, которые призваны легитимизировать институты, символизировать принадлежность к общности или привить определенные ценности и нормы поведения через повторяемость, которая автоматически предполагает связь с прошлым, и через подчеркивание их исторической давности – в основном фиктивной, тогда как «массовое традициетворение» является неотъемлемой составляющей национальных идеологий модерна. Поэтому и противопоставление «традиции» и «современности», которое любят всевозможные консерваторы и правые - тоже искусственное.

Соответствующее название носит сборник «Изобретение традиций» (The Invention of Tradition), вышедшей под редакцией

Эрика Хобсбаум и Теренса Рейнджера в 1983 г. и была переведена на украинский в 2005 г. Ее авторы беспристрастно проанализировали щедрый фактический материал «традиций», которые знали различные части Британской империи (отдельные разделы посвящены шотландской, английской, валлийской, колониальной индийской и африканской истории), и проанализировали, как задним числом изобретаются традиции, которые выдаются за «вековые» и «сталые». Хрестоматийный пример: килты, мужские юбки, которые в массовом сознании неотделимы от «традиционного» образа шотландца, на самом деле оказываются поздним нововведением, которое возникло на одном из заводов едва ли не случайно. Но в книге можно найти и немало других интересностей - вплоть до того, как в британской рабочей среде распространилась культура футбола.

Говоря о современном обществознании, Эрик Хобсбаум любил повторять, что Маркс – это пусть и не последнее в ней слово, «но он, несомненно, первое слово в попытках понять ход развития человечества». Так и с научным наследием самого Хобсбаума: несмотря на их невероятный объем, оно составляет лишь небольшую часть того, что он хотел написать и донести до читателей. Но однозначно, что только благодаря ему исторические исследования приобрели новые измерения, стали более социально ангажированными и, наконец, человеческими. Как пишет Михаэль Дорфман в своей вдохновенной статье памяти Хобсбаума: «Жизнь и труды Эрика Хобсбаума продолжают служить источником вдохновения для тех, кто верит, что знание истории жизненно необходимо для понимания современности и борьбы за создание лучшего мира».

ЭРИК ХОБСБАУМ: МИР РАСПАДАЕТСЯ*

«Время крайностей» заканчивается 1991 годом – панорамой глобального сдвига – краха надежд Золотого Времени на всемирное социальное совершенствование. Какие, на ваш взгляд, главные события произошли с того времени?

Я вижу пять основных изменений. Во-первых, уменьшение экономического центра мира с Северной Атлантики до Южной и Восточной Азии. Это началось еще в Японии семидесятых-восемидесятых, однако подъем Китая с девяностых годов был замечен особенно сильно. Во-вторых, конечно, всемирный кризис капитализма, который мы предвидели, но который, тем не менее, потребовал много времени, чтобы произойти. В-третьих, громкая и, как теперь стало очевидно, провальная попытка США установить единоличную мировую гегемонию после 2001 года. В-четвертых, появление нового блока развивающихся стран – БРИК [Бразилия, Россия, Индия, Китай] – это произошло уже после написания «Времени крайностей». И, в-пятых, эрозия и систематическое ослабление власти государств: это касается и власти национальных стран в пределах их территорий, и - во многих частях мира - любых видов эффективной государственной власти. Этот процесс был предсказуем, однако, не соответствуя моим ожиданиям, он состоялся быстрее.

Что еще удивило вас с тех пор?

Я никогда не перестая удивляться полным глупости проекту неоконсерваторов [неоконсерваторов], которые не только делали вид, что за Америкой будущее, но даже думали, что она сформулировала стратегию и тактику достижения этой цели. Насколько я мог судить, с рациональной точки зрения, последовательной стратегии Америка не имеет. Второе, что меня дивило гораздо меньше, но ощутимо – это возрождение пиратства, о котором мы же успели забыть. И третья вещь, еще более локальна – крах Коммунистической партии Индии (марксистской) в Западной Бенгалии, который бы я никогда не предвидел. Пракаш Карат, генеральный секретарь партии, недавно рассказал мне, что они чувствовали себя в Западной Бенгалии окруженными. Они ожидали плохого результата против этого нового Конгресса - после тридцатилетнего правления в статусе, можно сказать, националь-

---

* Печатается по: Ерік Гобсбаум: Світ розпадається. – (<http://commons.com.ua/?p=8397>).
Перевод с украинского языка М. Козариновой.

ной партии. Их политика индустриализации с отбиранием земли у крестьян имела негативные последствия и была очевидной ошибкой. Я так понимаю, что, как и все левые правительства, они должны были приспособить экономическое развитие, включая частный сектор, поэтому для них было естественным создать сильную промышленную базу. Но представляется несколько неожиданным, что это привело к такому драматическому повороту событий.

Вы можете представить какое-либо политическое восстановление того, что когда-то было рабочим классом?

Не в традиционной его форме. Маркс, без сомнений, был прав, предвидя создание великих классовых партий на определенной стадии индустриализации. Однако эти партии, если они были успешными, действовали не как чисто рабочие партии: если они хотели выйти за пределы узкого класса, то становились народными партиями, хотя и структурированными вокруг организации, изобретенной для помощи и для целей рабочего класса. Но и в этом случае классовое сознание было довольно ограничено. В Британии лейбористы никогда не набирали более 50 процентов голосов. То же самое в Италии, где коммунистическая партия была куда более народной партией. Во Франции левые опирались на сравнительно слабый рабочий класс, но его политически усиливала великая революционная традиция, преемником которой класс себя объявил - что дало ему и левым гораздо больше преимуществ.

Упадок промышленного рабочего класса мне кажется окончательным. Есть и будет еще масса людей, которые занимаются физическим трудом, и защита их условий остается важным заданием для всех левых правительств. Однако это уже не может быть главным фундаментом надежд левых: у работников больше нет, даже в теории, политического потенциала, им не хватает организационной способности старого рабочего класса. Есть еще три основных тенденции. Во-первых, конечно, ксенофобия – которая для большей части рабочего класса является, как сказал Бебель, «социализмом для дураков»: защитите мою работу от людей, конкурирующих со мной. Чем слабее становится рабочий класс, тем больше его привлекает ксенофобия. Во-вторых, все чаще физический труд и труд «второстепенного и манипулятивного этапа» (по терминологии Британской Государственной Службы) уже не постоянная, а временная: например, студенты и мигранты в ресторанном обслуживании. Трудно рассматривать таких работников как потенциально способных для организации. С легкостью могут организовываться разве что те временные работники, которые

наняты государственными органами, потому что эти органы политически уязвимы.

Третьей и самой важной, на мой взгляд, тенденцией является рост разделения, которое вызывает новый классовый критерий – сдачу экзаменов в школах и университетах как допуск к приобретению хорошей работы. Это, если хотите, меритократия; но она выверенная, институализированная и опосредованная образовательными системами. Такая ситуация перевела классовое сознание от оппозиции касательно работодателей в оппозицию касательно тех или иных сливок общества – интеллектуалов, либеральных элит, людей, «обманывающих нас». Америка – стандартный пример, но в Британии тоже такое случается, если взглянуть на местную прессу. Тот факт, что степень PhD или хотя бы магистра повышает твои шансы заработать миллионы, несколько усложняет задачу.

Может ли теперь быть произведена замена пролетариата? Ее уже нельзя определять по перспективе единого класса, но в таком случае ее может никогда уже и не быть. Существует прогрессивная политика коалиций, в частности относительно постоянных как коалиция между, с одной стороны, образованным средним классом читателей «Guardian» и интеллектуалами (высокообразованными и более склонным к левым взглядам) и, с другой стороны, массой необразованных бедных. Обе группы необходимы для современного левого движения, однако, их теперь сложнее объединить, чем раньше. В каком-то смысле бедным легче идентифицировать себя с мультимиллионерами, говоря «если бы мне повезло, я бы стал поп-звездой». Но нельзя сказать «если бы мне повезло, я бы получил Нобелевскую премию». Существует реальная проблема сплотить политику людей, которые объективно могли бы находиться на одной стороне.

Как бы вы сравнили современный кризис с Великой депрессией?

Двадцать девятый начался не с банков – их крах наступил двумя годами ранее. Скорее, фондовая биржа вызвала спад производства, со значительно большей безработицей и мощным фактическим упадком в производстве, чем когда-либо позже. Нынешнюю депрессию встретили более подготовлено, чем кризис 1929 года, ударивший как гром среди ясного неба. Давно было очевидно, что неолиберальный фундаментализм вызвал огромную нестабильность в капиталистических процессах. До 2008 года казалось, что это поражает только маргинальные регионы – Латинскую Америку в 90-х и в начале 2000-х; Юго-Восточную Азию; Россию. В странах центра были разве что спо-

радикальные обвалы на фондовой бирже, которые были довольно быстро оздоровлены. Мне казалось, что настоящим толчком для кризиса должен стать крах Long Term Capital Management в 1998 году, который доказывал ошибочность всей модели роста, однако тогда его не рассматривали с такой перспективы. Парадоксально, но кризис заставил многих бизнесменов и журналистов открыть заново Карла Маркса, как человека, который писал что-то интересное о современной, глобализированной экономике, и это открытие не имеет никакого отношения к старой «левицы»

Мировая экономика в 1929 году была менее глобализированная, чем теперь. Это, конечно, имело последствия - например, людям, потерявшим работу, было значительно легче, чем сейчас, вернуться в свои села. В 1929 году во всем мире вне Европы и Северной Америки глобальные части экономики были скорее клочками, которые никак не касались близлежащих территорий. Существование СССР не имело практического влияния на Депрессию, но оно имело чрезвычайный идеологический эффект - была альтернатива. С 90-х годов мы видели подъем Китая и других экономик, которые действительно оказали влияние на текущую депрессию, ведь они помогли удержать мировую экономику более уравновешенной, чем могло быть в противном случае. По сути, даже в дни, когда неолиберализм заявлял о своем процветании, реальный рост во многом происходил в этих новых экономиках - прежде всего в Китае. Я уверен, что если бы не Китай, спад 2008 года был бы куда серьезнее. Поэтому я думаю, что мы выберемся из кризиса достаточно быстро; впрочем, некоторые страны - в частности Великобритания - еще некоторое время будут страдать от депрессии.

А как насчет политических последствий?

Депрессия 1929 года вызвала чрезвычайным смещением политики справа, с важными исключениями Северной Америки (включая Мексику) и Скандинавии. Во Франции на выборах 1936 года Народный фронт получил лишь на 0,5 процента больше, чем в 1932, поэтому его победа означала просто сдвиг в составе политических альянсов, а не что-то более глубокое. В Испании, несмотря на квази- или потенциально революционную ситуацию, прямым следствием было также движение в правую сторону, с соответствующим долговременным эффектом. В большинстве других стран, особенно в Центральной и Восточной Европе, политика сместилась вправо особенно резко. Эффект текущего кризиса не столь четко очерчен. Можно подозревать, что главные политические изменения или сдвиги наступят не в США

или на Западе, а, почти наверняка, в Китае. Но пока возможны лишь спекуляции относительно сути этих изменений.

По вашему, Китай продолжает оказывать сопротивление экономическому спаду?

Пока нет оснований думать, что его рост неожиданно прекратится. У китайского правительства был неприятный шок из-за кризиса, потому что она временно остановила много промышленных объектов. Но страна сейчас на ранней стадии экономического роста, у нее огромный простор для экспансии. Я не хочу спекулировать на тему будущего, однако можно представить Китай через двадцать-тридцать лет гораздо важнее в мировом масштабе, по крайней мере политически и экономически, не обязательно в военном смысле. Конечно, у Китая большие проблемы - всегда есть люди, которые спрашивают, может ли эта страна держаться вместе. Однако я думаю, что у людей и в дальнейшем есть сильные реальные и идеологические основания желать объединенного Китая.

Как бы вы оценили администрацию Обамы после года президентства?

Люди были очень довольны, что был выбран такой президент, и в ситуации кризиса, как им казалось, он просто обязан быть великим реформатором, которым стал Рузвельт. Но Обама не стал реформатором. Он плохо стартовал. Если сравнить первые сто дней Рузвельта и Обамы, очевидна готовность Рузвельта полагаться на неофициальных советников и пробовать что-то новое, тогда как Обама упорно держится центра. Я считаю, что он упустил свой шанс. Настоящей возможностью для него были первые три месяца, когда соперник был полностью деморализован и не успел заново мобилизоваться в Конгрессе. Обама не использовал этой возможности. К нему можно относиться доброжелательно, но я не считаю, что перспективы Обамы выглядят обнадеживающими.

Если говорить о самом горячем международном конфликте в мире, как вы считаете, правдоподобной ли для Палестины является перспектива деления на две страны, как некоторые предлагают?

Лично я сомневаюсь, что это сейчас возможно. Каково бы ни было разрешение конфликта, ничего не изменится, пока американцы не решат полностью изменить свою позицию и нажать на Израиль. Сейчас я таких стремлений не замечаю.

Есть ли какие-то части мира, в которых, по-вашему, положительные прогрессивные моменты до сих пор живы или могут возникнуть?

Конечно, в Латинской Америке, где политика и общий публичный дискурс еще определяются в старых просветительских - либеральных, социалистических, коммунистических - терминах. Там можно найти милитаристов, которые говорят как социалисты - потому они и есть социалисты. Там есть такой феномен, как президент Бразилии Лула, опирающийся на рабочее движение, или как боливийский президент Моралес. Куда все это может завести - это другой вопрос, однако старым левым языком все еще можно разговаривать и старый способ осуществления политики все еще возможен. Я не до конца уверен относительно Центральной Америки, хотя и есть признаки возрождения традиций Революции в Мексике; но это не зайдет далеко, поскольку Мексика практически интегрировалась американскую экономику. Мне кажется, что Латинская Америка имеет преимущество из-за отсутствия этнолингвистического национализма и религиозных разделений, и поэтому там легче содержать старый дискурс. Меня всегда поражало, что, по крайней мере, до недавнего времени, там не было намеков на этническую политику. Она появилась в мексиканских и перуанских туземных движениях, но никак не в том масштабе, в котором она существует в Европе, Азии и Африке.

Возможно, что в Индии, благодаря институциональной силе секулярной традиции Неру, прогрессивные проекты также могут возникнуть. Но вряд ли они достигнут широких масс, кроме разве что некоторых регионов с сильной поддержкой коммунистов (Бенгалия и Керала) и отдельных групп, таких как наксалиты или маоисты в Непале. Помимо всего этого, наследство старых рабочих, социалистических и коммунистических движений остается достаточно сильным и в Европе. Партии, еще при Энгельсе основанные, до сих пор являются потенциальными партиями правительства или руководящими партиями оппозиции почти по всей Европе. Подозреваю, что даже наследство коммунизма, где-то на Балканах или даже в отдельных частях России, может выйти наружу в неожиданных формах. Что произойдет в Китае, я не знаю. Но нет сомнений, что китайцы сейчас говорят новым политическим языком, а не модифицированным марксистским или маоистским.

Вы всегда критически относились к национализму как к политической силе, предостерегая левых против окраски его в

красный цвет. Но вы также выступаете и против нарушений национального суверенитета во имя гуманитарных интервенций. Какие разновидности интернационализма желательны и возможны теперь, после конца рабочих интернациональных движений?

Прежде всего, «гуманитаризм», империализм прав человека, не имеет ничего общего с интернационализмом. Это либо признак возрожденного империализма, который ищет прощения за нарушение государственного суверенитета - и это может быть вполне искреннее извинение - или говорится, что более опасно, о перерождении веры в неокрушимое превосходство части света, которая царила над планетой с шестнадцатого и до конца двадцатого века. Наконец, ценности, насаждаемые Западом, являются специфическими, не обязательно универсальными. Если бы это были универсальные ценности, их можно было бы переформулировать в других терминах. Я не думаю, что мы имеем дело с чем-то национальным или интернациональным по своей сути. Однако национализм играет также важную роль, поскольку международное устройство, основанное на национальных государствах - Вестфальская система - в прошлом был, к счастью или, к сожалению, одной из лучших гарантий против вторжения чужеземцев в страну. Без сомнения, только это устройство ликвидировано, открывается дорога для агрессивных и экспансионистских военных действий. Именно поэтому США отказались от Вестфальского устройства.

Интернационализм, как альтернатива национализма, - запутанное дело. Это либо политически пустой лозунг, как это из практических соображений было в международном рабочем движении, где лозунг не значило ничего строго определенного, или же способ обеспечения единообразия для мощных, централизованных организаций типа римско-католической церкви или Коминтерна. Интернационализм означал, что как католик ты верил в те же догмы и участвовал в тех же практиках независимо от того, кто ты и где ты живешь; аналогичным был случай коммунистических партий. В какой степени все действительно так и происходило и когда прекратилось - даже в католической церкви - это другой вопрос. Мы интернационализм понимали не совсем так.

Национальное государство было и остается ограничением для всех политических решений, внутренних или внешних. До недавнего времени деятельность рабочих движений - фактически, вся политическая деятельность - осуществлялась почти полностью в рамках государства. Даже в ЕС политика до сих пор строится в национальных терминах. Иначе говоря, нет действенной наднациональной силы, только отдельные государства, объединенные в коалиции. Возможно,

миссионерский фундаменталистский ислам является исключением и простирается через государства, но он еще не показал этого в полную силу. Ранние попытки панарабских сверхдержав, например между Египтом и Сирией, распались прежде всего из-за имеющихся государственных - а раньше колониальных - границ.

Видите ли вы, таким образом, неизбежные препятствия на пути каких-либо попыток преодоления границ национального государства?

В экономической и многих других сферах, даже в какой-то степени в культурной, революция коммуникаций создала действительно интернациональный мир, в котором сила решений является транснациональной, деятельность является транснациональной, и конечно движение идей, людей и общения также являются значительно более транснациональными, чем раньше. Даже языковые культуры ныне дополнены идиомами из международных коммуникаций. Но в политике не видно ни одного такого признака, и это является важным противоречием. Одна из причин, почему этого не произошло - демократизация политики в двадцатом веке, вовлекла в политический процесс массу простых людей. Государство кажется необходимым для повседневных действий и жизненных возможностей этих людей. Попытки расколоть государство изнутри, через децентрализацию, всего в последние тридцать или сорок лет, и некоторые не безуспешны. В частности, в Германии децентрализация показала свою эффективность, да и в Италии регионализация пошла на пользу. Однако попытка установить более-национальное государство не сработала. ЕС - очевидный пример. Трудности, по сути, начались из-за основателей, которые рассматривали сверхдержаву в терминах национального государства, только большого. Такой вариант, впрочем, не было возможным, и тем более он невозможен теперь. ЕС - это специфическая реакция в пределах только Европы. В разное время были признаки наднационального государства на Ближнем Востоке и в других местах, но только ЕС, кажется, чего-то достиг. Например, я совершенно не верю в вероятность возникновения большой федерации в Южной Америке.

Следовательно, это противоречие остается нерешенной проблемой: с одной стороны, существуют транснациональные организации и практики, которые опустошают государство, возможно даже ведут к полному ее краху. Но если такое действительно произойдет - а это не ближайшая перспектива, по крайней мере в развитых государствах - кто тогда возьмется за перераспределительную и другие функции, которые до сих пор осуществляло только государство? Сегодня мы име-

ем нечто вроде симбиоза и конфликта. Это одна из базовых проблем любой массовой политики сегодня.

Национализм был мощной политической силой на протяжении XIX и большей части XX века. Какой вы видите ситуацию сейчас?

Несомненно, национализм был частью процесса формирования современных государств, нуждающихся в другой форме легитимации, чем теократические или династические государства. Первоначальная идея национализма заключалась в формировании большого государства, и мне кажется очень важной его объединительная и расширяющая функции. Типичной была Французская революция: в 1790 году появились люди, которые говорили: «мы не сторонники дофина, и не южане, мы французы!». На более поздней стадии, примерно с 1870 года, появились движения, выступавшие в пределах крупных государств за свои независимые государства. Именно отсюда идет идея Уилсона о национальном самоопределении - хотя тогда, в 1918-19, это понятие корректировалось защитой меньшинств, который с тех пор постепенно исчез. Стало понятно, хотя не всегда для самих националистов, что ни одна из новых национальных государств не была этнически или языково гомогенная. После Второй мировой войны все, не только левые, обратили внимание на слабости имеющихся мероприятий и начали расчетливо, принудительно создавать этническую гомогенность. Это привело к чрезвычайным страданиям и жестокости, и в конечном счете не сработало. Тем не менее, до войны сепаратистский тип национализма работал достаточно хорошо. Позже он усилился из-за деколонизации, которая по своей природе образовывала больше государств, а в конце века добавился распад Советской империи, который также породил новые мини-государства, многие из которых, как и в колониях, на самом деле не собирались откалываться - независимость им была навязана силой истории.

Я не могу избавиться от ощущения, что функция маленьких сепаратистских государств, число которых значительно умножилась после 1945 года, изменилась. Прежде всего, их признают существующие. Перед II мировой войной мини-государства вроде Андорры и Люксембурга никем не учитывались как части международной системы, разве что коллекционерами марок. Идея, что что-угодно, вплоть до Ватикана, следует считать государством и потенциальным членом ООН, - новая. Понятно также, что с силовой перспективы эти государства не в состоянии играть роль традиционных государств - у них нет возможности воевать против других государств. В лучшем случае

они стали финансовыми райскими уголками, или полезными базами для транснациональной конкуренции. Хороший пример - Исландия; Шотландия тоже близка к этому.

Историческая функция создания нации как национального государства больше не является основой национализма. Это уже не такой убедительный лозунг, как раньше. Когда-то нация была эффективна как средство для образования сообществ и сплочения их против других политических и экономических единиц. Но сегодня все больший вес приобретает ксенофобский элемент национализма. Чем больше политика демократизировалась, тем больше было потенциала для ксенофобии. Ее причины теперь весомее, чем раньше. Эта ксенофобия скорее культурная, чем политическая - посмотрим на подъем английского и шотландского национализма в прошлые годы - но от того не менее опасна.

Разве уже фашизм не включал таких форм ксенофобии?

Фашизм был, в какой-то степени, еще направлен на создание великих наций. Без сомнения, итальянский фашизм стал большим шагом вперед в превращении калабрийцев и умбрийцев в итальянцев, и даже в Германии до 1934 года не все могли назвать себя немцами - они были швабами, франками или саксонцами. Фашизм в Германии и Центральной и Восточной Европе страстно выступал против пришельцев - больше всего, хотя и не только, евреев. Конечно, фашизм не ограждал от ксенофобских инстинктов. Огромным преимуществом старых рабочих движений явилось то, что они от этого как раз ограждались. Это было особенно видимо в Южной Африке: если бы не настойчивость традиционных левых организаций на равенстве и отказе от дискриминации, то было бы куда труднее сопротивляться искушению отомстить бурам.

Вы акцентировали внимание на ксенофобской и сепаратистской направленности национализма. Можно ли это рассматривать как нечто, что сейчас происходит на маргиналах мировой политики, далеко от главного театра событий?

Да, я считаю, это правда. Впрочем, есть регионы, где новые формы национализма нанесли огромный ущерб, как в Юго-Восточной Европе. Конечно, национализм, - или патриотизм, или идентификация с отдельным народом, не обязательно этнически определенным, - до сих пор имеет ценность, поскольку дает легитимность правительствам. Именно так сейчас в Китае. Одна из проблем Индии в том, что там нет ничего подобного. Соединенные Штаты в каком случае не мо-

гут опираться на этническое единство, но они имеют сильные националистические сентименты. Во многих государствах, которые хорошо функционируют, эти сентименты остаются. Поэтому массовая иммиграция сегодня создает больше проблем, чем в прошлом.

Как бы вы предвидели социальную динамику современного иммиграционного движения сегодня, когда каждый год в ЕС приезжает столько же новопривывших, сколько и в США? Можно ли говорить что новый плавильный тигль, похож на американский, в Европе?

В Соединенных Штатах плавильный тигль прекратил плавить еще в 1960-ых. Более того, в конце двадцатого века миграция изменилась по сравнению с предыдущими периодами. Эмиграция больше не означает такого же разрыва связей с прошлым, как раньше. Можно продолжать жить в двух или трех мирах одновременно и идентифицировать себя с двумя или тремя разными местами. Можно продолжать быть гватемальцем, живя в США. Существует также ситуация ЕС, где иммиграция, *de facto*, не создает возможностей ассимиляции. Поляк, который прибывает в Великобританию, не является кем-либо другим, чем поляком, приехавший работать.

Это новая ситуация, довольно сильно отличается от опыта моего поколения - опыта политических эмигрантов, при котором твоя семья могла быть британской, но культурно ты никогда не прекращал быть австрийцем или немцем, и тем не менее ты действительно верил в необходимость быть англичанином. Даже когда политические эмигранты возвращались обратно в свои страны, это не было возвращение к тому же. Всегда есть исключения, как вот поэт Эрих Фрид, который жил в Лондоне пятьдесят лет, на деле продолжая жить в Германии. Я убежден, что важно соблюдать базовые правила ассимиляции - что граждане отдельной страны должны вести себя определенным образом и иметь определенные права, и это должно ограничивать их, и это нельзя ослабить аргументами мультикультурализма. Франция, несмотря на все, интегрировала почти столько же зарубежных иммигрантов, как и Америка, в процентном отношении, и отношения между местными жителями и ранними иммигрантами там лучше. Это потому, что ценности Французской Республики остаются эгалитарными, и не делают никаких открытых отступлений. Что бы ты ни делал частно - это касается также Америки XIX века - на публичном уровне это страна, где говорят на французском. Настоящие трудности заключаются не так в иммигрантах, сколько у местных. В таких регионах,

как Италия и Скандинавия, где ранее не было ксенофобских традиций, новая иммиграция создает серьезные проблемы.

Сегодня распространено мнение, что религия - в евангелической, католической, суннитской, шиитской, неиндуистский, буддистской и других формах - возвращается как мощная сила на разных континентах. Это, на ваш взгляд, фундаментальное явление, или преходящее, поверхностное?

Понятно, что религия как ритуализация жизни, как вера в духов или в нематериальные сущности, влияющие на жизнь, и, не в последнюю очередь, как средство связей внутри сообщества, - такая религия настолько распространена на протяжении всей истории, что было бы ошибкой рассматривать ее как поверхностное явление, как нечто, что обречено исчезнуть. По крайней мере, не у бедных и слабых, кто имеет большую потребность в утешении и объяснениях, почему вещи есть такие, какие есть. Существуют системы норм, например китайские, которые из практических соображений не содержат чего-либо религиозного. Они показывают, что это возможно, но одной из ошибок традиционного социалистического и коммунистического движений было стремление насильственно уничтожить религию тогда, когда лучше было этого не делать. Одно из важнейших изменений в Италии после падения Муссолини произошло, когда Тольятти прекратил дискриминировать практикующих католиков - и совершенно правильно. В противном случае он не получил бы 14 процентов домохозяек, голосовавших за коммунистов в 1940-е. Это изменило характер Итальянской коммунистической партии: из ленинской партии авангарда она стала массовой или народной партией.

С другой стороны, правда, что религия перестала быть универсальным языком публичного дискурса; до этой меры секуляризация была глобальным феноменом, даже если она жестко вытеснила организованную религию только в отдельных частях мира. В Европе это еще происходит: почему так не произошло в США, трудно сказать, но несомненно, секулярность там закрепились между интеллектуалами и другими, кто не нуждается в религии. Для людей, которые продолжают быть религиозными, наличие двух языков дискурса приводит к чему-то вроде шизофрении, которую можно заметить, например, у еврейских фундаменталистов с Западного берега - они верят в откровенные глупости, но работают экспертами-айтишниками. Современное исламистское движение в большой степени состоит из молодых технологов того же типа. Религиозные практики, конечно, существенно изменятся. Но приведет ли это к дальнейшей секуляризации, неяс-

но. Например, я не знаю, насколько такое значительное изменение в католической религии Запада, как отказ женщин подчиняться традиционным половым нормам, сделала католиков менее верующими.

Упадок просветительских идеологий, конечно, придал значительный политический размах для религиозной политики и религиозных версий национализма. Но, я думаю, подъем испытали не все религии. Некоторые, очевидно, на пути упадка. Католичество тяжело борется, даже в Латинской Америке, против роста евангелических протестантских сект, а в Африке едва удерживает позиции через уступки местным обычаям, которых бы не ни допустили в XIX веке. Евангелические секты находятся на подъеме, но неясно, являются ли они чем-то большим, чем маленьким меньшинством, среди социально продвинутых слоев населения. Неочевидно также, еврейский фундаментализм, который наносит столько вреда в Израиле, является ли массовым явлением. Одно исключение из этой тенденции - ислам, который продолжал расширяться без какой-либо эффективной миссионерской деятельности на протяжении последних нескольких столетий. В рамках ислама такие тенденции, как настоящее воинственное движение за восстановление халифата, видимо, представляет только активное меньшинство. Тем не менее, ислам представляется мне способным и на дальнейшее расширение - особенно потому, что он дает бедным людям ощущение, что они не хуже любого и все мусульмане равны.

Можно ли сказать тоже самое о христианстве?

Но христиане не верят, что они такие же хорошие, как и другие христиане. Я сомневаюсь, что черный христианин считает себя не хуже христианина-колонизатора, тогда как черный мусульманин - точно считает. Структура ислама более эгалитарная и там сильнее воинственный элемент. Помню, как читал о тех работоторговцах из Бразилии, которые отказались импортировать рабов-мусульман за их склонность к бунту. Есть серьезные опасности этой привлекательности ислама - в какой-то мере он делает бедных нечувствительными относительно других призывов к равенству. Прогрессивные деятели в мусульманском мире с самого начала знали, что им не удастся отвлечь массы от ислама, даже в Турции политики вынуждены были прийти к *modus vivendi*, шаткому компромиссу, и это было единственное место, где это было сделано успешно.

В других местах подъема религии как элемента политики, националистической политики, было чрезвычайно опасным. В таких странах, как Индия, это был феномен среднего класса и все более тревожный через связи с воинственными и квазифашистскими элитами и ор-

ганизациями, такими как RSS [Rashtriya Swayamsevak Sangh], и поэтому легко мобилизован как антимусульманское движение. К счастью, управляемая высшими классами секуляризация индийской политики по сей день препятствовала развитию этого движения. Не то, чтобы элита Индии была антирелигиозная - основополагающей идеей Неру было секулярное государство, в котором религия вездесуща, - никто в Индии не мог предположить или требовать что-то иное, - но ограничена верховенством ценностей секулярного гражданского общества.

Наука занимала центральное место в культуре левых перед Второй мировой войной, но в течение двух поколений она практически исчезла как передовой элемент в марксистской или социалистической мысли. Может ли рост внимания к окружающей среде, по вашему мнению, вновь соединить науку и радикальную политику?

Я уверен, что радикальные движения будут заинтересованы в науке. Окружающая среда и связанные с ней темы порождают здоровые основания противостоять тому отступлению от науки и рациональному подходу к проблемам, получившее распространение в 70-е и 80-е годы. Но что касается самих ученых, я не верю в обновления связи. В отличие от социальных наук, в естественных областях ничего не направляет ученых к политике. Говоря исторически, они либо были аполитичны, либо придерживались стандартной политики своего класса. Были исключения - скажем, среди молодых ученых во Франции XIX века или, особенно, в 30-е и 40-е годы. Но это специфические случаи, в которых ученые поняли, что их труд становится все существеннее для общества, которое этого не понимает. Ключевая работа на эту тему - «Социальная функция науки» Берналя, изрядно повлияла на других ученых. Конечно, помогла также Гитлером спланированная атака на все, что было важно для науки.

В XX веке центром развития были физические науки, тогда как в XXI центр очевидно сместился к биологическим. Поскольку они ближе к человеческой жизни, их можно в большей степени политизировать. Но есть, безусловно, очень весомое препятствие: постепенно и все сильнее ученые интегрировались в систему капитализма, как индивиды и в рамках научных организаций. Сорок лет назад было немыслимо говорить о патентовании генов. Сегодня гены патентуют в надежде стать миллионерами, и это устранило большую часть ученых от левой политики. Одна вещь, которая может и сейчас политизировать их, это борьба против диктаторских или авторитарных прави-

тельств, которые вмешиваются в их работу. Одним из интересных явлений Советского Союза было то, что советских ученых подталкивали политизироваться, ведь им предоставлялась привилегия определенных гражданских прав и свобод - поэтому люди, в противном случае обреченные быть послушными производителями водородных бомб, стали лидерами диссидентов. Это может повториться и в других странах, хотя таких сейчас немного. Конечно, окружающая среда - проблема, способная мобилизовать многих ученых. Учитывая значительное расширение кампаний по климатическим изменениям, эксперты неизбежно станут ангажированными, в основном против невежд и реакционеров. Поэтому не все потеряно.

Переходя к историографическим вопросам: как вы заинтересовались темой архаических форм социальных движений, о чем говорится в «Первобытных повстанцах», и какие дальнейшие планы касательно этой темы?

Интерес развился из двух вещей. Путешествуя по Италии в 1950-е годы, я постоянно открывал какие-то аномальные явления - скажем, когда партийные ячейки на юге страны выбирали партсекретарями свидетелей Иеговы, люди осмысливали современные проблемы, но по непривычной для нас перспективой. Во-вторых, мы, особенно после 1956 года, были недовольны упрощенным взглядом на возникновение рабочих движений. В «Первобытных повстанцах» я был далек от критического пересмотра стандартной версии - наоборот, я указывал на неспособность таких архаических движений достичь чего-либо, пока они не примут современный словарь и институты. Но, тем не менее, я понял недостаточность простого отрицания этих явлений только потому, что, мол, мы знаем, как все происходит на самом деле. Я нашел ряд иллюстраций, исследовал конкретные случаи и решил, что наше представление о рабочих движениях здесь не подходит. Я пришел к выводу, что даже до изобретения современного политического словаря, а также методов и институтов, люди находили способы практиковать политику, касались базовых идей относительно социальных отношений - в частности между сильными и слабыми, между господствующими и подданными - и эта политика имела определенную логику. Однако у меня не было возможности довести дело до конца, хотя позже, прочитав «Несправедливость» Баррингтон Мура, я нашел возможный ключ к осмыслению этих явлений. Это могло быть действительно новаторское исследование, и я скорее жалею, что оставил его. Я до сих пор надеюсь попробовать еще что-то сделать в этом направлении.

Вы как-то обмолвились о последних модных тенденциях в истории. Изменилась ли историографическая сцена с тех пор?

Я поражен масштабом интеллектуальных сдвигов в истории и социальных науках, которые начались в 70-е годы. Мое поколение историков, серьезно изменило преподавание истории и многие другие вещи, пытались установить постоянную связь, взаимное обогащение, между историей и социальными науками, первые попытки начались аж в 1890-х. Экономика тогда пошла совсем другим путем. Мы считали само собой разумеющимся, что говорим о чем-то реальном, объективно существующем, хотя, со времен Маркса и социологии знания, мы понимали невозможность просто записать истину как она есть. Но что было действительно интересным, так это общественные преобразования. Существенным толчком стала Депрессия, ведь она вновь обратила внимание на роль великих кризисов в исторических изменениях - кризис четырнадцатого века, переход к капитализму. Не марксисты внедрили это новое понимание: первым истолковал события Средних веков в свете Депрессии немец Вильгельм Абель. Мы поднимали большие вопросы. Многим вещам, зато мы отказывали в значимости: мы были настолько против истории респектабельных традиционалистов, в частности против истории идей, что мы все это отрицали. Это была не только марксистская позиция - такой подход взяли на вооружение вебероведы в Германии, французы школы «Анналов», и, в определенной мере, американские социологи.

На каком-то этапе, в 70-х годах, произошла резкая перемена. В «Past & Present» в конце декады опубликовали диалог между мной и Лоуренсом Стоуном, посвященный «возрождению нарратива»: «что происходит с большим вопросом "почему"»? С тех пор историки постепенно забыли о вопросе больших трансформаций. В то же время, значительно расширился размах истории - теперь можно было писать о чем угодно: объекты, сантименты, практики. Несколько оказалось действительно интересным, однако одновременно появилось очень много, так сказать, «фанатской истории», в рамках которой отдельные группы пишут с целью лучше о себе думать. Намерение было тривиальным, хотя результат был не всегда тривиальным. На днях я заметил новый журнал по рабочей истории, в котором есть статья о чернокожих в Уэльсе XVIII века. Какова бы ни была важность этой темы для чернокожих в Уэльсе, сама по себе она вовсе не центральная. Наиболее опасным здесь является возникновение национальной мифологии, побочный продукт размножения новых государств, которые должны были создать себе новые национальные истории. Много также людей,

которые говорят, что их интересует не то, что случилось, а то, от чего они лучше себя чувствуют. Классический пример - коренные американцы, отказывались верить в миграции их предков из Азии и говорили: «мы здесь были всегда».

В большой степени сдвиг был политическим. Историки, пришедшие после 68 года, больше не интересовались большими вопросами - они считали их решенными. Гораздо больше их интересовали произвольные или личные аспекты. Журнал «History Workshop» был запоздалым проявлением этой тенденции. Новые типы истории, я думаю, не осуществили драматических перемен. Во Франции, например, история после Броделя значительно уступает поколению 50-х и 60-ых. Конечно, есть отдельные хорошие работы, но общей тенденции они не меняют. И я склонен говорить то же самое о Великобритании. Был в реакции 1970-х определенный элемент антирационализма и релятивизма, который я считаю враждебным применительно к истории.

С другой стороны, были и положительные достижения. Прежде всего - культурная история, которую наше поколение игнорировало. Мы не обращали достаточно внимания на то, как история предстает непосредственно перед ее деятелями. Мы предполагали, что о деятелях можно обобщать, но если ты вспоминаешь, что люди сами делают свою историю, то как они делают ее, в своих практиках, в своих жизнях? Книга Эрика Вулфа «Европа и народы без истории» - хороший пример этого изменения. Также изрядно развилась глобальная история. Среди неисториков было много интереса в общей истории - а именно в вопросе, каким образом появился человеческий род. Благодаря исследованиям ДНК мы теперь немало знаем о заселении людьми планеты. Иначе говоря, мы имеем настоящую базу для всемирной истории. Среди историков произошел разрыв с евроцентрической или западнцентрической традицией. Другое положительное изменение, в основном от американских и постколониальных историков, это переоткрытие вопросов специфики европейской или евроатлантической цивилизации и возникновения капитализма - взять, к примеру «Большой отрыв» (The Great Divergence) Померанца т.д.. Это хорошая проблема, хотя никто и не отрицает, что капитализм возник именно в части Европы, а не в Индии или в Китае.

Какие бы вы назвали до сих пор неизученные темы, представляющие большой вызов для будущих историков?

Большие проблемы обычно - очень общие. По палеонтологическим стандартами человеческий вид менял свое существование на впечатляющей скорости, но темпы изменений очень варьировались.

Иногда они были медленными, иногда быстрыми, иногда контролируемыми, иногда нет. Это, очевидно, предполагает растущий контроль над природой, но мы не знаем, куда это нас заведет. Марксисты справедливо сосредоточились на изменениях в способе производства и соответствующих общественных отношениях как источниках исторических перемен. Тем не менее, если мы мыслим из перспективы «как люди делают свою историю», возникает большой вопрос: исторически сообщества и общественные системы стремились достичь стабилизации и восстановления, создавая механизмы для удержания на расстоянии тревожных прыжков в неизвестность. Сопротивление навязыванию изменений извне до сих пор остается важным фактором в мировой политике. Итак, каким образом люди и общества, склонны опираться динамичному развитию, уживаются со способом производства, чья суть - в бесконечном и непредсказуемом динамическом развитии? Историки-марксисты могут со значительной пользой исследовать процессы этого основополагающего противоречия между механизмами, вызывающих изменения, и механизмами, которые призваны сопротивляться изменениям.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Максим КИРЧАНОВ

АНТИЧНАЯ ЭКОНОМИКА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАТИКА И ДИНАМИКА В ДОИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Экономики не развиваются статично. История цивилизации – это история переходов от одних экономических форм к другим. Попытки написать истории экономических транзитов как исключительно переходов от социализма к капитализму содействуют примитивизации экономической науки. Переходные процессы имели место и в истории экономик прошлого. Античность была одной из первых переходных моделей экономического развития. С другой стороны, переходные процессы античности принадлежат к числу традиционных экономических переходов доиндустриального общества.

Ключевые слова: история экономики, античность, западная модель развития, генезис рыночных отношений

Economies do not develop static. History of civilization is history of transitions from one economic forms to others. The attempts to write histories of economic transits as exceptionally transitions from socialism to the capitalism assists to general primitivization of economic science. Transitional processes took place in economies of the past. Antiquity was one of the first transitional models of economic development. The transitional processes of antiquity belong to the number of traditional economic transitions of pre-industrial society.

Keywords: history of economy, Antiquity, western model of development, genesis of market relations

Економіки не розвиваються статично. Історія цивілізації – це історія переходів від одних економічних форм до інших. Спроби написання історії економічного транзиту як виключно переходів від соціалізму до капіталізму сприяють примітивізації економічної науки. Перехідні процеси мали місце і в історії економік минулого. Античність була однією з перших перехідних моделей економічного розвитку. З другого боку, перехідні процеси античності належать до числа традиційних економічних переходів доіндустріального суспільства.

Ключові слова: історія економіки, античність, західна модель розвитку, генезис ринкових відносин

На протяжении истории границы того, что сейчас условно может быть названо Востоком, никогда не были статичными и периодически изменялись. Традиционно как в научной, так и в большей степени популярной литературе Восток позиционируется в качестве системной противоположности Запада. Анализируя эту проблему, во внимание следует принимать то, что история Запада имела восточную предысторию. В качестве восточной цивилизации, которая территориально находилась на территории Запада (в Италии), могут рассматриваться этруски¹, хотя и их экономическая культура знала некоторые элементы рыночности (наличие крупных городских центров, активная внешняя торговля, развитие денежно-финансовых отношений), которые не получили развития.

Кроме этого элементы восточного влияния, например, могут быть найдены в крито-микенской цивилизации, которая имела больше общего с восточными деспотиями нежели с более поздними политическими традициями античной Греции, хотя ее социальная структура не ограничивалась наличием класса рабов и рабовладельцев², а была более гетерогенной, зная существование определенного числа свободных непосредственных производителей. Советский и российский историк Ю.В. Андреев³, комментируя специфику крито-микенской цивилизации, указывал на то, что та пребывала под влиянием «ближневосточных цивилизаций»⁴. Современные историки экономики также полагают, что крито-микенская цивилизация была в большей степени подобна древневосточным обществам⁵. Архаические институты (например, мужские союзы⁶), связанные, в том числе – и с родом⁷, которые существовали на территории Греции в постмикенский период, постепенно трансформировались и обрели экономические функции (что, правда, является дискуссионной проблемой), связанные с постепенным отделением индивидуального экономического от сообщества в целом. Кроме этого архаическая Греция не утратила определенные сходные особенности с обществами Востока⁸, хотя уже тогда наметилась тенденция к разнонаправленному развитию греческого и восточного социума.

Крито-микенская цивилизация развивалась в условиях значительного влияния со стороны восточных обществ. На этот фактор советские историки-востоковеды и антиковеды указывали уже в 1920 – 1930-е годы. В частности А.И. Тюменев⁹ рассматривал Микены как общество, которое испытало влияние со стороны Крита, оставаясь в значительной степени традиционным, основанным в большей степени на матриархальных отношениях. В советской историографии высказывались точки зрения о том, что микенские города были структурно и организационно близки к городам Древнего Востока¹⁰, так как их центром был «царский дворец, а не агора как в классическую эпоху». Российский экономист В.В. Коровкин указывает на дискуссионность проблем развития ранней экономики, подчеркивая, что «можно сколько угодно спорить о том, какая система является “правилом”, а какая “исключением”»¹¹. Тем не менее, советскими и российскими авторами подчеркивалась значительная регламентация жизни микенского общества близкая к аналогичным институтам, которые возникли в рамках восточных деспотий¹². Ю.В. Андреев, анализируя особенности микенской цивилизации, полагал, что «древневосточный мир не смог ассимилировать и растворить в себе первый очаг европейской цивилизации»¹³. Этот тип общественных отношений сменил другой, возник-

ший в результате дорийского завоевания¹⁴ и, который, как полагает российский исследователь Л.С. Васильев, знал не только «частнособственнические отношения», но и «частное товарное производство, ориентированное преимущественно на рынок»¹⁵. Концепции Ю.В. Андреева и Л.С. Васильева, хотя и могут быть признаны наиболее авторитетными, тем не менее, не являются единственными. В частности В.В. Коровкин склонен интерпретировать экономическую ситуацию в микенском обществе совершенно иначе, рассматривая экономику как децентрализованную¹⁶.

Грузинский историк Г. Меликишвили указывал, что для различных типов общества в прошлом были характерны как «индивидуализация хозяйства», так и «развитие института частной собственности»¹⁷. В этом контексте античные общества, вероятно, следует рассматривать как гетерогенные с социальной точки зрения. В ряде государств античности существовали особые группы населения (например, перизки в Спарте¹⁸), которые являлись формально свободными, но могли находиться в состоянии зависимости от представителей других социальных групп, оставаясь при этом важными экономическими акторами на микроуровне. Другой советский исследователь В.П. Яйленко указывал на социальную и экономическую гетерогенность обществ античного мира, акцентируя внимание на использовании наемного труда в отдельных хозяйствах Архаической Греции¹⁹. Подобное преимущественно социально-экономически мотивированное объяснение играет значительную роль и в американской экономической науке, но с иначе расставленными акцентами. Дуглас Норт различия в обществах прошлого склонен интерпретировать разным отношением «к решению фундаментальной экономической проблемы ограниченности ресурсов»²⁰.

Экономика классической Греции и более позднего Рима (как республики, так и империи) обладала рядом особенностей, многие из которых являются дискуссионными. По мнению советского историка А.П. Левандовского, экономика античных обществ развивалась как экстенсивная и малопроизводительная²¹, хотя во II веке до н.э. в аграрной экономике Италии наметились тенденции значительной фрагментации²², что было связано с экономической специализацией отдельных регионов на производстве тех или иных продуктов или на овцеводстве и свиноводстве, которые были ориентированы на рынок. Большинство советских историков были склонны описывать экономику Греции, а также Рима, как преимущественно рабовладельческие²³ и сельскохозяйственные.

А.И. Тюменев, хотя и указывал на определенный уровень развития финансово-денежных отношений в античный период²⁴, тем не менее, полагал, что не они составляли основу функционирования древнегреческой модели экономики. В середине 1930-х годов А.И. Тюменев употреблял термин «рабская промышленность»²⁵ (этот термин им использовался и ранее²⁶) полагая, что именно рабство²⁷ было системообразующим элементом в экономике не только античных обществ, основанной на преобладании «натурального хозяйства»²⁸, но и традиционных или доиндустриальных обществ вообще в независимости от их географического месторасположения²⁹. При этом в 1930-е годы советскими авторами высказывались предположения относительно того, что не только рабство, но и эксплуатация свободного населения при помощи различных повинностей³⁰ играла важную роль в функционировании экономики в Древней Греции. Современные российские историки также придерживаются подобных интерпретаций, хотя число изучаемых зависимых и дискриминируемых в экономическом плане категорий населения (например, спартанских илотов), разнообразием не отличается. Более того, по А.И. Тюменеву, торговля в античности также была подчинена логике развития именно рабовладения. Несколько развивая эти концепции, современная российская исследовательница М.Ю. Лаптева склонна писать о подобной экономике не просто как рабовладельческой, но и как преимущественно аграрной³¹. При этом, признается и наличие значительной специализации в рамках той же аграрной экономики, но подобная специализация имела ограниченный характер, почти лишенный рыночной природы.

Специализация сельскохозяйственного производства в Древней Греции не могла привести к развитию рыночных отношений. В античный период сохранились некоторые рецидивы микенской цивилизации как экономики восточного типа, что, например, проявилось в существовании в Спарте института илотов³², которые подвергались, в том числе, и государственной эксплуатации и для которых именно государство выступало в качестве основного эксплуататора, действуя при этом опосредованно, через их владельцев, которые без согласия властей не могли пенять положение илотов. Кроме этого сельскохозяйственная специализация была существенно ограничена натуральным характером хозяйства в целом и миром, еще более меньшим, чем в Средние Века, ограниченным родственными греческими городами и колониями, Малой Азией или в лучшем случае более отдаленными греческими колониями в Италии или на побережье Черного моря, что не содействовало развитию торговли, как одной из исторических предшественниц рыночной модели.

С другой стороны, античная цивилизация была не менее урбанизирована, чем восточная, но в Греции и позднее в Риме сложился несколько иной тип городов, порожденный в результате, по определению Ю.В. Андреева, городской революции³³. Экономическая составляющая городской жизни проявлялась преимущественно в торговле³⁴, в том числе – и рабами³⁵, и нередко эта торговля была не источником социальных перемен, а, наоборот, содействовала консервации существовавшей системы, так как использование рабского труда стимулировало консервативные элементы системы, не создавая условий для экономических трансформаций. При этом в историографии (например, М.И. Ростовцевым³⁶) высказывались мнения о том, что город в Римской Империи играл и роль промышленного центра, а в городах существовала и своя «городская буржуазия», инициировавшая процесс «индустриализации».

Торговая функция в большей степени актуализировалась в городах, основанных в результате процесса колонизации, что содействовало расширению экономических связей, но в целом не изменяло натурального характера экономики. Проявлением натурального характера городской экономики было и то, что «основу экономики города составляла земельная собственность»³⁷. Города античного мира, хотя и сохраняли связи с аграрным внутренним миром, контролируемых ими территорий, они, тем не менее, обладали немалыми экономическими функциями, которые не могли полностью раскрыться по причине доминирования натуральных форм хозяйства. В контексте доминирования натурального характера экономики и преобладания преимущественно традиционных институтов, очевидно и то, что в античный период не могли сложиться условия для актуализации проторыночных отношений.

Экстенсивность, которая была характерна для некоторых экономик античности, могла быть связана с преимущественно натуральным характером хозяйства при наличии большого количества городов как финансовых центров. Значение рабского труда³⁸ в античном мире противоречиво, так как его использование и применение в одинаковой степени несет элементы перераспределительной экономики и другой, альтернативной системы, в которой существовали проторыночные или рыночные отношений. Помимо рабов в римской экономике особое место занимали средние и мелкие землевладельцы, которые не могли конкурировать с крупными собственниками³⁹, что содействовало их разорению. Этот процесс, в свою очередь, существенно ограничивал сферу денежно-финансовых отношений, негативно отражаясь и на развитии проторыночных институтов. Рабство можно рассматри-

вать как атрибут более традиционной, например – древневосточной, модели экономического развития, хотя в Греции и эллинистических государствах рабство могло иметь и в большей степени экономически мотивированные основания в силу того, что одним из источников рабства могли быть денежно-кредитные отношения или сдача рабов в аренду частными собственниками государству.

В Риме II века до н.э. и I века н.э. развитие аграрной экономики было связано с возникновением крупной земельной собственности – латифундий⁴⁰, основанных на использовании почти исключительно рабского труда⁴¹. Последующее существование латифундий могло (правда, в ограниченной степени) содействовать постепенному размыванию натурального хозяйства в силу того, что латифундия имела определенные, преимущественно, экономические связи с городом. При этом сама аграрная экономика была в значительной степени гетерогенной, а отдельные регионы обладали «ясно выраженными индивидуальными особенностями»⁴². Кроме этого в рамках латифундий могло преобладать не натуральное, а товарное хозяйство (основанное на труде рабов), что гарантировала не только наличие непосредственной зависимости между городскими центрами и аграрными перифериями, но и наличие различных форм обмена (вероятно, неэквивалентных) и развитие товарно-денежных отношений. В подобной ситуации рабство могло трансформироваться в экономически обоснованный институт, изначально ориентированный не на простое воспроизводство натурального хозяйства, но в большей степени на рынок. Ориентация латифундии на город, как на экономический центр, влияла на постепенное разрушение, размывание натурального хозяйства и его медленное втягивание в проторыночные отношения.

В подобной ситуации институты традиционной экономики могли сосуществовать с проторыночными, а последние не получали развития в силу доминирования натуральной экономики. Вероятно, важнейшими проторыночными отношениями в Античности, в частности – в Риме, являлись финансовые операции. В отличие от обществ Востока деньги в Риме⁴³ играли в большей степени экономическую функцию, а не являлись вспомогательным инструментом, преимущественно – обмена⁴⁴, который отличался ограниченным применением, в редистрибутивной экономике. Современными авторами внимание акцентируется на том, что античная экономика могла быть не только экстенсивной. По мнению В. Иноземцева, для экономики Рима было характерно «быстрое развитие товарных отношений»⁴⁵. С другой стороны, признается и то, что подобная модель развития была ограниченной географически, что не позволило ей трансформироваться в

качественно новые экономические отношения. Ограниченность античной модели была не только географической, но и институционально-процессуальной. Иными словами в рамках античной экономики Рима отсутствовали некоторые институты, которые имели принципиальное значение на более позднем этапе в период разложения феодализма для трансформации проторыночных отношений в рыночные.

Экономика Римской Империи, хотя типологически и была близка к греческой, тем не менее, характеризовалась существенными отличиями. Если греческая экономика играла роль региональной или даже регионализированной, в значительной степени периферийной экономики, то экономика Рима, особенно – в период Империи, претендовала на статус мировой. С другой стороны, экономика Рима так же, как и греческая была подвержена, процессам регионализации, которая стала неизбежным результатом расширения империи. Сравнивая экономику собственно Рима с теми экономиками, которые существовали на территории будущих провинций⁴⁶ до их завоевания, следует признать, что последнее имело позитивное значение, хотя могли иметь место исключения, в частности Ахайя, в которой, как полагал О.В. Кудрявцев⁴⁷, имела место «натурализация хозяйства», сопровождавшаяся появлением «замкнутых экономически мощных хозяйств»⁴⁸. Кроме этого Египет⁴⁹ в период римского доминирования претерпел существенные изменения, связанные с возросшим значением финансово-кредитных операций. Римское завоевание содействовало радикальным изменениям в экономиках провинций. На смену преимущественно традиционным экономическим отношениям приходили более развитые экономики, которые уже имели не только региональный характер, но и были интегрированы в имперский контекст.

Источником социальных и экономических перемен в провинциях империи стали города⁵⁰. Города, основанные римлянами или заново ими перестроенные, стали на территории провинций мощным источником социальных и экономических перемен, изменений и трансформаций. Именно римское завоевание и последующая романизация содействовали процессам урбанизации, а также актуализации экономической функции города. Это содействовало не только внешним (в частности – техническим) изменениям, но и вело к появлению в провинциях качественно новых отношений, которые пережили процесс коммутации – трансформации из традиционных в рыночные. Среди форм коммутации стало втягивание провинций в общеимперские торговые связи, что содействовало развитию финансово-денежных отношений на региональном уровне. Романизация вела и к переменам в отношении собственности, которая постепенно становилась объектом рыноч-

ных отношений. При этом все подобные позитивные перемены имели ограниченный характер и не содействовали перестройки римской экономики на капиталистических принципах. Важнейшими препятствиями в деле «капитализации» экономики Римской Империи, вероятно, следует признать доминирование натурального хозяйства, ее значительную территориально-культурную гетерогенность и сохранение значительной части традиционных институтов (в частности, рабства), которые содействовали как сохранению, так и последующему воспроизводству в целом традиционной экономики в масштабах всей империи.

Обладая значительными особенностями и не менее ярко выраженными различиями, общества античности развивались как традиционные, в экономике которых доминировали в большей степени именно традиционные, устоявшиеся, сложившиеся исторически отношения, а элементы рынка носили латентный характер и практически никогда не были преобладающими. В подобной ситуации экстенсивная (как правило, Восток) или интенсивная (Запад, но не всегда) модели экономической эволюции играли роль не более чем второстепенного фактора. С другой стороны, античный тип общества в качестве своего предшественника имел деспотию восточного типа, основанную на распределительной экономике, уничтоженной в результате нашествия дорийцев, которые стояли на более низкой ступени развития, принеся с собой догосударственные институты типа народного собрания, которые позднее были интегрированы в политическую и экономическую систему античного полиса.

---

¹ Подробнее см.: Мавлеев Е.В. Восток на Западе: к типологии этрусской цивилизации / Е.В. Мавлеев // Древний Восток и античная цивилизация / науч. ред. В.К. Афанасьева, Е.В. Мавлеев. – Л., 1988. – С. 6 – 18.

² О социальной структуре критского общества см. подробнее: Шмидт Р.В. О непосредственных производителях на Крите / Р.В. Шмидт // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 9 – 10. – С. 42 – 57.

³ О роли Ю.В. Андреева в изучении истории античности см.: Виноградов Ю.А. Ю.В. Андреев и его концепция раннегреческого полиса / Ю.А. Виноградов // Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи / Ю.В. Андреев / вступит. статья Ю.А. Виноградова. – СПб., 2003. – С. 5 – 24.

⁴ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю.В. Андреев. – СПб., 1998. – С. 24.

⁵ Экономическая история мира. Европа. – Т. 1. – С. 40.

⁶ Подробнее о феномене мужских союзов см.: Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит) / Ю.В. Андреев. – СПб., 2004.

⁷ Колобова К.М. К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства / К.М. Колобова // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 7 – 8. – С. 100 – 115.

⁸ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток / В.П. Яйленко. – М., 1990.

⁹ Тюменев А.И. История античных рабовладельческих обществ / А.И. Тюменев. – М. – Л., 1935. – С. 19.

¹⁰ Подробнее о микенском периоде и его месте в экономической истории Греции см.: Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период) / Ю.В. Андреев. – СПб., 2003.

¹¹ Коровкин В.В. Очерки истории государственного хозяйства... – С. 71.

- ¹² Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции / Я.А. Ленцман. – М., 1963. – С. 133, 278 – 280. См. также: Гринбаум Н.С. Микенологические этюды (1959 – 1997) / Н.С. Гринбаум / отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб., 2001.
- ¹³ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. – С. 24.
- ¹⁴ Подробнее о факторе дорийского завоевания см.: Андреев Ю.В. Коллапс микенской цивилизации и варварский мир Центральной Европы / Ю.В. Андреев // Археологические вести. – 1992. – № 1. – С. 165 – 174.
- ¹⁵ Васильев Л.С. История Востока. – Т. 1. – С. 15.
- ¹⁶ Коровкин В.В. Очерки истории государственного хозяйства... – С. 297.
- ¹⁷ Меликишвили Г.А. Об основных типах классовых обществ. – С. 12.
- ¹⁸ Зайков А.В. Перизки в структуре спартанского полиса / А.В. Зайков // Античная древность и Средние века. Вопросы социального и политического развития / отв. ред. М.А. Поляковская. – Свердловск, 1988. – С. 19 – 28.
- ¹⁹ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. – С. 51.
- ²⁰ Норт Д.С. Эффективность функционирования экономики... – С. 190.
- ²¹ Подробнее см.: Левандовский А.П. Основы истории Средних Веков / А.П. Левандовский. – М., 1970. – С. 4.
- ²² Сергеенко М.Е. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии / М.Е. Сергеенко / отв. ред. Д.П. Каллистов. – Л., 1958. – С. 78 – 149.
- ²³ Анализ историографии, посвященной проблемам рабства, не входит в число задач Автора настоящей монографии. Подробнее об этой проблеме см.: Чиглинец Е.А. Античное рабство как историографическая проблема / Е.А. Чиглинец / науч. ред. В.Д. Жигулин, ред. О.Л. Гобелко. – Казань, 2000.
- ²⁴ Тюменев А.И. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции / А.И. Тюменев. – Пб., 1920. – Т. 1. Революция. – С. 50.
- ²⁵ Тюменев А.И. История античных рабовладельческих обществ. – С. 32 – 33.
- ²⁶ Тюменев А.И. Очерки экономической и социальной истории... – Т. 1. – С. 87.
- ²⁷ О факторе рабства в античном мире см.: Валлон А. История рабства в античном мире / А. Валлон / пер. с франц. С.П. Кондратьева. – Смоленск, 2005.
- ²⁸ Тюменев А.И. История античных рабовладельческих обществ. – С. 173.
- ²⁹ Советские историки полагали, что рабство является универсальным феноменом. Поэтому, они были вынуждены находить его «везде» – от Востока до Южной и Северной Америки до прихода европейцев. О подобных тенденциях в советской историографии см.: Аверкиева Ю.П. Рабство у индейцев Северной Америки / Ю.П. Аверкиева / отв. ред. В.В. Струве. – Л., 1941.
- ³⁰ Колобова К.М. Издольщина в Аттике / К.М. Колобова // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 11. – С. 5 – 18.
- ³¹ Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI – VI вв. / М.Ю. Лаптева / науч. ред. Т.В. Кудрявцева. – СПб., 2009. – С. 228 – 238.
- ³² Подробнее см.: Печатнова Л.Г. История Спарты. Период архаики и классики / Л.Г. Печатнова. – СПб., 2002. – С. 209 – 230.
- ³³ Подробнее о специфике греческого города см.: Андреев Ю.В. Начальные этапы становления греческого полиса / Ю.В. Андреев // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник / ред. В.В. Мавродин. – Л., 1982. – С. 3 – 17.
- ³⁴ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа. Аμισ. Трапезунт / М.И. Максимова / отв. ред. Т.Н. Книпович. – М. – Л., 1956. – С. 210 – 235, 325 – 350.
- ³⁵ О функции античного города как центра работоторговли см.: Калистов Д.П. Политика Августа в Северном Причерноморье / Д.П. Калистов // ВДИ. – 1940. – № 2. – С. 69.
- ³⁶ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи / М.И. Ростовцев / пер. с нем. И.П. Стребловой, отв. ред. А.Я. Тыжов. – СПб., 2000. – Т. 1. – С. 139, 147, 165.
- ³⁷ Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху / Е.С. Голубцова / отв. ред. И.Л. Маяк. – М., 1998. – С. 118.
- ³⁸ О феномене рабства в античном мире см.: Нейхардт А.А. Рабство в малоазийских торговых греческих городах / А.А. Нейхардт // Рабство на периферии античного мира / отв. ред. Д.П. Калистов. – Л., 1968. – С. 93 – 123; Нейхардт А.А. Рабство в греческих городах южного побережья Понта / А.А. Нейхардт // Рабство на периферии античного мира / отв. ред. Д.П. Калистов. – Л., 1968. – С. 124 – 148; Шишова И.А. Долговое рабство / И.А. Шишова // Рабство на периферии античного мира / отв. ред. Д.П. Калистов. – Л., 1968. – С. 24 – 48; Шишова И.А. Порабощение военнопленных в Греции V – IV вв. до н.э. / И.А. Шишова // Рабство на периферии античного мира / отв. ред. Д.П. Калистов. – Л., 1968. – С. 49 – 92; Шифман И.Ш. Рабство в Карфагене / И.Ш. Шифман // Рабство на периферии античного мира / отв. ред. Д.П. Калистов. – Л., 1968. – С. 245 – 257.
- ³⁹ Об этом процессе подробнее см.: Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима / В.С. Сергеев. – М., 1938. – Т. 1. – С. 150 – 153.

⁴⁰ Кузищин В.И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.) / В.И. Кузищин. – М., 1976.

⁴¹ О рабстве в структуре римской экономики см.: Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система / В.И. Кузищин. – М., 1990.

⁴² Сергеев М.Е. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии / М.Е. Сергеев / отв. ред. Д.П. Каллистов. – Л., 1958. – С. 150.

⁴³ Об экономической функции денег в римской экономике подробнее см.: Сергеев В.С. Принципат Тиберия (к вопросу о роли императорской власти в Риме) / В.С. Сергеев // ВДИ. – 1940. – № 2. – С. 79 – 80. О деньгах как явлении в теоретическом плане см.: Белолипецкий В.Г. Деньги как связующее материального и идеального миров / В.Г. Белолипецкий // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и Экономического факультета МГУ. – 2007. – № 5. – С. 22 – 37; Кашицын В.В. Деньги в методологии постмодерна / В.В. Кашицын // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и Экономического факультета МГУ. – 2007. – № 5. – С. 79 – 83; Мазараки А.А. Деньги в структуре деятельности / А.А. Мазараки // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и Экономического факультета МГУ. – 2007. – № 5. – С. 37 – 58; Осипов Ю.М. Деньги через призму философии хозяйства / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и Экономического факультета МГУ. – 2007. – № 6. – С. 9 – 12; Макаров С.П. Люди и деньги / С.П. Макаров // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и Экономического факультета МГУ. – 2007. – № 6. – С. 13 – 15.

⁴⁴ О нетрансформации денег, точнее – их неполной эволюции в обществах Востока, см.: Поланьи К. Семантика использования денег / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под. общ. ред. Р.М. Нуреева; ред. Ю.В. Латов и др.; сост. Р.М. Нуреев. – М., 2006. – С. 156 – 171.

⁴⁵ Иноземцев В. К теории постэкономической общественной формации / В. Иноземцев. – М., 1995. – С. 107 – 108.

⁴⁶ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации / И.Т. Кругликова / ред. В.Н. Дьяков. – М., 1955; Златковская Т.Д. Мёзия в I и II веках нашей эры (к истории Нижнего Дуная в римское время) / Т.Д. Златковская / ред. В.Н. Дьяков. – М., 1951.

⁴⁷ О провинциях в структуре Римской империи в общетеоретическом плане см.: Кудрявцев О.В. Провинции балкано-дунайского комплекса / О.В. Кудрявцев // Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории / О.В. Кудрявцев / отв. ред. Н.М. Постовская, В.В. Струве, С.Л. Утченко. – М., 1957. – С. 147 – 161; Кудрявцев О.В. Основные закономерности исторического развития провинций Римской империи / О.В. Кудрявцев // Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории / О.В. Кудрявцев / отв. ред. Н.М. Постовская, В.В. Струве, С.Л. Утченко. – М., 1957. – С. 309 – 360. К сожалению, на русском языке обобщающих исследований по **экономической** (в отличие от политической) истории римских провинций не существует.

⁴⁸ Кудрявцев О.В. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры / О.В. Кудрявцев / отв. ред. С.Л. Утченко. – М., 1954.

⁴⁹ Льюис Н. Из истории римского гнета в Египте / Н. Льюис // ВДИ. – 1939. – № 1. – С. 19 – 33.

⁵⁰ Мурыгина Н.Ф. К вопросу о социальной структуре фракийского города I – III вв. н.э. / Н.Ф. Мурыгина // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века / ред. А.А. Кириллова, Н.Ф. Мурыгина, И.А. Дворецкая. – М., 1975. – С. 17 – 44.

**ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ КАК
МОДЕЛЬ ПРОТОРЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ:
крестьянские сообщества, аграрные экономики,
города и экономическая динамика**

Экономики не развиваются статично. История цивилизации – это история переходов от одних экономических форм к другим. Попытки написать истории экономических транзитов как исключительно переходов от социализма к капитализму содействуют примитивизации экономической науки. Переходные процессы имели место и в истории экономик прошлого. Европейский феодализм был одной из таких переходных моделей экономического развития. С другой стороны, переходные процессы в рамках феодальных обществ принадлежат к числу традиционных экономических переходов доиндустриального мира.

Ключевые слова: история экономики, европейский феодализм, западная модель развития, генезис рыночных отношений

Economies do not develop static. History of civilization is history of transitions from one economic forms to others. The attempts to write histories of economic transits as exceptionally transitions from socialism to the capitalism assists to general primitivization of economic science. Transitional processes took place in economies of the past. European feudalism was one of the first transitional models of economic development. The transitional processes of feudal societies belong to the number of traditional economic transitions of pre-industrial world.

Keywords: history of economy, European feudalism, western model of development, genesis of market relations

Економіки не розвиваються статично. Історія цивілізації – це історія переходів від одних економічних форм до інших. Спроби написання історії економічного транзиту як виключно переходів від соціалізму до капіталізму сприяють примітивізації економічної думки. Перехідні процеси мали місце і в історії економік минулого. Європейський феодалізм був однією з таких перехідних моделей економічного розвитку. З другого боку, перехідні процеси в рамках феодальних суспільств належать до числа традиційних економічних переходів доіндустріального світу.

Ключові слова: історія економіки, європейський феодалізм, західна модель розвитку, генезис ринкових відносин

В мировой истории не существовало статичных экономик, а общества прошлого на протяжении своей истории переживали разного рода экономические переходы, связанные с трансформацией одной социально-экономической системы в другую. Вероятно, к числу важнейших таких переходов следует отнести два процесса, связанные, соответственно, с генезисом феодализма и капитализма, то есть переходы от античности к феодализму и от феодализма к капитализму. Эти два процесса являются неотъемлемой частью национальных историй значительного числа европейских государств. Другие страны на протяжении своей истории пережили иные социально-экономические трансформации, связанные, например, только с переходом от феодализма к капитализму. Принимая во внимание универсальность этих явлений, процессы перехода в значительной степени отличались друг от друга в зависимости как от региона, так и времени протекания. Научная литература, посвященная, в свою очередь, переходам от антич-

ности к феодализму, от феодализма к капитализму чрезвычайно широка и разнообразна. Эти явления в зависимости от теоретических и методологических предпочтений авторов могли интерпретироваться как преимущественно социальные, экономические, политические, культурные или религиозные. В этом разделе настоящей монографии Автор сосредоточит внимание почти исключительно на экономическом измерении тех трансформаций, которые имели место в прошлом.

На протяжении длительного времени в СССР в экономической истории и в истории как таковой доминировала идеологически выверенная интерпретация перехода от рабовладельческого общества к феодальному. В самых общих чертах она может быть сведена к следующему¹. Появление феодализма стало результатом «гибели рабовладельческой формации», связанной с противоречиями между уровнем производительных сил и особенностями развития производственных отношений. Комментируя подобный процесс, советский историк Н.И. Конрад полагал, что феодализация была связана с «утратой рабским трудом значения основной экономической силы»². Другим процессом в рамках кризиса рабовладельческих обществ в рамках ортодоксальной советской интерпретации был процесс постепенного «сокращения государственного сектора» на фоне роста частного. Советские историки, описывая кризис рабовладения, сталкивались с трудностями методологического характера, связанными с объяснением именно исчезновения одних отношений и заменой их другими. Например, советские историки В.Д. Неронова и И.С. Свенцицкая констатировала, что «в недрах зашедшего в тупик рабовладельческого строя зарождались элементы отношений феодальных»³.

Кроме этого и в позднесоветской историографии в различных формах звучал и обыгрывался тезис о революционном характере перехода от древней истории к средневековой – историки 1980-х годов в отличие от их предшественников 1930 – 1940-х не писали о революции рабов, тем не менее, революционной риторике они не могли избежать, констатируя, что распад рабовладельческого строя стал своего рода социальной революцией. При этом советские историки были вынуждены ограничиваться самыми общими замечаниями и соображениями по этому поводу, так как попытка анализа могла привести к идеологически неверным выводам и почти неизбежно поставила бы вопрос о роли рыночных институтов, что было чревато сведением на нет столь любимого в советской историографии фактора классовой борьбы. В целом для советской версии описанного выше процесса было характерно несколько особенностей, а именно: безусловное принятие формационной теории, что вело к изображению истории как

последовательно сменяющихся формаций, которые имели универсальный характер; в этом контексте в рамках советской интерпретации история позиционировалась как почти исключительно социально-экономическая, история классов, классовой борьбы, социальных конфликтов и противоречий.

Доминирование официальных версий вовсе не означало того, что советскими историками не высказывались альтернативные точки зрения. Таковая была, например, представлена А.Я. Гуревичем и касалась проблем генезиса западноевропейского феодализма. Как советский историк А.Я. Гуревич принимал многие центральные положения советской историографии, в частности, разделяя теорию о том, что феодализм является «формацией», характеризуемой «противоречиями между крупной собственностью на землю и мелким производством крестьян, внеэкономическим принуждением, необходимость которого проистекает из этого основного противоречия». Если в этом пункте А.Я. Гуревич в значительной степени был солидарен с советской историографией, то по другим вопросам – он с ней в большей мере расходился.

Анализируя процесс генезиса феодализма, А.Я. Гуревич в начале 1970-х годов был склонен позиционировать феодализм как преимущественно европейское явление, подчеркивая, что «мы слишком привыкли ставить знак равенства между понятиями “феодализм” и “средневековье”, но ведь это уравнивание, действительное для Европы, может оказаться неверным для других частей земного шара»⁴. Подобная интерпретация была не только оригинальной для советского периода, но в значительной мере и противоречила тем общим тенденциям, которые доминировали в советской историографии, вынуждая историков описывать исторические процессы в большинстве регионов мира, в том числе – и в национальных республиках СССР⁵, в независимости от их экономической и социальной специфики, в категориях, в том числе, и феодализма. В 2000-е годы эта идея А.Я. Гуревича была вновь озвучена Л.С. Васильевым, который подчеркивал, что для многих исследователей феодализм есть «некое порождение античности» и, поэтому, явление «присущее в своей классической форме эталона только и именно Западу»⁶. В ряде регионов Европы, которые ранее были частью Римской Империи и элементами римской экономической модели, античные традиции сыграли свою роль в формировании феодализма.

А.Я. Гуревич полагал, что процесс генезиса был многовариантным и чрезвычайно разнообразным в зависимости от региона. По мнению А.Я. Гуревича в раннефеодальных обществах имело место

одновременное сосуществование нескольких экономических укладов. Анализируя особенности западного феодализма, А.Я. Гуревич подчеркивал, что «в период классического средневековья многоукладность не только не исчезает и не сглаживается, она еще более усиливается»⁷. Многоукладность экономики Средневекового Запада генетически может быть связана не только с социально-экономическими трансформациями в позднеантичный период, которые проявились в синтезе римских и варварских элементов⁸, в том числе – и в экономической сфере.

Феодализация была связана не только с постепенной фрагментацией экономического и политического пространства самой империи, кризисом рабовладельческой экономики, сокращением использования рабского труда⁹, деградацией существовавшей системы, ростом института вольноотпущенничества и колоната¹⁰, увеличения числа сельского населения, упадков городов и общей аграризацией экономики, но и с процессом «завоевания аграрного мира варварской периферией»¹¹, постепенной феодализации империи¹² или в более широкой перспективе «феодализации Европы»¹³, связанной с распадом рабовладельческой модели римской экономики¹⁴, с широкими миграциями населения, которое в политическом воображении Рима и Греции (как имевших экономические контакты с варварами¹⁵, так и сталкивавшихся с миграционными вызовами, исходящими от тех же варваров) фигурировало как варварское, завоеванием территорий бывшей Римской Империи варварами¹⁶, позднее создавшие свои государственности, основанные уже на принципиально иной, отличной от античной, экономической базе.

Рим к моменту своего падения не только начал испытывать внутривнутриполитические трудности¹⁷, но и имел немалый опыт общения с «варварскими» народами, но уже, как полагает Г. Багратян, «не был в состоянии конкурировать экономически с варварами»¹⁸. Экономика последних (например, готов¹⁹ и других варварских племен в целом²⁰) развивалась как преимущественно архаичная, характеризующаяся доминированием традиционных институтов, среди которых особую роль играли куны – родовая общность, харийс – племенное войско, хаймс – деревня и т.д. Между варварами и Империями существовали не только противоречия, но и определенные экономические сходства, связанные с доминированием сельскохозяйственного сектора в экономике. По мнению советских историков, в римской экономике доминировали «натурально-хозяйственные отношения»²¹. Рим не только имел развитые контакты с варварскими племенами, которые стояли на более низкой ступени экономического развития, не зная столь высокого, как

в Империи, уровня урбанизации, но при этом Римская Империя, как и ее варварские конкуренты, продолжала оставаться преимущественно аграрной экономикой.

Варвары имели развитые экономические контакты с Римом, хотя элиты последнего стремились применять некие «санкции» торгового характера в отношении варваров²², ограничивая например, поставки вооружения, что имело в большей степени политические, а не экономические основания. Это было связано с тем, что империя видела в варварах именно политических, а не экономических противников, явно недооценивая экономического потенциала тех позднетрадиционных институтов и связанных с ними отношений, которые германские племена приносили с собой в случае переселения на территории, контролируемые Римом. Территория, ему подконтрольная, и ранее, с одной стороны, становилась ареной миграции европейских племен. С другой, например, на этапе миграции кельтов²³ римская экономика обладала мощным адаптивным потенциалом, и Рим оказался в состоянии ответить на внешний вызов. На момент германской миграции римская экономика была уже ослабленной, находилась в переходном состоянии, переживая процесс варваризации²⁴ (хотя подобные вызовы имели место и ранее, но без столь разрушительных последствий²⁵, то есть без варваризации и без установления новых экономических отношений), разрушения территориальной целостности, распада существовавших экономических связей и отношений, что в дальнейшем содействовало постепенной феодализации.

Нападения и переселения варваров на территорию Империи, последовавший за ними процесс фактической варваризации²⁶ с появлением других нероманских групп населения, которое принесло свои экономические традиции, появление новых варварских государств²⁷ стали важными факторами в становлении феодальной версии экономики от Балкан, захваченных германцами и славянами, до Англии²⁸, ставшей объектом завоевания англо-саксов. Нашествия германцев на Римскую Империю в определенной степени привели к последствиям аналогичным тем, которые имели место в Греции после дорийского завоевания. Варваризация Европы привела, возможно, не только к экономическому упадку тех государств, которые возникли на развалинах бывшей Римской Империи. Установившиеся феодальные экономики можно рассматривать как принципиально иные модели развития, а феодализм не как упадок, но как магистральное направление в развитии человеческой цивилизации. Вряд ли можно согласиться с концепцией Д.М. Петрушевского, который полагал, что «мы не видим, чтобы феодализму соответствовала какая-то определенная хо-

зяйственная форма и определенный хозяйственный строй»²⁹. Германские нашествия привели к падению Империи, появлению на ее бывшей территории новых государств, на территории которых доминировали качественно иные экономические системы.

Процесс феодализации в период Поздней Античности и Раннего Средневековья привел к формированию уникальной системы, в рамках которой экономика не была доминирующим элементом, хотя в поздней советской историографии высказывались и крайне ортодоксальные точки зрения. Доминирующим компонентом были политические отношения, связанные с сохранением и воспроизводством власти³⁰, в то время как экономика играла второстепенную роль. В частности, в 1990 году В.Т. Сиротенко и вовсе утверждал, что нашествие варваров на Римскую империю... ликвидировало революционную ситуацию, содействуя экономическому упадку³¹. В периферийных регионах Европы роль экономического фактора была вторичной, чем в тех странах, которые раньше пребывали в составе Римской империи, хотя из этого правила могли быть и исключения. В частности, экономика англо-саксонской Англии³² была подвергнута значительной рурализации, наблюдался упадок городов при наличии значительных тенденций к регионализации. В ряде регионов (в частности, в Скандинавии³³) экономика, вероятно, пребывала в подчиненном положении по сравнению с политической логикой организации пространства, существование которого основывалось на доминировании натуральной экономики. Натуральный характер экономики стимулировался и демографическими процессами³⁴, которые имели место в ставших преимущественно аграрными регионах. Эти процессы были связаны как с сокращением населения, так и сокращением географической мобильности, что содействовало консервации натуральной модели экономики.

Одним из последствий процесса феодализации стал упадок городов, что содействовало «аграризации хозяйственной жизни»³⁵, а также появление нового экономического актора в лице церкви³⁶, которая в условиях доминирования аграрной экономики и натурального хозяйства, нередко играла роль именно экономического института, содействуя более активному, экономически мотивированному, использованию доступных ресурсов. Карл Поланьи³⁷, в связи с этим, подчеркивал, что в средневековой Европе некоторые экономические институты не получили развития, что, например, относится к торговле, которая носила преимущественно коллективный характер, «деревня была отрезана от торговли», а сама средневековая Европа «не знала свободной торговли между городами»³⁸. Эта специфика стала следствием то-

го, что экономика была встроена в социальные отношения³⁹, которые в значительной степени были различны, варьируясь в зависимости от региона. Комментируя роль рынка в истории, Карл Полаanyi подчеркивал, что в прошлом «рынки были не более чем вспомогательным инструментом экономической жизни»⁴⁰. В подобной ситуации уровень развития института частной собственности⁴¹, например, в германских (в частности, у баваров или аламанных⁴²), балтийских землях⁴³ или картвельских земель в периферийных регионах Европы, а также процессы социальной фрагментации раннее гомогенного общества могли быть чрезвычайно различными. Различными могли быть и отношения к собственности, которая могла быть как неотчуждаемой, так и отчуждаемой.

В подобной ситуации различную роль играли и традиционные институты, в частности, община⁴⁴, связанная с регулированием экономических (преимущественно земельных) отношений в феодальном обществе, экономика которого функционировала как преимущественно натуральная в силу того, что большинство населения составляло крестьянство⁴⁵, что гарантировало воспроизводство аграрной модели экономики. Воспроизводство последней гарантировалось и теми факторами, над которыми средневековые общества Европы были невластны. Например, А. Брайант, комментируя вызов болезней, подчеркивал, что в средневековой Англии, например, в период эпидемии «черной смерти»: «прекращались все формы деятельности, урожай не собирался, налоги или ренты не взимались, рынки не устраивались»⁴⁶. Периодически имевшие место эпидемии и массовые вымирания населения делали практически невозможным качественные изменения в экономике. Община была важным, не только стабилизирующим и консервирующим, фактором, который существенно ограничивал возможности для экономического маневра.

Другим фактором, который снижал роль экономической компоненты в существовании средневековых обществ Европы, были крестьянские восстания⁴⁷. Для Западной Европы были характерны крестьянско-традиционалистские (многочисленные восстания в средневековой Хорватии⁴⁸) протесты или преимущественно аграрные (например, Жакерия 1358 года во Франции⁴⁹, восстание Уота Тайлера 1381 года в Англии⁵⁰, волнения 1426 – 1427 годов на Кипре⁵¹) движениями, вызванные сложностями в процессе приспособления крестьянства к новым условиям, связанным с развивающимся обменом и ростом товарности преимущественно натурального хозяйства. Протесты в периферийных регионах Европы (в частности, в Средневековой Армении⁵²) также нередко могли иметь экономические основания. Рост был и не-

возможен в условиях доминирования аграрной экономики, непосредственные производители в рамках которой – крестьяне – периодически не чуждались стихийного, практически экономически не мотивированного протеста, что подрывало и без того неустойчивые и нестабильные основания экономики средневековой Европы.

Экономический рост в средневековых экономиках Большой Европы (от романоязычной до картвелоязычной) периферии представляется маловероятным и нереальным процессом, что было связано и с доминированием народной культуры, особых форм религиозности, которые до Реформации практически исключали формы какой бы то ни было экономической активности и не создавали ни условий, ни предпосылок для ее легитимации. Экономическая функция семейной общины в наибольшей степени заметна на территории европейской романской⁵³ и картвельской периферии, где общинные институты были тесно связаны с экономическими процессами в еще традиционном обществе, экономика которого отличалась одновременным сосуществованием и софункционированием традиционных (земледелия, скотоводства) экономических отраслей. В последнем случае институт собственности мог быть в большей степени интегрирован в проторыночные отношения, что имело весьма ограниченный эффект в связи с отсутствием как национальных государств, так и национальных рынков. Подобная интегрированность экономики в более широкую, казалось бы, неэкономическую систему привела к тому, что в Европе Средних Веков не сложилось понятие «экономическая рациональность» и не получили развитие проторыночные отношения.

Экономические отношения в Европе после ее феодализации по своему уровню явно уступали тем, которые существовали в поздней античности. Российский историк И.С. Филиппов полагает, что процесс феодализации привел к «перестройки экономики на не рыночной основе»⁵⁴. Аналогичная точка зрения характерна и для некоторых историков экономики, которые полагают, что ранний феодализм представлял собой «цивилизацию сельского общества»⁵⁵. Об этом писали и русские дореволюционные экономисты. В частности, М.И. Туган-Барановский подчеркивал, что докапиталистическая Англия представляла собой «чисто земледельческую страну, совсем не ведущую самостоятельной внешней торговли. В ней около сотни городов, но большинство городов мы бы назвали крупными деревнями. Одним из главных занятий является земледелие... Деревня безусловно господствует в экономической жизни страны»⁵⁶. Кроме этого тенденции к натурализации хозяйства фактически ослабили роль городов, сделав их ненужными в качестве экономических центров. Проявлением

упадка стало то, что Европа из Европы городов превратилась в регион, основанный преимущественно, по определению Макса Вебера⁵⁷, на «аграрном строе»⁵⁸. Созвучные идеи высказывались и в советской медиевистике. В частности, С.М. Стам подчеркивал, что средневековый город был противоречивым явлением, так как «феодализм базировался на земледелии», но сама эволюция феодализма «не могла не породить города как средоточие неземледельческого ремесленного труда и товарного обмена»⁵⁹.

Тем не менее, на протяжении длительного времени положение города в средневековой Европе было крайне нестабильным. Городские центры Средневековья были не столь урбанизированы как города Античности, характеризуясь «полуаграрным характером»⁶⁰, выполнением преимущественно политической и военной функции⁶¹, общей интегрированностью в доминировавшую аграрную экономику, что и определяло характер связей между городом и прилегающими аграрными территориями. Российский историк Н.И. Кареев, комментируя особенности феодализма, подчеркивал, что «феодальные времена в экономическом отношении были эпохой преобладания, даже господства сельского хозяйства в его натуральных формах»⁶². Регресс в наибольшей степени проявился в упадке городов⁶³, которые на значительной части Западной Европы смогли восстановить свои позиции в качестве экономических центров только к XV – XVI веку⁶⁴ (что было связано не с экономическим или техническим прорывом, а с удачным сочетанием конъюнктуры и географического фактора), хотя в Восточной Европе (например, в Византии⁶⁵) становление новой феодальной экономики могло протекать не только на уровне аграрной периферии, но и в городах. При этом среди важнейших факторов феодализации на Востоке распавшейся Римской Империи могло пребывать государство⁶⁶, что отличало процесс от Запада, где феодализации в значительной мере содействовали нашествия варваров и эрозия античных экономических институтов. Правда, если к XV – XVI векам города Запада переживали подъем, то византийские города начали приходить в упадок в XIII – XIV веках⁶⁷, а в XV веке и вовсе культурно трансформировались в османские.

Экономическая активизация города в средневековой Европе была связана с теми процессами, которые протекали на уровне отношения города как подсистемы и феодализма как системы, о чем, например, во второй половине 1980-х годов писал С.М. Стам, который подчеркивал, что «город приспосабливался к феодализму, но еще больше феодализм был вынужден приспосабливаться к городу. Для города главное было в приспособлении внешних форм, феодализму же при-

ходило глубоко перестраивать механизм своего экономического функционирования»⁶⁸. Экономика такой феодализованной, но уже в значительной степени успевшей измениться, Европы характеризовалась значительной гетерогенностью, сосуществованием различных социальных (смердов, кметов, холопов⁶⁹ и прочих, то есть свободных и несвободных или в различной степени свободных и несвободных) и этнических групп с диаметрально отличными друг от друга традициями экономического поведения, связанными с различными экономическими институтами и процедурами, среди которых мог быть не только традиционный обмен, но и определенные элементы проторыночных отношений.

Феномен многоукладности средневековой Европы мог быть связан со спецификой возникновения феодализма в результате синтеза «позднерабовладельческого общества Римской империи и родового общества варварской периферии»⁷⁰. Противоречия, о которых речь шла выше, могли проявляться в развитии института собственности, которая, по А.Я. Гуревичу, в Западной Европе могла быть представлена частной и коллективной⁷¹. Для концепции А.Я. Гуревича начала 1970-х годов было характерно формационное восприятие феодализма. В 2000-е годы российские авторы полагали иначе, подчеркивая, что феодализм не был формацией, но стал «результатом отсутствия либо крушения централизованной политической системы с хорошо налаженным чиновно-бюрократическим аппаратом»⁷².

Феодальное общество и, как следствие, экономика была гетерогенной, представленной различными группами – не только феодалами и феодальнозависимыми крестьянами, но и свободными непосредственными производителями⁷³, хотя советскими авторами высказывались и иные точки зрения, которые сводились к тому, что в ряде регионов (например, в периферийной Армении⁷⁴) в результате экономической эволюции феодализма свободное крестьянство полностью исчезло, утратив свободу и став крепостным, хотя в более поздних работах тот же А.П. Новосельцев был более осторожен в формулировках, предпочитая определять непосредственных производителей как «класс-сословие феодально-зависимого крестьянства»⁷⁵. В ортодоксальной советской историографии доминировала точка зрения, согласно которой натуральное хозяйство средневекового общества зиждилось на сосуществовании двух сословий – феодалов и зависимого крестьянства⁷⁶. С другой стороны, и такой либерально мыслящий советский историк как А.Я. Гуревич все же указывал и на то, что феодальное общество было «обществом относительно жестких статусов, стабильных социальных категорий» и поэтому «социальная мобиль-

ность ему не свойственна»⁷⁷, что существенно ограничивало возможности для трансформации фактически еще традиционного (или преимущественно традиционного) общества в общество, где ведущую роль играла бы экономическая рациональность, а не отношения доминирования и подчиненности, характерные для традиционных феодальных социумов.

Население средневековых обществ было гетерогенным. Подобная гетерогенность возникла, несмотря на внешнюю гомогенность экономики, основанной почти исключительно на доминировании натурального хозяйства (особенно, на раннем этапе Средневековья⁷⁸), слабости городов и преимущественно аграрном характере экономики в целом, что не исключало в период развитого феодализма активизации отношений между деревней и городом⁷⁹, в рамках которых последний оказывал влияние на трансформацию социально-экономических отношений на уровне аграрной периферии, содействуя росту товарно-денежных связей. Большую часть непосредственных производителей в Западной Европе (а в Российской Империи подобная тенденция доминировала и в начале XX века⁸⁰) составляли крестьяне, а сама экономика носила почти исключительно аграрный⁸¹ характер, хотя структура городского населения⁸² могла отличаться большей гетерогенностью, что было связано с широким спектром видов экономической деятельности, которой могли заниматься горожане. В связи с этой спецификой средневековой экономики Жак Де Гофф подчеркивал, что «западное средневековое общество было крестьянским, которое, как и всякое крестьянское общество, включало в себя незначительный процент горожан»⁸³.

Тем не менее, преобладание аграрной экономики не доказывает того, что она была статичной. Сосуществование аграрных регионов и урбанизированных центров содействовало значительным трансформациям как первой, так и вторых. Общеизвестно, наличие различных форм взаимного влияния между средневековым городом и деревней, что в итоге привело к значительным трансформациям на уровне аграрных территорий. Подобные тенденции относительно рано начали проявляться в периферийных регионах Европы, например – в Швеции⁸⁴. Если в период Раннего Средневековья именно они были основным экономическим центром, то постепенно роль принятия экономических решений переходит к городам, а экономические функции аграрных регионов подвергаются своеобразной периферизации. Этот процесс проявился в сокращении роли аграрного сектора и растущем значении города как именно экономического центра.

Натуральный характер средневековой экономики был связан с теми переменами, которые Европа пережила в результате распада античной системы. Современный российский историк И.С. Филиппов полагает, что «в доиндустриальных обществах эффективность, отчасти и сам характер производства, во многом зависит от его масштабов, поскольку именно масштабами производства определяется возможность применения трудовой кооперации»⁸⁵. Феодальная экономика, развиваясь как в значительной степени фрагментированная, преимущественно аграрная (экономика средневекового города, как полагал, Д.М. Петрушевский, могла характеризоваться «хозяйственным партикуризмом»⁸⁶, то есть могла носить натуральный, точнее – регионализированный характер), а в некоторых регионах даже принудительно рурализованная, на протяжении длительного времени была совокупностью экономик отдельных натуральных хозяйств, что не только существенно ограничивало, тормозило ее развитие, но и не создавало условий для качественных трансформаций.

Рурализации оказалась подвержена и экономика Пиренейского полуострова⁸⁷, которая развивалась как преимущественно аграрная, а в качестве основных акторов выступали деревня как институционализированная форма аграрной периферии и Католическая Церковь, которая наряду со светским феодализмом играла одну из ведущих ролей в развитии поземельных отношений. В условиях пребывания на территории периферии западного христианского мира, в условиях соседства с территорией, контролируемой арабами, казалось бы, складывались условия для развития внешнеэкономических связей и роста торговли, но подобных процессов не наблюдалось на фоне доминирования преимущественно традиционных отношений среди каталонских экономических авторов, которые, как правило, стоились по принципу дарения, имея традиционную легитимность, а не выстраиваясь в соответствии с экономической рациональностью.

Анализируя положение индивида в рамках западного феодализма, А.Я. Гуревич указывал на то, что «всецелого порабощения традицией и полнейшего его бессилия перед ней никогда не могло быть»⁸⁸. Именно это оставляло перед средневековым человеком возможность для маневра, в том числе – и в экономической сфере. Этому содействовало и сохранение частной собственности⁸⁹, хотя ее формы и размеры, а также степень вовлеченности в рыночные отношения могут быть дискуссионными. Более того, по А.Я. Гуревичу, феодальное общество отличается «глубокой многоукладностью и пестротой социальных и хозяйственных форм»⁹⁰, среди которых, вероятно, могли иметь место и рыночные, точнее – проторыночные элементы, хотя некоторые со-

ветские историки в первой половине 1920-х годов⁹¹ пытались дискутировать относительно наличия капиталистических элементов в рамках феодальной экономики.

Вероятно, наиболее важным проявлением многоукладности феодальной экономики следует признать развитие городов⁹². Город (значение которого как центрального элемента в разделении труда в советской историографии⁹³ иногда абсолютизировалось) в феодальной Европе (как в Западной, так и в Восточной⁹⁴) был вынужден конструировать периферийную аграрную экономику, которая гарантировала его существование. Город в средневековой Европе сам нередко был гетерогенным: на его территории могли проживать носители разных языков, принадлежавшие к отличным религиозным группам⁹⁵, что было связано и с экономической специализацией их деятельности. Подобный средневековый город играл, прежде всего, роль торгового центра, но и торговая функция города в значительной степени была ограниченной, так как подобное экономическое влияние города было тесно связано с доминировавшим натуральным хозяйством. Из этого универсального правила могли существовать и некоторые исключения, связанные, например, с активной торговой политикой южно-итальянских городов в XII – XIII веках⁹⁶, основным партнером которых была Византия, а сами купцы формировали компании с целью торговли, хотя их деятельность регламентировалась обычным правом. Подобная экономика, несмотря на наличие определенных проторыночных элементов, носила все-таки в большей степени традиционный характер. Город в Раннем Средневековье играл роль торгового центра, которая в значительной степени была ограничена сужением известного на тот момент пространства. Поэтому рынки средневекового города – это рынки почти исключительно регионального значения или, по словам Анри Пиренна, «мелкие местные рынки»⁹⁷.

Город в Средневековой Европе – это и финансовый центр, но центр не самодостаточный, а ориентированный на аграрную периферию. О слабости города в феодальной Европе свидетельствует, в частности, активное использование иноземной монеты⁹⁸ для местного денежного обращения, что было связано с ограниченностью ресурсов европейских стран, в особенности – в периферийных регионах. Комментируя подобную аграрную особенность города, Фернан Бродель подчеркивал, что «едва только в городе накапливалось слишком много денег, он помещал, вкладывал их в ближайшие деревни»⁹⁹. В ряде случаев такие инвестиции могли быть географически отдаленными. Этот процесс мог иметь место в портовых городах, что было связано с созданием колоний, в частности – венецианских¹⁰⁰. Торговый порт, по

мнению Карла Поланьи, представлял собой «универсальный институт заморской торговли», который имел не только региональное значение, но и был институтом «предшествующим установлению международных рынков»¹⁰¹. Подобная экономическая стратегия могла стимулироваться политическими факторами: советский историк В.И. Рутенбург подчеркивал, что экономический рост мог иметь место на фоне «крайней неустойчивости политической жизни»¹⁰². Среди таких колоний мы условно можем рассматривать и Кипр¹⁰³, но его экономическое значение не следует преувеличивать. Как ограниченность доступных ресурсов, в определенной степени изолированное положение, так и успехи мусульман в регионе Ближнего Востока привели к резкому сокращению экономической роли острова, который постепенно трансформировался в периферию экономического развития позднефеодального Запада. Аналогичную судьбу разделила и Грузия¹⁰⁴, которая ранее была интегрирована в систему европейской международной транзитной морской торговли. В определенной степени аналогичная ситуация сложилась и в Прибалтике¹⁰⁵, которая была зоной немецкой колонизации. Позднее города, как центры торговли и развития товарно-денежных отношений, созданные немцами, стали важными коллективными экономическими акторами.

В подобной ситуации город становился в большей степени именно экономической институцией, так как именно торговля стимулировала его «территориальную экспансию»¹⁰⁶, которая содействовала развитию не только натурального, но и денежного хозяйства. Подобная колониальная политика, вероятно, в большей степени стимулировалась не экономической целесообразностью, а стремлением гарантировать городские экономики Италии от вызовов, связанных с голодом и неурожаем. Поэтому колониальный потенциал города как вероятного экономического центра был в значительной степени скован и ограничен доминированием натурального хозяйства.

Подобные финансовые перемещения были вызваны как доминированием традиционных институтов, так и преобладанием натурального хозяйства. Кроме этого не последнюю роль играл фактор территориальной ограниченности средневекового Запада, города которого не имели возможности проводить масштабные инвестиции в географически отдаленных районах, так как часть их была или вовсе неизвестна европейцам, или они пребывали под властью мусульман. Тем не менее, средневековый европейский город – едва ли не единственное место на Западе после античности и до наступления Нового Времени, где определенная роль была отведена деньгам¹⁰⁷ и в некоторой степени действовали механизмы ценообразования¹⁰⁸, а не доми-

нировавшее в аграрной периферии натуральное хозяйство. Торговая функция города, представленная категорией определяемой А. Пиреном как «торговый класс»¹⁰⁹, стимулировала денежное обращение, а торговые контакты с нехристианским, в первую очередь – мусульманским, миром содействовали втягиванию европейских средневековых городов в мировую торговлю, которая на том этапе ограничивалась почти исключительно регионом Средиземного моря и прилегающими к нему странами.

Город нес в себе гораздо больше экономических функций, чем аграрная периферия. При этом в период Раннего Средневековья экономическая составляющая в функционировании города была не столь развитой и ярковыраженной как в позднеантичный период. Подобная ситуация стала следствием натурализации экономики. Центр экономической жизни переместился на уровень аграрной периферии в то время, как город сохранил религиозные и политические функции. Последние в рудиментарном виде, вероятно, могли представлять и перераспределительную функцию города как потенциально экономического центра. Комментируя подобную специфику средневекового города Жак Ле Гофф подчеркивал, что «города, чтобы зародиться нуждались в благоприятном сельском окружении»¹¹⁰. Кроме этого в период Раннего Средневековья, а также в некоторых европейских (преимущественно – периферийных регионах) экономическая составляющая города носила в значительной степени латентный характер и в силу того, что город мог не являться независимым актором, пребывая в сфере влияния крупных феодалов. Тем не менее, и в подобной ситуации роль города даже на территории европейской периферии (например, в Грузии¹¹¹) как источника, стимулирующего развитие товарно-денежных отношений, не вызывает сомнений, несмотря на доминирование традиционности¹¹² на уровне аграрной и относительно отдаленной от центров периферии. Анализируя городской фактор, во внимание, тем не менее, следует принимать и то, что Средневековая Европа развивалась как в значительной степени аграрный или рурализированный регион. Тем не менее, она оказалась в состоянии пережить как первичную, так и вторичную урбанизацию. Первичная протекала преимущественно германских и славянских регионах, которые в своей истории не знали романизации, неотъемлемым социальным и экономическим атрибутом которой был город.

Вторичная урбанизация прошла в романских регионах, которые относительно быстро оказались в состоянии преодолеть негативные последствия варварских, как правило – германских, нашествий. Именно города в зоне вторичной урбанизации смогли к XV веку стать

финансовыми центрами, что на более позднем этапе европейской истории содействовало актуализации проторыночных тенденций, хотя двумя столетиями ранее (например, в XIII веке) экономическая компонента кастильского города¹¹³ могла быть минимальной: в частности, кастильский город мог быть местом преимущественного проживания представителей земельной аристократии, а не торгово-ремесленным центром. С другой стороны, некоторые периферийные, например балтийские города¹¹⁴, наоборот, могли переживать состояние экономического кризиса, что было связано с большей актуализацией экономических функций средиземноморских городов. Кроме этого именно города в средневековой Европе аккумулировали зачатки проторыночных отношений, связанные с развитием аренды, наемного труда, ростовщической деятельности. Постепенно роль города в Средневековой Европе изменилась. Город трансформировался сначала в рыночный, а позднее – и в экономический, центр. Средоточием и центральным элементом экономической функции каждого средневекового города был рынок – «простейший рынок» или «городской базар» по терминологии Фернана Броделя¹¹⁵. Городской рынок – это та площадка, которая не только содействовала обмену, его постепенному усложнению, но и размыванию традиционных экономических институтов, разрушению замкнутости, кризису натуральной модели хозяйства. Именно рынок стал той первой площадкой, на которой в средневековой Европе формировались элементы проторыночных отношений.

Феодализм некоторыми авторами позиционируется как «децентрализованная редистрибуция в политически ослабленных государствах»¹¹⁶, хотя высказываются и иные точки зрения, сторонники которых полагают, что радикального разрыва между античной и феодальной экономической традицией не произошло. В частности, В. Иноземцев еще в середине 1990-х годов указывал на то, что «хозяйственный строй европейского феодализма характеризуется прежде всего преодолением тех форм крупного производства, которые доминировали в античное время»¹¹⁷. В рамках подобной интерпретации феодальная экономика не предстает как качественно новая или принципиально иная, отличная от античной, система. Феодальную экономику Запада можно рассматривать как правопреемницу античной. Именно эта преемственность и гарантировало на позднейших этапах доминирования феодализма институтов, которые всецело не вписывались в систему, но в большей степени были связаны с актуализацией проторыночных отношений.

Феодализм в качестве дискретной системы мог возникнуть только в том случае, если не только отсутствовал «сильный политический

центр», но и ослабевали «институты власти-собственности и централизованной редистрибуции». Именно поэтому Л.С. Васильев позиционирует феодализм как «вынужденную альтернативу классической централизованной редистрибуции»¹¹⁸, но и эта альтернативность не означала появления качественно новых и отличных от доминировавших ранее экономических отношений. Ослабление принципов распределения вовсе не означало отмены вертикальных социальных связей, а экономика подобных обществ не совершала прорыва. Наоборот, экономика феодальных социумов по сравнению с их рабовладельческими или восточными предшественниками могла быть более слабой. Экономическая слабость и деградация, конечно, могли содействовать ослаблению роли государства как основного редистрибутора, создавая возможность для появления и вероятного развития альтернативных проторыночных тенденций. Последние тенденции в феодальном обществе не могли доминировать, но на протяжении длительного времени пребывали в латентном состоянии.

Причины, которые объясняли бы слабость проторыночных тенденций, разнообразны. А.Я. Гуревич подчеркивал, что в любом феодальном обществе имели место не только «противоречия между крупной собственностью на землю и мелким производством крестьян», но и доминировало преимущественно «внеэкономическое принуждение»¹¹⁹. Нельзя исключать, что именно доминирование именно этих форм принуждения, основанных на насилии, которое легитимизировалось силой традиции, а также разного рода традиционных и неформальных институтов были статусами стабильного существования и функционирования феодального общества и теми силами, которые если не маргинализировали проторыночные отношения, то делали их роль чрезвычайно незначительной.

---

¹ В период работы над статьей Автор обратился к тем интерпретациям процесса, которые были даны в поздней советской историографии, в частности – в третьем томе «Истории древнего мира» – в статьях Н.С. Свенцицкой и В.Д. Нероновой. Эти тексты отражают общие проблемы и основные направления развития восприятия социально-экономического перехода к феодализму в советской модели гуманитарного знания. См. подробнее: Свенцицкая Н.С. Основные тенденции общественного развития к началу поздней древности / Н.С. Свенцицкая // История древнего мира / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – М., 1989. – Т. 3. Упадок древних обществ / отв. ред. В.Д. Неронова. – С. 5 – 8; Неронова В.Д. Основные черты третьего периода древней истории / В.Д. Неронова // История древнего мира / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – М., 1989. – Т. 3. Упадок древних обществ / отв. ред. В.Д. Неронова. – С. 8 – 21.

² Конрад Н.И. О рабовладельческой формации / Н.И. Конрад // Конрад Н.И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М., 1966. – С. 43.

³ Неронова В.Д. Основные черты третьего периода... – С. 11.

⁴ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А.Я. Гуревич. – М., 1970. – С. 222 – 223. В научной литературе высказываются и иные точки зрения, связанные с признанием существования феодализма и на Востоке. В частности, американский историк Х.Г. Крил полагает, что через феодальный пери-

од в своей истории прошел и Китай. См.: Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае / Х.Г. Крил / пер. с англ. Р.В. Котенко. – СПб., 2001.

⁵ Богверадзе А.А. Из истории раннефеодальных общественных отношений в Картли / А.А. Богверадзе. – Тбилиси, 1961; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика) / А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. – М., 1972.

⁶ Васильев Л.С. Всеобщая история / Л.С. Васильев. – М., 2007. – Т. 2. Восток и Запад в средние века. – С. 30.

⁷ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – С. 14 – 15.

⁸ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д.М. Петрушевский. – М., 1922. – С. 134 – 150.

⁹ О сокращении экономической роли рабов в поздней Римской Империи см.: Грант М. История Древнего Рима / М. Грант / пер. с англ. Л. Кныша. – М., 2003. – С. 362 – 363.

¹⁰ Сергеев В.С. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской Империи / В.С. Сергеев // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 117 – 132.

¹¹ Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. Социально-экономические отношения / О.Г. Большаков / отв. ред. И.М. Смилянская. – М., 2001. – С. 3.

¹² Тюменев А.И. История античных рабовладельческих обществ. – С. 234.

¹³ О концепции феодализации в 1920 – 1930-е годы подробнее см.: Преображенский В.Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма / В.Д. Преображенский. – Харьков, 1931. – С. 3 – 12.

¹⁴ О восприятии процесса феодализации в советской историографии во второй половине 1930-х годов подробнее см.: Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима / В.С. Сергеев. – М., 1938. – Т. 2. – С. 679 – 705.

¹⁵ Об отношениях между античными государствами и варварскими обществами, в том числе – и в экономической сфере, подробнее см.: Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский / Ю.А. Виноградов // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К.К. Марченко. – СПб., 2005. – С. 211 – 295; Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи / К.К. Марченко // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К.К. Марченко. – СПб., 2005. – С. 42 – 136; Rogov E.Ya. Греки и варвары в Западном Крыму / Е.Я. Рогов // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К.К. Марченко. – СПб., 2005. – С. 137 – 210.

¹⁶ Подробнее об этом процессе см.: Дворецкая И.А. Из Паннонии в Италию (христианизация завоевателей и генезис варварской государственности в Италии VI – VIII вв.) / И.А. Дворецкая // Античность и Раннее Средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.М. Строгоцкий. – Н. Новгород, 1991. – С. 128 – 142.

¹⁷ О кризисных тенденциях в Римской Империи см.: Сергеев И.П. Римская Империя в III веке нашей эры / И.П. Сергеев. – Харьков, 1999.

¹⁸ Багратян Г.А. Общество и государство / Г.А. Багратян / пер. с армян. В. Аветисяна. – М., 2000. – С. 84.

¹⁹ Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам / пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова; под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко, П.В. Шувалова. – М., 2003. – С. 143 – 155.

²⁰ Об экономике варваров перед завоеванием Римской Империи см.: Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров / А.Я. Гуревич // История крестьянства в Европе / отв. ред. З.В. Удальцова, ред. Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич и др. – М., 1985. – Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. – С. 90 – 136.

²¹ Корсунский А.Р. Сельское население поздней Римской империи / А.Р. Корсунский // История крестьянства в Европе / отв. ред. З.В. Удальцова, ред. Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич и др. – М., 1985. – Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. – С. 62.

²² О подобной политике санкций поздней Римской Империи, точнее – ее неуклонности, см.: Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи / Э.А. Томпсон / пер. с англ. Т.О. Пономаревой, ред. М.Е. Кулуновская. – М., 2003. – С. 14 – 18.

²³ Широкова Н.С. Переселения кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества) / Н.С. Широкова // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник / ред. В.В. Мавродин. – Л., 1982. – С. 44 – 56.

²⁴ О процессах варваризации Европы см.: Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В.П. Буданова / отв. ред. Б.А. Рыбаков. – СПб., 1999.

²⁵ Например, в 136 г. н.э. аланскому набегу подверглось Закавказье, но это событие не привело к варваризации региона. См.: Перевалов С.М. Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы / С.М. Перевалов // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович. – М., 2006. – С. 318 – 335.

²⁶ Об особенностях отношений поздней Империи с варварами и о переселении последних на территории, контролируемые Римом, подробнее см.: Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы / Д.М. Петрушевский. – М., 1928. – С. 151 – 160. См. также: Горемыкина В.И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе (опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси) / В.И. Горемыкина. –

Мн., 1982. – С. 32 – 90 (работа является чрезвычайно идеологизированной и представляет почти исключительно историографический интерес в контексте развития исторической науки и экономической истории в СССР).

²⁷ Подробнее о нашествиях варваров см.: Альфан Л. Варвары от великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Л. Альфан / пер. с франц. М.Ю. Некрасова, науч. ред. А.Ю. Карачинский. – СПб., 2003. – С. 17 – 23, 34 – 40.

²⁸ О ранней экономической истории англо-саксонской Англии см.: Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние Века / Д.М. Петрушевский. – М., 1937. – С. 14 – 50.

²⁹ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д.М. Петрушевский. – М., 1922. – С. 298.

³⁰ Фавтье Р. Капетинги и Франция. Роль династии в создании государства / Р. Фавтье / пер. с франц. Г.Ф. Цыбулько, науч. ред. В.В. Шишкин. – СПб., 2001.

³¹ Сиротенко В.Т. Народные движения в Северной Африке и королевство вандалов и аланов / В.Т. Сиротенко. – Днепропетровск, 1990. – С. 56.

³² Пти-Дютайи Ш. Феодалная монархия во Франции и в Англии X – XIII веков / Ш. Пти-Дютайи / пер. с франц. С.П. Моравского. – М., 1938. – С. 32 – 46.

³³ Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции / С.Д. Ковалевский / отв. ред. А.С. Кан. – М., 1977.

³⁴ Дюби Ж. Средние Века (987 – 1460) от Гуго Капета до Жанны д'Арк / Ж. Дюби / пер. с франц. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. – М., 2000. – С. 63 – 65.

³⁵ Экономическая история мира. Европа. – Т. 1. – С. 172.

³⁶ Шевеленко А.Я. Начальные формы феодальной собственности в Бретани / А.Я. Шевеленко // Европа в средние века: экономика, политику, культура / отв. ред. З.В. Удальцова, ред. Е.М. Жуков и др. – М., 1972. – С. 32 – 46.

³⁷ О концепции Карла Поланьи см. подробнее: Нуреев Р.М. Экономический детерминизм и его критика Карлом Поланьи / Р.М. Нуреев // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под. общ. ред. Р.М. Нуреева; ред. Ю.В. Латов и др.; сост. Р.М. Нуреев. – М., 2006. – С. 187 – 204; Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи / В.В. Радаев // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под. общ. ред. Р.М. Нуреева; ред. Ю.В. Латов и др.; сост. Р.М. Нуреев. – М., 2006. – С. 205 – 217; Розинская Н.А., Латов Ю.В. Труды и дни Карла Поланьи (1886 – 1964) / Н.А. Розинская, Ю.В. Латов // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под. общ. ред. Р.М. Нуреева; ред. Ю.В. Латов и др.; сост. Р.М. Нуреев. – М., 2006. – С. 15 – 24; Розинская Н.А. Карл Поланьи как историк-экономист / Н.А. Розинская // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под. общ. ред. Р.М. Нуреева; ред. Ю.В. Латов и др.; сост. Р.М. Нуреев. – М., 2006. – С. 154 – 156.

³⁸ О факторе торговли в Средние Века см.: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи / пер. с англ. А.А. Васильева и др.; под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб., 2002. – С. 295 – 296.

³⁹ Trade and Market in the Early Empires: Economies in History and Theory / eds. Karl Polanyi, Conrad M. Arensberg, Harry W. Pearson. – Glencoe, 1957.

⁴⁰ Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары / К. Поланьи // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1. – Вып. 2. Структуры и институты. – С. 10.

⁴¹ О феномене собственности в Средние Века см.: Неусыхин А.И. Собственность и свобода в варварских правдах (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V – VIII вв.) / А.И. Неусыхин // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды / А.И. Неусыхин / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1974. – С. 35 – 212.

⁴² О процессе экономических трансформаций в контексте генезиса феодальных отношений у германских племен см.: Данилова Г.М. Аламманское и баварское общество VIII и начала IX века / Г.М. Данилов / отв. ред. А.Г. Гидони. – Петрозаводск, 1969.

⁴³ Юргинис Ю. Отношения собственности на средства производства в феодальной Литве / Ю. Юргинис // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции (25 – 27 ноября 1975 г.). – Тарту, 1975. – С. 29 – 46.

⁴⁴ О роли общины на территории периферийных европейских регионов см.: Харадзе Р. Грузинская семейная община / Р. Харадзе / отв. ред. А.И. Робакидзе. – Тбилиси, 1960. – Т. 1 – 2.

⁴⁵ Подробнее об истории европейского средневекового крестьянства см.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / отв. ред. З.В. Удальцова, ред. Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич и др. – М., 1985. – Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / отв. ред. М.А. Барз, ред. К.Д. Авдеева, Ю.Л. Бессмертный и др. – М., 1986. – Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / отв. ред. Ю.Ю. Кахк, ред.

А.В. Адо, Ю.Г. Алексеев и др. – М., 1986. – Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений.

⁴⁶ О «черной смерти» в Англии в середине XIV века см.: Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии / А. Брайант / пер. с англ. Т.В. Ковалева, М.Г. Муравьева; науч. ред. М.Г. Муравьева. – СПб., 2001. – С. 336 – 346.

⁴⁷ Гутнова Е.В., Репина Л.П. Социальная борьба крестьянства / Е.В. Гутнова, Л.П. Репина // История крестьянства в Европе / отв. ред. З.В. Удальцова, ред. Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич и др. – М., 1985. – Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. – С. 462 – 491.

⁴⁸ Бромлей Ю.В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии (из истории аграрных отношений и классовых борьбы в Хорватии XVI в.) / Ю.В. Бромлей / отв. ред. С.А. Никитин. – М., 1959; Чулинович Ф. Крестьянские восстания в Хорватии / Ф. Чулинович / пер. с серб.-хорв. Ю.В. Бромлея, И.Д. Очака; под. ред. В.Г. Карасева. – М., 1959.

⁴⁹ Французская деревня XII – XIV вв. и Жакерия. Документы / пер., введн. ст., прим. Н.П. Грацианского. – М. – Л., 1935.

⁵⁰ Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии / Д.М. Петрушевский. – М., 1937.

⁵¹ Документы по истории восстаний во Франции и на острове Кипр / сост. Н.П. Соколов, Т.М. Черовная. – Горький, 1971. – С. 32 – 34.

⁵² Бартикян Р.М. Еремики ареворди («сыны Солнца») в Армении и Месопотамии и послание армянского католикоса Нерсеса Благодатного / Р.М. Бартикян // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятилетия члена-корреспондента Академии Наук СССР Н.В. Пигулевской / ред. В.В. Струве и др. – М., 1967. – С. 102 – 112.

⁵³ Абрамсон М.Л. Крестьянские сообщества в Южной Италии в X – XIII вв. / М.Л. Абрамсон // Европа в средние века: экономика, политика, культура / отв. ред. З.В. Удальцова, ред. Е.М. Жуков и др. – М., 1972. – С. 47 – 61.

⁵⁴ Подробнее о точке зрения И.С. Филиппова см.: Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в Раннее Средневековье. Проблема становления феодализма / И.С. Филиппов. – М., 2000. – С. 418. См. также: Филиппов И.С. Южнофранцузские картулярии как источник по социальной истории Раннего Средневековья / И.С. Филиппов // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 28 – 34.

⁵⁵ Экономическая история мира. Европа. – Т. 1. – С. 179.

⁵⁶ Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма / М.И. Туган-Барановский // Туган-Барановский М.И. Экономические очерки / М.И. Туган-Барановский / предисл., сост., ред. Г.Н. Сорвиной; коммент., ред. С.Е. Хорзова; предисл. В.В. Перской; коммент. О.И. Меликовой, Е.В. Черниковой и др. – М., 1998. – С. 19.

⁵⁷ В число задач настоящего исследования не входит изучения научного наследия Макса Вебера, хотя Автор признает не только актуальность, но и необходимость обращения к работам немецкого ученого в рамках исследований, выполненных в русле экономической истории. О концептуальном вкладе М. Вебера в экономические исследования см.: Капустин Б.Г. Концепция идеальных типов М. Вебера и познание многообразия исторической действительности / Б.Г. Капустин // Философские науки. – 1981. – № 1; Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии Макса Вебера) / В.П. Макаренко. – РнД., 1988; Ожиганов Э.Н. Политическая теория Макса Вебера / Э.Н. Ожиганов. – Рига, 1986; Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера / А.И. Патрушев. – М., 1992.

⁵⁸ Вебер М. История хозяйства / М. Вебер // Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение / М. Вебер / пер. с нем.; ред. И. Гревс; отв. ред. Г.Э. Кучков, Н.Д. Саркитов; коммент. Н.Д. Саркитов. – М., 2007. – С. 25.

⁵⁹ Стам С.М. Средневековый город и развитие социальной структуры феодального общества / С.М. Стам // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 40 – 49.

⁶⁰ Подробнее об аграризации средневекового города см.: Галич З.Н. Город в меняющемся мире: переходы и процессы (от доиндустриального к постиндустриальному обществу) / З.Н. Галич // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. – М., 2001. – С. 257. Об отношениях между городом и аграрными регионами в Раннее Средневековье см.: Котельникова Л.А. Крестьянство и город раннего средневековья / Л.А. Котельникова // История крестьянства в Европе / отв. ред. З.В. Удальцова, ред. Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич и др. – М., 1985. – Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. – С. 492 – 518.

⁶¹ Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы / Д.М. Петрушевский. – М., 1928. – С. 283.

⁶² Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI – XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н.И. Кареев. – М., 2009. – С. 225.

⁶³ О средневековых городах см.: Данилова И.Е. Итальянский город XV века / И.Е. Данилова. – М., 2000.

- ⁶⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. / Ф. Бродель / пер. с франц. д.и.н. Л.Е. Куббель; вступит. статья, ред. д.и.н. Ю.Н. Афанасьев. – М., 2007. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – С. 22.
- ⁶⁵ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму / Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник / ред. В.В. Мавродин. – Л., 1982. – С. 56 – 77. Подробнее о роли византийского города в генезисе новой феодальной экономики см.: Заливалова Л.Н. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму в освещении русской историографии конца XIX – начала XX века / Л.Н. Заливалова // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник / ред. В.В. Мавродин. – Л., 1982. – С. 77 – 86.
- ⁶⁶ О специфике византийской модели феодализма см. подробнее: Каждан А.П. Деревня и город в Византии IX – X вв. Очерки по истории византийского феодализма / А.П. Каждан / ред. З.В. Удальцова. – М., 1960.
- ⁶⁷ Подробнее см.: Карпов С.П. Социальная структура городов Южного Черноморья (XIII – XV вв.) / С.П. Карпов // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 64 – 72.
- ⁶⁸ Стам С.М. Средневековый город и развитие социальной структуры... – С. 45.
- ⁶⁹ Подробнее об элементах гетерогенности в социальной структуре средневековых (точнее – раннесредневековых) обществ см.: Данилова Г.М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников) / Г.М. Данилова / науч. ред. В.Д. Королюк. – Петрозаводск, 1974.
- ⁷⁰ Подробнее см.: Левандовский А.П. Основы истории Средних Веков / А.П. Левандовский. – М., 1970. – С. 3.
- ⁷¹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – С. 26.
- ⁷² Васильев Л.С. Всеобщая история. – Т. 2. – С. 31.
- ⁷³ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – С. 15.
- ⁷⁴ Подробнее см.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика) / А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. – М., 1972. – С. 63.
- ⁷⁵ Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования) / А.П. Новосельцев / ред. С.Г. Агаджанов. – М., 1980. – С. 249.
- ⁷⁶ Левандовский А.П. Основы истории Средних Веков. – С. 8.
- ⁷⁷ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – С. 218.
- ⁷⁸ Неусыхин А.И. Роль земледелия в хозяйственной жизни древних германцев / А.И. Неусыхин // Ученые записки Института истории РАН ИОН. – 1927. – Т. 2. – С. 25 – 49.
- ⁷⁹ Котельникова Л.А. Крестьянство и город / Л.А. Котельникова // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / отв. ред. М.А. Барг, ред. К.Д. Авдеева, Ю.Л. Бессмертный и др. – М., 1986. – Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. – С. 64 – 93.
- ⁸⁰ Изучение специфики традиционных экономических форм в российской истории в виде, например, крестьянской экономики не входит в число задач автора настоящего исследования. Подробнее см.: Хубулова С.А. Крестьянская семья и двор в Терской области в конце XIX – начале XX века. Социально-экономические, этнодемографические и политические аспекты развития / С.А. Хубулова / науч. ред. А.И. Козлов, Н.Д. Малиев. – СПб., 2002.
- ⁸¹ В зарубежной, в частности – во французской, историографии имели место попытки написания средневековой истории как преимущественно «аграрной», что, например, связано со «школой «Анналов»». См.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории / М. Блок / пер. с франц. И.И. Фроловой; ред. и предисл. А.Д. Люблинской. – М., 1957. В 2000-е годы имели место попытки интерпретировать и историю как преимущественно аграрную и крестьянскую. См.: Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России / В. Бердинских. – М., 2001.
- ⁸² Тушина Г.М. Некоторые данные о структуре городского населения в Провансе в период классического Средневековья / Г.М. Тушина // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 111 – 116.
- ⁸³ Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада / Ж. Ле Гофф / пер. с франц. Е.И. Лебедевой и др.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертный; послесл. А.Я. Гуревич. – М., 1992. – С. 89.
- ⁸⁴ Сванидзе А.А. Социальная трансформация деревни и рынок в XIV – XV вв. Шведский вариант / А.А. Сванидзе // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 160 – 166.
- ⁸⁵ Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в Раннее Средневековье. – С. 393.
- ⁸⁶ Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. – С. 323.
- ⁸⁷ Подробнее о социально-экономических процессах в регионе см.: Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века / А.Е. Кудрявцев. – М., 2007; Мильская Л.Т. Очерки из истории деревни в Каталонии X – XII вв. / Л.Т. Мильская / отв. ред. А.И. Неусыхин. – М., 1962.
- ⁸⁸ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – С. 116.
- ⁸⁹ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. – С. 103 – 106.
- ⁹⁰ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – С. 16.

- ⁹¹ Неусыхин А.И. К вопросу об элементах капитализма в средневековом обществе / А.И. Неусыхин // Печать и революция. – 1923. – № 5. – С. 21 – 37.
- ⁹² О городском факторе в развитии европейской средневековой экономики см.: Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII – XV веках. По материалам центральных и северных областей / Л.А. Котельникова / отв. ред. В.И. Рутенбург. – М., 1987; Стам СМ. К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе / С.М. Стам // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник / ред. В.В. Мавродин. – Л., 1982. – С. 95 – 106; Тушина Г.М. Города в феодальном обществе Южной Франции (по материалам Прованса XII – XV вв.) / Г.М. Тушина / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. – М., 1985.
- ⁹³ Подробнее см.: Смилянская И.М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже Нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины) / И.М. Смилянская / отв. ред. К.А. Антонова. – М., 1979. – С. 84 – 90.
- ⁹⁴ Дегтярев А.Я. О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи / А.Я. Дегтярев // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник / ред. В.В. Мавродин. – Л., 1982. – С. 146 – 149.
- ⁹⁵ Подробнее см.: Масан А.Н. Социальный и этнический состав городского населения Пруссии в XIII – XV вв. / А.Н. Масан // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 143 – 149; Минаков С.Т. Социальная структура североиспанского города в XI – XIII вв. (по материалам Саагуна) / С.Т. Минаков // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 133 – 138.
- ⁹⁶ Абрамсон М.Л. Социальная структура крупного южноитальянского города (XII – XIII вв.) / М.Л. Абрамсон // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 116 – 120.
- ⁹⁷ Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / А. Пиренн / пер. с англ., предисл. С.И. Архангельского. – Горький, 1941. – С. 28.
- ⁹⁸ Джалагания И.Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V – XIII вв. / И.Л. Джалагания. – Тбилиси, 1979.
- ⁹⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – С. 253 – 254.
- ¹⁰⁰ Еманов А.Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма / А.Г. Еманов // Византия и ее провинции. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. М.Я. Сюзюмов. – Свердловск. Востоком / В.М. Меженнин // Проблемы разложения феодализма и генезис капитализма в Европе / ред. В.М. Строгоцкий. – Горький, 1989. – С. 4 – 15.
- ¹⁰¹ Поланьи К. Торговые порты в ранних обществах / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под. общ. ред. Р.М. Нуреева; ред. Ю.В. Латов и др.; сост. Р.М. Нуреев. – М., 2006. – С. 172 – 184.
- ¹⁰² Рутенбург В.И. Генуэзский вариант итальянской синьории / В.И. Рутенбург // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI – XVII вв.) / ред. В.И. Рутенбург, И.П. Медведев. – Л., 1990. – С. 71 – 79.
- ¹⁰³ Меженнин В.М. Роль Кипра времени Лузиньянов в системе отношений между Западом и Востоком / В.М. Меженнин // Проблемы разложения феодализма и генезис капитализма в Европе / ред. В.М. Строгоцкий. – Горький, 1989. – С. 4 – 15.
- ¹⁰⁴ Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии / Т.Н. Берадзе / отв. ред. И.П. Антелава. – Тбилиси, 1989.
- ¹⁰⁵ Дорошенко В. Торговые обороты рижских купцов в конце XVII века / В. Дорошенко // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции (25 – 27 ноября 1975 г.). – Тарту, 1975. – С. 102 – 121.
- ¹⁰⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – С. 79.
- ¹⁰⁷ О роли денег в Средневековой Европе подробнее см.: Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. Очерк исторической антропологии / Ж. Ле Гофф / пер. с франц. М.Ю. Некрасова, науч. ред. А.Ю. Карачинский. – СПб., 2010. В теоретическом плане о роли денег в функционировании экономических систем см.: Хаберлер Г. Деньги и экономический цикл / Г. Хаберлер // Бум, крах и будущее. Анализ австрийской школы. – Челябинск, 2002. – С. 112 – 132.
- ¹⁰⁸ Полянский Ф.Я. Ценообразование в условиях феодализма / Ф.Я. Полянский // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 7 – 8. – С. 254 – 289.
- ¹⁰⁹ Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. – С. 58.
- ¹¹⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – С. 76.
- ¹¹¹ Орджоникидзе Э.А. Эволюция аграрных отношений в Грузии / Э.А. Орджоникидзе. – Тбилиси, 1983. – С. 29 – 40.
- ¹¹² Подробнее см.: Гасвиани Г.А. Социально-экономическая структура Сванети в XI – XVIII вв. / Г.А. Гасвиани / ред. Г. Маргиани. – Тбилиси, 1980.
- ¹¹³ Червонов С.Д. Землевладение и сословная структура кастильского города XII – XIII вв. / С.Д. Червонов // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 138 – 143.

---

¹¹⁴ Подаляк Н.Г. Изменения в социальной структуре Востока в конце XV – первой трети XVI века / Н.Г. Подаляк // *Классы и сословия средневекового общества* / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988. – С. 127 – 133.

¹¹⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. / Ф. Бродель / пер. с франц. д.и.н. Л.Е. Куббель; вступит. статья, ред. д.и.н. Ю.Н. Афанасьев. – М., 2007. – Т. 2. Игры обмена. – С. 4 – 5.

¹¹⁶ Васильев Л.С. Всеобщая история. – Т. 2. – С. 33.

¹¹⁷ Иноземцев В. К теории постэкономической общественной формации / В. Иноземцев. – М., 1995. – С. 110.

¹¹⁸ Васильев Л.С. Всеобщая история. – Т. 2. – С. 32, 33.

¹¹⁹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – С. 220.

ПЕРЕВОДЫ

Амилкар КАБРАЛ

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДОСТОИНСТВО В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ*

Автор анализирует проблемы развития колониализма, отношения между различными социальными группами, процессы размывания старых социальных традиций. Проблемы классовой борьбы, разрушение традиционных культур анализируются в статье. Автор анализирует генезис социальных и классовых противоречий. Особое внимание уделено формированию новых классов в колониальных обществах.

Ключевые слова: колониализм, угнетение, социальные классы, формирование буржуазии

Автор аналізує проблеми розвитку колоніалізму, відносини між різними соціальними групами, процеси розмивання старих соціальних традицій. Проблеми класової боротьби, руйнування традиційних культур аналізуються в статті. Автор аналізує генезу соціальних і класових суперечностей. Особлива увага надана формуванню нових класів в колоніальних суспільствах.

Ключові слова: колоніалізм, пригноблення, соціальні класи, формування буржуазії

The author analyses the problems of colonialism development, relations between different social forces, and processes of old social traditions destruction. The problems of class struggle, destruction of traditional cultures are also analyzed in the article. The author analyses genesis of social and class contradictions. The special attention is spared to new classes forming in colonial societies.

Keywords: colonialism, oppression, social classes, bourgeoisie formation

Борьба народа за национальное освобождение и независимость от власти империализма стала движущей силой прогресса для человечества и, несомненно, одной из самых характерных черт современной истории.

Объективный анализ империализма как такового или как «природного» исторического явления, или даже «необходимого» в контексте определенного пути экономико-политического развития большей части человечества — показывает, что власть империализма (вместе с его неперенными спутниками — бедностью, грабежами, преступлениями, разрушением человеческих и культурных ценностей) имеет не только негативную сторону. Преимущественное сосредоточение капитала в нескольких странах северного полушария, что стало возможным благодаря пиратству, конфискации имущества других народов и безжалостному использованию труда этих народов, привело не только

---

* Первое издание: Cabral A. *Return to the Source: Selected Speeches* / A. Cabral. — NY., 1973. — P. 57 — 69. Печатается по: Кабрал А. *Ідентичність і гідність в контексті національно-визвольної боротьби* / А. Кабрал. — (<http://vpered.wordpress.com/2012/09/20/cabral-identity-and-dignity/>) Сокращенный перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

к монополизации колоний, но и к разделу мира и укреплению власти империалистов.

В богатых странах империалистический капитал, который находится в постоянном поиске путей расширения, благодаря быстрому развитию науки, техники и технологий увеличил творческие способности человека и привел к полной трансформации средств производства. Вследствие этого ускорилась концентрация труда и подъем больших групп населения. В колонизируемых странах, где колониализм в целом блокировал исторический процесс развития покоренных народов или, быстро или медленно, уничтожал их, империалистический капитал привил тамошнему обществу новые виды отношений, что привело к усложнению социальной структуры, привело общество в движение, развязало споры и общественные конфликты; вместе с деньгами и развитием внутреннего и внешнего рынка империализм привнес в хозяйство новые элементы, способствовал появлению новых наций, созданных из групп людей или народов, которые находились на различных этапах исторического развития.

Признавать, что империалистическое господство привело к появлению в мире новых наций... признавать, что он начал новый этап развития человеческого общества, а заодно – невзирая на свои предрассудки или, возможно, благодаря ним – и новый этап дискриминации и преступлений, признавать то, что империализм сделал свой вклад в лучшее понимание человечества как подвижной целостности – еще не означает защищать империализм.

Империалистическое господство на многих континентах способствовало многосторонним и прогрессивным (иногда даже неожиданным) контактам не только между разными людьми, но также между разными обществами. Практика империалистического господства – ее утверждение или оспаривание – требовала (и все еще требует) более-менее точного знания общества, над которым осуществляется господство, а также исторической экономической, социальной, культурной действительности. Это знание неминуемо выражается в сравнении с господствующим субъектом и его собственной исторической действительностью. Такое знание – жизненная необходимость в практике империалистического господства, что ведет к противостоянию (обычно, вооруженного) между двумя идентичностями... Поиск такого знания способствовал общему обогащению знаний о человеке и человечестве, невзирая на то, что оно было односторонним, субъективным и часто неправдивым.

В действительности человек еще никогда не проявлял столько интереса к познанию других людей и других обществ, как на протяже-

нии этого века империалистического господства: было накоплено беспрецедентное количество данных, гипотез и теорий, особенно в отрасли истории, этнологии, этнографии, социологии, культуры народов и групп, что попали под власть империализма. Понятие расы, касты, этничности, племени, нации, культуры, идентичности и многие другие понятия стали предметом повышенного внимания со стороны тех, кто изучает народы и общества, которые известны как «примитивные»...

В последнее время, с подъемом освободительных движений, возникла потребность в анализе характера этих обществ в свете их борьбы, а также факторов, что способствуют началу этой борьбы или сдерживают ее. В целом исследователи солидарны, что в этом контексте особую важность имеет культура. Следовательно, можно допустить, что попытка выявить действительную роль, которую играет культура в развитии освободительного движения, может стать полезной для широкой борьбы народа против империалистического господства...

То, что движения за независимость обычно – даже на самых первых своих этапах – сопровождаются оживлением культурной активности, подсказало кое-кому из ученых мысль, что таким движениям предшествует «культурное возрождение» угнетаемого народа. Кое-кто пошел настолько далеко, что выдвинул предположение о том, что культура является одним из средств мобилизации группы, даже *оружием* в борьбе за независимость.

Опираясь на опыт нашей собственной борьбы, можно сказать, на опыт всей Африки, мы считаем, что существует узкое, даже ошибочное представление о жизненно важной роли культуры в развитии освободительного движения. По нашему мнению, такое представление стало результатом порочного обобщения, что действительно существует, в тесных границах на определенном уровне вертикальной структуры колонируемых обществ — на уровне *верхушки* или колониальных *диаспор*. В этом обобщении игнорируется чрезвычайно важная сторона вопроса: несокрушимый характер культурного сопротивления народных масс в их противостоянии иностранному господству.

Нет никаких сомнений, что империалистическое господство требует культурного угнетения и пытается – прямо или опосредствовано – уничтожить важнейшие элементы культуры угнетаемого народа. Но народ способен создать и поддерживать освободительное движение только тогда, когда он не дает своей культуре погибнуть невзирая на бесконечное и организованное подавление его культурной жизни, а

также когда он не прекращает сопротивления на уровне культуры даже после уничтожения его политически-военного сопротивления. Именно культурное сопротивление может приобрести новые формы — политической, экономической, вооруженной борьбы против иностранного господства.

За отдельными исключениями *период колониального господства* был не настолько длительным (по крайней мере, в Африке), чтобы причинить значительный вред важнейшим сторонам культуры и традициям покоренного народа или разрушить их. История империалистического господства в Африке (за исключением геноцида, расовой сегрегации и апартеида) показала, что единственным — так называемым «позитивным» — способом, к которому могла прибегнуть колониальная власть, чтобы сломить культурное сопротивление покоренного народа, была «ассимиляция». Но полный провал политики «постепенной ассимиляции» туземного населения является убедительным доказательством, с одной стороны, слабости теории ассимиляции, с другой — готовности завоеванного народа оказывать сопротивление. В португальских колониях процент ассимилируемого населения никогда не превышал 0,3% от общей численности населения (в Гвинее) — и это после 500 лет проникновения цивилизации и полвека «мира в колониях».

С другой стороны, даже в поселениях, где подавляющее большинство населения составляют туземцы, районы, подчиненные колониальной власти, и особенно районы *культурного влияния*, обычно ограниченные прибрежными полосами и несколькими узкими зонами во внутренних территориях. За пределами столицы и других городских центров влияние культуры колонизаторов было почти не ощутимо. Его можно заметить лишь на верхней ступени колониальной общественной пирамиды...

Следовательно, массы сельских районов, так же как и большое число городского населения, скажем, больше чем 99 % туземного населения пребывали за пределами или почти за пределами влияния культуры страны-колонизатора. Эта ситуация отчасти является результатом неминуемого обскурантистского характера империалистического господства, в период которого к культуре туземцев относились с презрением и всячески ее притесняли, в то же время не проявляя интереса к продвижению культуры в массы, которые воспринимались как резерв рабочей силы для принудительного труда... Эта ситуация стала результатом эффективного культурного сопротивления народа, который, когда он подпадает под политическое угнетение и становится жертвой экономического угнетения, чувству-

ет, что его собственная культура служит своеобразным бастионом в деле защиты его идентичности. В том случае, если туземное общество имеет вертикальную структуру, оборона его культурного наследия находит дополнительную поддержку в заинтересованности колониального государства в защите и поддержке культурного влияния правящих классов и их союзников.

Сказанное выше означает, что ни культура, ни традиция не испытывают заметного вреда, независимо от того, идет речь о массах в покоренной стране, или о туземных правящих классах. Угнетаемая, преследуемая, униженная, преданная отдельными социальными группами, которые пошли на компромисс с иностранной властью, культура находит опору в селе, в лесах, в духовых жертвах империалистического господства. Культура переживает все эти трудные времена и благодаря борьбе за освобождение опять расцветает. Следовательно, вопрос «возвращения к истокам» или «культурного возрождения» не встает и не может встать перед этими народными массами, поскольку они являются охранниками культуры и в то же время единственной социальной группой, способной сберечь и развить культуру, а также *творить историю*.

Следовательно, по крайней мере, в Африке при оценке роли, которую играла в развитии освободительного движения культура, следует различать положение масс, которые хранят свою культуру, и тех социальных групп, которые прошли ассимиляцию (полную или частичную) и являются отчужденными от культуры. Даже если туземная колониальная верхушка, которая появилась в ходе колонизации, все еще хранит отдельные элементы туземной культуры, она живет – как материально, так и духовно – по законам иностранной колониальной культуры. Она и дальше пытается идентифицировать себя с этой культурой как в своем общественном поведении, так и в своем отношении к ее ценностям.

На протяжении двух или трех поколений колонизации возник класс, который составляют гражданские служащие, задействованные в отраслях хозяйства, особенно в коммерции, специалисты и небольшое количество городских и сельских землевладельцев. Эта туземная мелкая буржуазия, которая возникла в результате иностранного господства и без которой система колониального угнетения не может сделать выбор и находится между трудовыми массами в городе и на селе и небольшим количеством местных представителей иностранного господствующего класса. Хотя эти мелкие буржуа и могут иметь достаточно крепкие связи с массами и традиционными вождями, они хотят образа жизни похожего – если не полностью подобного – на тот

способ, которым живет иностранное меньшинство. Вместе с ограничением своих контактов с массами они пытаются интегрироваться в это меньшинство даже ценой родственных или этнических уз и всегда ценой личностных качеств. Вместе с тем, за несколькими исключениями выходцам из мелкой буржуазии никогда не удастся преодолеть установленные системой препятствия. Они остаются заложниками культурных и социальных противоречий. Они не могут избежать своей роли маргинального класса на обочине истории...

... В основу идентификации части туземной мелкой буржуазии с народными массами положены важные предпосылки: *сталкиваясь с разрушительными действиями империалистического господства, массы сохраняют собственную идентичность*, которая отделена и отличается от идентичности, предложенной колониальной властью. Следовательно, стоит решить, при каких условиях возможно сохранение идентичности, почему, когда и на каких уровнях угнетаемого общества встает вопрос потери или отсутствия идентичности и, как следствие, в движении за независимость нужно отстаивать и защищать идентичность, отдельную и отличную от идентичности, которая предложена колониальной властью.

Утверждение или подтверждение туземной мелкой буржуазией своей идентичности, отличной от колониальной идентичности, не приведет и не может привести к возрождению чувства гордости только у этого класса. В этом контексте мы видим, что чувство гордости мелкобуржуазного класса зависит от объективного и морального чувства каждого индивида, от субъективного обращения к двум полюсам колониального конфликта, который между ними имеет место в обществе вынужденном проживать ежедневную драму колониализма. Эта драма является еще в большей степени разрушительной потому, что мелкая буржуазия, выполняя свою роль, вынуждена жить как рядом с иностранной господствующим классом, так и рядом с массами. С одной стороны, мелкая буржуазия является жертвой частого, если не ежедневного, унижения со стороны иностранцев, а с другой – она осознает ту несправедливость, которую совершают относительно масс, и знает о сопротивлении и мятежном духе масс. Отсюда очевидный парадокс колониального господства: именно туземная *мелкая буржуазия* как общественный класс, порожденный самим колониализмом, выступает с инициативой мобилизации и организации на борьбу против колониальной власти.

Аттила МЕЛЕГ

РАСИЗМ БЫЛ ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА*

В интервью венгерского экономиста Аттилы Меллега анализируются проблемы развития капитализма и империализма. Концепция, предлагаемая Аттилой Меллегом, имеет междисциплинарный характер. Автор критикует теории модернизации и авторитаризма. Особое внимание уделено перспективам применения постколониального анализа для изучения проблем современного мира.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая история, интеллектуальная история, капитализм, модернизация, зависимость, расизм, империализм, постколониальный анализ

У інтерв'ю угорського економіста Аттилі Меллега аналізуються проблеми розвитку капіталізму і імперіялізму. Концепція, запропонована Аттилою Меллегом, має міждисциплінарний характер. Автор критикує теорії модернізації і авторитаризму. Особлива увага надана перспективам застосування постколоніального аналізу для вивчення проблем сучасного світу.

Ключові слова: економічна теорія, економічна історія, інтелектуальна історія, капіталізм, модернізація, залежність, расизм, імперіялізм, постколоніальний аналіз

The problems of development of capitalism and imperialism are analyzed in the interview of Hungarian economist Attila Melleg. The conception proposed by Attila Melleg has interdisciplinary character. The author criticizes the theories of modernization and authoritarianism. The special attention is paid to the prospects of post-colonial analysis application for the studies of modern world problems.

Keywords: economic theory, economic history, intellectual history, capitalism, modernization, dependency, racism, imperialism, postcolonial analysis

Одним из важнейших понятий, которое Вы используете в анализе глобальных 50-х годов – понятие глобального расизма. Не могли бы Вы объяснить его значение?

В первую очередь речь идет о том, что расизм является глубоко укорененным глобальным феноменом. То есть нельзя сказать, что расизм присущ лишь отдельным обществам. Во-вторых, речь идет о том, что такое проявление расизма, как культурный расизм – установление отличий между разными частями света в зависимости от приписываемой им «сути» – главным образом состоит в конструировании иерархической картины мира. Определенные общества считаются прогрессивными, современными, развитыми, а другие наоборот – отсталыми, недоразвитыми. Думаю, хорошо известные установки, согласно которым страны считаются классическим случаем недоразвитого общества, история которого не была прогрессивной, развитие которого протекало задержано потому, что развиваться это общество начало позд-

---

* Публикується по: Аттила Мелег: Расизм був одним із найважливіших інститутів у процесі розвитку капіталізму. Розмовляли В. Ищенко та Д. Коркач // Спільне: журнал соціальної критики. – 2012. – № 5. – С. 65 – 69. – (<http://commons.com.ua/?p=13053>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

но, да и то неправильно, никогда не имело настоящей буржуазии и тому подобное. Но вместе с тем Восточная Европа также считается промежуточным, переходным регионом... Эта картина мира является очень старой и до сих пор не исчезла.

Почему бы нам не вспомнить понятие «Центральная Европа»? Об этом в 80-х годах Милан Кундера сказал, что Центральная Европа – это «похищенный Запад». В действительности не совсем Запад, но что-то похищено, отброшено в «Восточную Европу». Когда я впервые анализировал мнимую карту «Нью-Йорк Таймс» и прочитал лекцию о Восточной Европе в Университете Ратгерс, местные венгры освистали меня, словно я разрушаю их жизнь, ведь они стремились доказать, что Венгрия – это Центральная Европа, а не Восточная. Это является примером постоянной борьбы в рамках мнимых иерархий. Но вернемся к понятию глобального расизма. Следовательно, речь идет о глубоко укорененной иерархизации, основные принципы которой не подвержены изменениям и которые, таким образом, обретают форму расизма. Конечно, картины мира непосредственно связаны со структурами экономическими. Я не собираюсь выяснять, кто был курицей, а кто яйцом. Думаю, оба вида структур возникли параллельно. Если проследить экономические отличия между разными частями света на протяжении последних трехсот лет, то окажется, что эти отличия возросли. В XVI веке общества были значительно ближе, а на конец XIX – начало XX века уже образовалась настоящая бездна между зажиточными и малоимущими обществами. Глобальнее-расистская иерархия обществ установилась именно во время резкого расширения разрыва. Это никоим образом не является случайностью. Картины мира и экономические структуры оказываются взаимосвязанными, и именно на это следует обращать внимание, анализируя их.

Думаю, мы приблизились к теме капитализма и его связей с расизмом. По вашему мнению, каким образом капитализм действует на глобальном уровне, как он связан с расизмом?

Сразу следует указать на невероятные недоразумения в вопросе зарождения капитализма. До сих пор студентам рассказывают бессмыслицы, мол, определенные части Англии были очень развитыми, и именно там возникал капитализм. В науке имела место дискуссия о том, когда и где именно зародился капитализм, какие институты уже были капиталистическими, можно ли считать венецианских купцов капиталистами и тому подобное. Так вот, как демонстрирует современная экономическая история, Макс Вебер серьезно ошибался: капи-

тализм появился в разных частях света, в Китае и Индии он был не менее развитым, чем в Англии. Капитализм был глобальным феноменом с самого начала. Так же ошибался и Карл Маркс, по мнению которого капитализм зародился в городах, в сфере торговли, а все началось с ремесленников и торговцев, которые обменивали товары и т.д. В действительности же все было иначе, мы знаем это из современной экономической истории. В действительности, важнейшим моментом в истории зарождения капитализма были колонии. В XVII столетии в Европе родился не капитализм, а колониальный капитализм.

Колониализм до того, и колониализм после того – это совершенно различные явления. Решающим моментом – и секретом успеха европейских стран – было то, что они колонизировали мир с помощью компаний. Инициатива была на стороне компаний: они делили между собой территории, проводили поиски ресурсов, грабили местное население, занимались промышленным шпионажем. Последняя сфера деятельности была очень важной. Например, в свое время производство текстиля в Индии было технически совершеннее чем в Англии, поэтому англичане прибегли к шпионажу. Обычно, компании никогда бы не достигли таких успехов, если бы за ними не стояло государство. Сначала приходили компании, а за ними следовало государство и церковь.

Следующим важным моментом было то, что колонизация была сетевой. Европейские государства были карликами, которым удалось пленять великанов. Как можно захватить великана? С помощью сетки. Сначала вы опутываете его сеткой, а тогда уже можете и задавить его. Одним из самых грандиозных китайских мифов был миф о том, что маленькие недоразвитые европейские государства не смогут нанести Китаю вред. Такие установки оказались фатальной ошибкой. Перейдем ко второй части вопроса. Одним из важнейших институтов в таком процессе развития капитализма был расизм. Если вы покоряете другие народы, то вам приходится объяснять, откуда у вас на это право, в том числе и самим себе. Именно здесь и лежат истоки мощного «научно обоснованного» дискурса о людях и недоллюдях. И именно этот момент исключает интерпретацию в стиле «истории идей»: проблема заключается никоим образом не в том, что Карл Линней внедрил иерархическую классификацию видов живых организмов. Линней не является творцом глобального расизма, ни одному ученому это не по силам. Для этого необходимо невероятное преимущество европейских государств достигнутое с помощью колониальной системы. Расизм был интегральной частью колониальной политической экономики. Следовательно, одно неотделимо от другого: колониализма

без расизма не бывает, но так же и расизм без колониализма невозможен.

Приведу другой пример: капитализм так же презирал и европейских крестьян. На протяжении XVII столетия возник очень подобный расистский дискурс об иррациональных деревенщинах. Но в этом случае он был направлен против большинства населения стран-колонизаторов или «получивилизованных» наций – как часто смотрели на Восточную Европу... Следовательно, подобные системы неравенства появлялись в разных формах. И именно с этой точки отсчета мы должны начинать разговор о капитализме.

Вы говорили о двух факторах, которые спасли капиталистическую систему после Второй мировой войны, одним из них Вы назвали коллапс колониальных систем. Не могли бы ли Вы это объяснить?

Не совсем так. Просто, по моему мнению, более интересной темой является упадок капитализма, а не его зарождение. Глобальный капитализм вообще не является стабильной системой. Для него характерны циклические кризисы разного типа, не только кондратьевские. Это достаточно хрупкая система, даже геополитически. Как, например, поддерживать контроль над Индией? Это то, о чем говорил Ганди британским колонизаторам: «Вас сто тысяч, а нас – триста миллионов». Zenit колониального капитализма пришелся на вторую половину XIX века – период, который принято называть империализмом.

А уже Первая мировая война отмечает самую низкую точку развития колониального капитализма. По двум причинам. Во-первых речь шла об окончательном разделе колоний. Ленин вполне обоснованно указал на то, что главной причиной войны был передел колоний. Вторая причина заключалась в том, что невзирая на жестокую войну, ни одна из колониальных стран не была в состоянии одержать решающую победу. Хотя Германии и удалось приблизиться к победе, победили Англия и Франция. Что произошло после этого? Следует назвать три вещи. Все те страны, которые не были колонизируемыми, начали бурно развиваться.

Экономика таких стран, как Аргентина, начала расти очень быстро во время Первой мировой войны. И вопреки теории модернизации оказалось, что не связи с Западом, а дистанция от него является залогом развития. Вторым решающим фактором была невероятная задолженность стран-победителей, которая привела к глобальным финансовым трудностям, неизвестным до того (финансовая система ко-

лониального капитализма XIX века была сравнительно стабильной, существовал золотой стандарт, невзирая на споры между отдельными государствами на финансовых рынках все придерживались четких правил).

Великобритания и Франция надеялись договориться с Соединенными Штатами о списании долгов. Но этого не произошло. Именно поэтому Версальский мирный договор и оказался настолько катастрофическим для Германии, на которую страны-победители переписали собственные долги. Выплата контрибуций была одной из самых тяжелых проблем Веймарской республики, которых у нее и без того хватало. Вряд ли Гитлер пришел бы к власти, если бы не контрибуции. Джон Мэйнард Кейнс еще в двадцатых годах писал, что с точки зрения экономической перспективы мир в то время был невозможен. Третьим фактором был социализм. Российская Империя, почти одна десятая мировой экономики, выпала из орбиты капитализма.

Капитализм нуждался в этой территории. Кроме того, после Первой мировой, колониальная система столкнулась с проблемами, которых она до тех пор не знала – зарождение политических движений за независимость. Вначале колонизируемые народы не прибегали к активной борьбе, понадобилось определенное время, чтобы они проснулись и организовались против колониализма. Колониальные государства изобрели очень эффективные технологии контроля восстаний. Британия полностью колонизировала Индию в 1857 году, введя войска, которые придушили восстание сипаев. Но в период между мировыми войнами начались проблемы. Индусы и китайцы не были политически отсталыми народами и были уже сыты по горло колонизаторами. В Индии британская администрация прибегала даже к таким мероприятиям, как массовое тюремное заключение.

Иногда от тридцати до шестидесяти тысяч людей могли сидеть в тюрьме за политическую деятельность без всякого суда. Даже в Африке были восстания. Социализм был очень важен для многих из этих движений: Вьетнам, Китай, некоторые новые независимые африканские страны, Куба. В то же время Соединенные Штаты, которые внезапно оказались на мировой арене, вынуждены были взяться за разработку внешнеполитической концепции. США не были колониальным государством, поэтому им пришлось выдумывать что-то новое. И они придумали концепцию модернизации. Эта концепция была иерархической, в сущности, расистской теорией. Начиная с 1960-х годов, проблемы в социалистических странах начали нарастать. Это привело к «новой старой» победе капитализма. Конечно, он некогда и не проигрывал, ведь наибольшей проблемой социализма было его

включение в глобальный капитализм. Социализм не мог победить, поскольку глобальный капитализм никогда полностью не приходил в упадок.

Наряду с теорией модернизации другой популярной теорией 1950-х была теория тоталитаризма. Ваш анализ 50-х явно противоречит этой теории. Как Вы считаете, на сегодняшний день теория тоталитаризма имеет вообще какое-то научное значение?

Полностью отказываться от концепции тоталитаризма, по моему мнению, не следует. Определенным, пусть даже ограниченным, сугубо дескриптивным способом этой теории удастся описать некоторые из институциональных механизмов, с помощью которых устанавливается тотальный контроль над обществом. Проблема этой концепции в том, что она концентрируется на центральной власти и том, как она возникала в Европе, и с этой точки зрения пытается понять все другое. Следует также указать на историческую близорукость концепции тоталитаризма. Мы вынуждены признать, что колониальная система разработала соответствующие инструменты контроля еще до того, как они нашли свое применение в Советском Союзе и нацистской Германии, включая концентрационные лагеря, депортации, лишение политических прав и массовые убийства людей. В XX веке все это экспортировали в Европу.

Скандалность ситуации заключалась не в том, что нацисты изобрели такие страшные вещи, а в том, что они впервые применили их в Европе. То же касается и коммунизма. Речь идет о том, как захватывать ресурсы и собственность других людей. Смешно читать, когда утверждают, что англичане были такими развитыми потому, что у них якобы необычно развитое чувство собственности. А уже через сколько-то страниц тот же автор (Дэвид Ландес) рассказывает нам, что Британия могла отобрать всю собственность колонизируемых, но вместо этого милосердно направляла ее на развитие местной экономики (хотя это неправда). А в действительности речь идет о банальном грабеже, об изгнании людей с обжитых мест, о применении средств для достижения цели. Именно на основании такой насильственной приватизации появляется необходимость в политическом контроле.

То же касается и истории нацизма. Нацизм – это не столько какой-то особенный вид ненависти, как разновидность политической экономии. Для того чтобы выйти из трудного положения государство решило прибегнуть к грабежу, избрав для этого определенные группы людей. А идеология это уже вторичное понятие. И наконец, еще

один существенный изъян концепции тоталитаризма заключается в том, что коммунизм был не только похож на нацизм, но в то же время и очень от него отличался равно как и от колониализма. Без сомнения, социалистической идеологии были присущи определенные элементы расизма, но целью социализма было не расовое общество, а стержневым моментом оставался социальный подход к объяснению реальности. Мы знаем, что социализм отрицал частную собственность, но должны спросить себя, с какой целью и в интересах каких групп. И когда мы ставим такие вопросы, мы замечаем насколько хрупкой оказывается концепция тоталитаризма. Концепция тоталитаризма плоха тем, что она утверждает, будто одни государства являются ужасными, а другие нет. Но проблема как раз в том, что какое-нибудь государство может очутиться в трудном положении. Во-вторых, если посмотреть на историю 1950-х годов, то большинство государств прибегало к насилию в разных формах. По многим причинам это был репрессивный период.

Фактически вероятность краха глобального капитализма была высокой, и это сопровождалось истерической борьбой за ресурсы. Колонизаторы пытались сохранить свои позиции, а колонизируемое население восставало против них, пытаясь вернуть назад свою землю навсегда. Социализм так же был вовлечен в эту борьбу за ресурсы против капитализма, пытаясь продвинуть свою глобальную позицию, в том числе и военным путем. История – это не история «хороших» обществ. Чем внимательнее изучаешь историю, тем лучше понимаешь, насколько отличаются формы обществ и насколько отличными друг от друга могут быть формы насилия. Поэтому важным является не отказ от концепции тоталитаризма, а придирчивый компаративный анализ, который помогает понять нашу современность, понять то общество, в котором мы живем сегодня. Приведу один пример. Капиталистическое государство прибегает к чрезвычайному насилию, когда появляется угроза частной собственности правящего класса. А что делает социалистическое государство? Оно владеет капиталом, собственностью – как оно их защищает.

Говоря о расистских аспектах социализма, Вы заметили, что одна из причин поражения социализма заключалась в том, что он так и не стал глобальным проектом, в сущности так и оставшись европоцентричным.

Это действительно так. Когда в странах Третьего мира в 1940 – 1950-х гг. начали побеждать социалистические движения, советское руководство невероятно удивилось потому, что оно не понимало, как

может быть, что, скажем, китайские крестьяне становятся во главе коммунистического движения, берут в руки оружие, борются, побеждают. Это противоречило марксистской концепции – революцию должен был делать городской рабочий класс. Но в странах Третьего мира такого рабочего класса не было. На Кубе, например, были сахарные плантации, были крестьяне на грани выживания, были интеллектуалы. Советскому руководству такая комбинация принесла немало хлопот. Взгляните на Кубу. Советское руководство соглашалось признавать ее лишь настолько, насколько удавалось контролировать ее в идеологическом плане и интегрировать экономически в социалистический блок. Советский Союз очень долгое время вообще не обращал внимание на проблему колониализма. Да, в самом начале об этом еще шла речь. В первой советской конституции 1924 года власть провозглашала себя фронтом освобождения всех поработанных народов. Но уже в сталинской конституции об этом ни слова. Следовательно, эта тема надолго отошла на задний план, и ничего хорошего в этом не было. Взгляды Советского Союза были обращены на Запад, который он стремились «догнать и перегнать». Хотели показать, что вот, смотрите, мы можем жить лучше и тому подобное. Но в действительности все эти гонки были бессмысленными. Знаете, как-то один мой приятель сетовал: «Как нам не посчастливилось, мы живем в полупериферии». Я ему на это: «А меня полупериферия полностью устраивает. Главное обустроиться так, чтобы всем нам жилось в этом обществе комфортно». А вот Союз упрямо пытался догнать Запад. Здесь следует вспомнить и советскую пропаганду, которая рассказывала людям, как страшно страдает немецкий рабочий класс и тому подобные вещи, хотя в действительности всем было понятно, что немецкий рабочий класс не очень-то страдает. Эта же пропаганда говорила людям, что вскоре мы достигнем, хотя никаких достижений так и не следовало. Все это и привело к коллапсу социалистической системы. К сожалению, социализм руководствовался европоцентричным марксистским пониманием глобальной истории. В этом и заключалась фатальная ошибка.

Говоря о приходе Гитлера к власти, Вы вспомнили, что истребление евреев было мотивировано экономическим расчетом. Не могли бы ли Вы остановиться на этом детальнее и заодно объяснить, к какой мере экономические мотивы объясняют истребление нацистами других этносов?

Для самих нацистов все было просто. Они были расистами. Это как в венгерской шутке: нельзя назвать их расистами, потому что они

ненавидели всех в одинаковой степени. Они ненавидели евреев, коммунистов, цыган, гомосексуалистов и т.д. А еще они презирали демократические права. Но это еще не все. Когда Гитлер пришел к власти, то он понимал, что для выхода из кризиса нужно начинать делать что-то для людей. Начали создавать разные социальные программы. Но нацистское правительство прекрасно понимало, что в долгосрочной перспективе финансировать их не выйдет. Хотя Гитлер и отказался выплачивать контрибуцию Франции и Великобритании, денег все равно не хватало. Главным экономическим мотивом стал колониализм: осуществлять экспансию и финансировать себя за счет колоний. Нацисты вели себя как банда, причем банда молодая и неопытная. Поэтому они и делали все эти страшные вещи... они отобрали собственность у евреев – у всех тех, кого от Греции до Франции по тем или другим причинам можно было считать евреями. Местные правительства тоже активно сотрудничали с ними потому, что тактикой немцев был шантаж: немцы требовали слишком высокую плату за свои войска. Тогда немцы решили помочь: мол, мы провели подсчеты и увидели что в определенных регионах слишком мало ресурсов, поэтому давайте очистим их от людей. И с кого начнем? Конечно, из евреев!

Давайте вернемся к отношениям расизма и колониализма. Какие, по вашему мнению, изменения произошли в расизме после падения колониальной системы?

Это не простой вопрос. Существуют разные виды расизма. Конечно, расизм времени колониализма изменился, ведь существенно сузилось пространство для маневра. Но расистский дискурс и культурные стереотипы не исчезли. И здесь речь идет не только о взглядах крайне правых. В действительности, либеральный дискурс питается теми же стереотипами. Расизм – это не взгляды каких-то там политических маргиналов, это краеугольный камень этой системы. Геокультурные стереотипы и иерархическое понимание трансформировались, но они не исчезли. Посмотрите, как широко пользуются расистскими предубеждениями во время наступления на социальное государство, когда начинают рассказывать, что иммигранты ленивые и только и хотят паразитировать на нашей социальной системе и тому подобное. Борьба против расизма своей актуальности никоим образом не потеряла.

Обычно, коллапс колониальной системы и основание Евросоюза не принято связывать. Но не видите ли Вы здесь определенной связи?

Да, обычно эти явления не связывают. В действительности, уже немало написано о том, что Евросоюз является попыткой урегулировать пост-колониальное положение, и с этим тяжело не согласиться. Внезапно европейские нации поняли, насколько они крохотны. Внутренний валовой продукт Великобритании составлял 6% мирового ВВП, а ВВП Соединенных Штатов составлял 25%. Поэтому европейцы столкнулись с альтернативой: либо плыть в фарватере США, либо объединиться для того, чтобы удержать позиции. Кроме того, европейцы хотели еще и сберечь колонии, интегрировав их в пространство «европейской кооперации». В канун подписания Римского договора французская сторона настояла на том, чтобы Германия финансировала фонды, предусмотренные для интеграции французских колоний. И немцы согласились! Так что действительно, ЕС – достойный объект для постколониальных штудий. А вот в восточноевропейской академической среде этого вообще не понимают. Критика слева должна быть чрезвычайно меткой, иначе наступление правых не остановить. Демонизировать правых не следует, в конечном итоге, они такие же люди, как и все другие. Страшными являются их идеи, по крайней мере, некоторые из них. Я даже признаю, что некоторые элементы их критики являются достойными внимания, но, вместе с тем, правые придерживаются идей, которые являются просто нечеловеческими. Взгляните на мою страну! Это должно быть предостережением для всех. В Венгрии цыган сегодня убивают прямо на улице, доходит до линчевания. Во времена социалистической системы Венгрию иронически величали самым «комфортабельным баракком ГУЛАГа», впоследствии нас прозвали «наилучшим учеником Запада», а сегодня мы просто превращаемся в одну из самых отвратительных стран мира. Случай Венгрии является наилучшим свидетельством о том, насколько актуальной является проблема расизма. Сегодня его политическая экономия нуждается в осмыслении как никогда.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ

Максим КИРЧАНОВ

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

Индустриализация относится к числу важнейших процессов в экономической истории. Индустриализация содействовала переходу от традиционных форм экономики к современным. Индустриализация развивалась неравномерно. Национальные модели индустриализации характеризуются значительными особенностями. Автор полагает, что индустриализация – не только часть экономической истории, но и составной процесс развития переходных экономик. Процесс индустриализации в странах «третьего мира», зависимых и периферийных государствах фактически совпал с переходом к рынку от традиционных форм экономической организации.

Ключевые слова: индустриализация, экономическое развитие, экономические переходы

Industrialization belongs to the number of major processes in economic history. Industrialization assisted to transition from the traditional forms of economy to modern ones. Industrialization developed unevenly. The national models of industrialization are characterized by considerable features. The author supposes that industrialization is not only part of economic history but also component process of transitional economies development. Process of industrialization in the countries of the «third world», dependent and peripheral states coincided with transition to the market economy from traditional forms of economic organization.

Keywords: industrialization, economic development, economic transitions

Індустріалізація належить до числа найважливіших процесів в економічній історії. Індустріалізація сприяла переходу від традиційних форм економіки до сучасних. Індустріалізація розвивалася нерівномірно. Національні моделі індустріалізації характеризуються значними особливостями. Автор вважає, що індустріалізація – не тільки частина економічної історії, але і складовий процес розвитку перехідних економік. Процес індустріалізації в країнах «третього світу», залежних і периферійних державах фактично співпав з переходом до ринку від традиційних форм економічної організації.

Ключові слова: індустріалізація, економічний розвиток, економічні переходи

Переходные экономики практически всегда развиваются процессуально. Основу экономических изменений в условиях перехода от одной экономической системы к другой составляют те или иные процессы, связанные, например, с ослаблением традиционного общества, его разрушение, постепенным размыванием старых социальных и экономических институтов. Нередко подобные процессы, которые имеют место в развивающихся экономикой, получают общее определение «модернизации»¹. Подобные трансформации нередко могут иметь модернизационное содержание, способствуя радикальной смене экономических отношений, исчезновению старых и появлению новых институтов и акторов в рамках той или иной экономики. Одним из подобных процессов, который радикально изменил облик европейской экономики, стала индустриализация. Индустриализация не отно-

сится к числу явлений исключительно капиталистической модели развития. Те или иные формы индустриализации практиковались и в рамках административно-хозяйственной системы.

Процессы индустриализации могут протекать и в условиях перехода той или иной экономики к рынку. Правда, стартовые условия подобного перехода различны, завися как от региона, так и от исторической эпохи: индустриализация в ее наиболее ранних формах могла начинаться в условиях генезиса капитализма, т.е. на этапе возникновения рынка и рыночной экономики в принципе. Индустриализация может стать процессом параллельным становлению рынка и в том случае, если то или иное общество пребывает в состоянии перехода от традиционной экономики к капиталистической, что, например, было характерно для ряда стран Азии и Востока. В подобной ситуации, феномен индустриализации является многогранным и многоуровневым, хотя по формальным признакам процессы индустриализации как на Западе, так и в России, как в Южной Америке, так и на Востоке имели немало общих черт, связанным в первую очередь с социально-политическими ожиданиями от позитивного эффекта и положительного влияния индустриализации на экономический рост в частности и ту или иную национальную экономику в целом.

Практически во всех регионах, которые пережили процесс индустриализации, она вела к радикальным переменам в культурном и символическом ландшафте города, уничтожая функцию города как религиозного или культурно-политического центра, наделяя его атрибутами экономического центра. Индустриализация вела и к социальным переменам, отмиранию целого ряда социальных групп и, как следствие, большей унификации общества. Индустриализация породила и новую политическую силу – рабочий класс, что привело к постепенной политизации общества, возникновению новых партий, которые нередко отличались экстремистским характером, активно оперируя как правыми, так и левыми политическими лозунгами. В этом отношении индустриализация была процессом не только исключительно экономическим. Политическая компонента индустриализации не вызывает сомнений, хотя сам процесс индустриализации нередко интерпретируется в категориях преимущественно экономической науки.

Единой дефиниции процесса «индустриализации» в научной – экономической, политологической, исторической – литературе не разработано. В советской экономической теории в отношении развивающихся стран понимался процесс «широкого внедрения современной технологии в экономику отсталой страны, перевод на промышленную

основу всех ее отраслей, включая сельское хозяйство, технико-экономическая реконструкция всего хозяйства в интересах прогрессивного развития»². Советский экономист Н.П. Шмелев³ предлагал максимально широкую дефиницию, полагая, что под индустриализацией возможно понимать процесс развития экономики в целом. Подобная дефиниция фактически может восприниматься как советская модификация западных теорий модернизации. В отличие от западной политологии, основанной на концепции вестернизации, советские версии теории модернизации были основаны на принятии идеи о таком же прогрессивном воздействии на развивающиеся страны другого, советского, условного Запада. Под индустриализацией можно понимать «фазу экономического развития, при которой имеет место перемещение капитала и трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, в первую очередь – обрабатывающую»⁴. Социологическое понимание индустриализации сводит процесс к социальным трансформациям⁵, формированию новых типов отношений, которые отличны от тех, что доминируют в традиционном аграрном обществе⁶. Другие авторы склонны акцентировать внимание на процессуальной компоненте и временной пролонгации индустриализации как составной части процессов развития и модернизации. Именно поэтому индустриализация может рассматриваться как «развитие промышленности» как основное направление «стратегии развития»⁷.

Хронологические границы, а также сами формы протекания процессов протоиндустриализации и индустриализации в различных регионах мира являются дискуссионными: если в одних странах процесс индустриализации (или точнее – протоиндустриализации⁸) начинался относительно рано, то другие присоединились к нему только во второй половине XX века⁹. Некоторые современные российские экономисты (Н.П. Кузнецова, С.Г. Митин¹⁰) полагают, что в своей классической форме индустриализация протекала с 1750 по 1914 год, став «индустриализацией евроамериканского типа». Помимо классической модели индустриализации возможно выделение и переходной ее версии, которая была реализована в Германии¹¹, России¹² и Японии. В других странах Европы – в Словении¹³, Чехии¹⁴, Польше¹⁵, Венгрии¹⁶, Латвии¹⁷, Литве¹⁸, Эстонии¹⁹ – которые в различной степени могут претендовать на статус внутренних или внешних периферий (если признать подвижность границ Европы в культурном плане), процесс индустриализации протекал не только медленно, но и дискретно. Негативная политическая динамика, утрата независимости содействовали и перифериизации экономик, которые ранее могли пребывать примерно на одном уровне с экономиками стран Запада. Такие регио-

ны не относились к числу лидеров роста, а сами темпы индустриализации как составной части процесса модернизации были в значительной степени замедлены доминированием преимущественно аграрной экономики, традиционных политических институтов и существованием неполных социальных структур.

Российская версия индустриализации характеризуется значительной спецификой²⁰, связанной с ее поздним характером, общей интегрированностью в процесс становления капиталистических отношений в преимущественной аграрной экономике, в то время как в странах Запада имел место процесс деаграризации на два – три столетия раньше, чем в Российской Империи. Испанский социолог Мануэль Кастельс для описания советской версии процесса предлагает термин «советский вариант индустриализма»²¹. Российскими авторами подчеркивается, что именно индустриализация содействовала установлению в Советской России «государственного социализма»²², то есть административно-командной экономической системы. Вероятно, процесс индустриализации в России / СССР²³ носил дискретный характер, будучи отягощенным спецификой развития российских городов, которые и на протяжении XIX века продолжали иметь преимущественно политическое, административное и религиозное значение²⁴ в то время, как экономическая компонента была актуализирована значительно позднее – в XX веке, в условиях форсированной авторитарной модели индустриализации. Особую роль в индустриализации сыграл и авторитарный эксперимент форсированной проводимой сверху индустриализации. В целом доминирование традиционного общества, основанного на аграрной модели экономики, незначительный (по сравнению с Западом) уровень урбанизации российского пространства существенно содействовали замедленным темпам индустриализации. В России подобные тенденции начали проявляться относительно поздно, в середине XIX века. Кроме этого процесс индустриализации оказался чрезвычайно растянутым в хронологической перспективе, отличаясь также значительными особенностями и на региональном уровне.

По мнению ряда современных российских экономистов (Н.С. Бабинцева, М.М. Литвяков, О.С. Савкевич²⁵) индустриализация, определяемая ими как «период смены моделей экономической системы» и включающая в себя несколько процессов (начало использования коммерческой энергии, превращение капитала в решающий фактор производства, изменения в процессе разделения труда, появление рынка труда и капитала), не является исключительно достоянием истории – те или иные формы и элементы индустриализации имели место и на протяжении XX века, что дает возможность констатировать «перма-

нентный процесс индустриализации», развивающийся на «глобальном уровне». Подобная интернационализация индустриализации привела к тому, что в рамках этого процесса исторически сложилось несколько путей его реализации – классический (характерный для развитых стран Запада, где индустриализация исторически и началась), социалистический («институционально экстремальный», связанный с многочисленными искажениями первоначальной модели), замедленный (реализованный преимущественно в бывших европейских колониях). Остаточные явления индустриализации в рамках подобной интерпретации связаны не только с развитием промышленности – новейшая индустриализация в развивающихся странах, например, может проявляться в индустриализации сельского хозяйства.

Дискуссионной является проблема генезиса индустриализации. В научной литературе предлагается ряд концепций исторических и политических предпосылок, культурных и экономических условий процесса индустриализации. Зарубежные исследователи²⁶ нередко связывают начало индустриализации с трансформацией феодализма (в рамках которого исторически были заложены предпосылки для перехода на качественно новый этап развития), отечественные авторы указывали на особую роль торгового фактора²⁷ в создании условий для индустриализации. Среди доминирующих интерпретаций генезиса индустриализации – теория протоиндустриализации (или по Фернану Броделю – «предпромышленности»²⁸), согласно которой индустриализации предшествовал период «расширения мелкого ручного производства»²⁹, о чем, в частности, писали и советские историки, начиная с конца 1920-х годов³⁰. Аналогичная точка зрения неоднократно высказывалась и французскими историками. Фернан Бродель, правда, весьма смело, датировал своеобразную протоиндустриализацию Запада XI – XIII веками³¹.

При этом в американской экономической науке встречаются и другие интерпретации процесса модернизации не как общеевропейского, но как преимущественно регионального явления. В связи с этим Рондо Камерон подчеркивает, что «индустриализация была главным образом региональным феноменом», а территории, который стали центрами индустриализационного процесса «находились в границах одной страны»³². Часть авторов, в принципе принимая и разделяя теорию протоиндустриализации, склонна связывать генезис индустриализации с процессами «товаризации сельского хозяйства»³³. Классической страной товаризации аграрного сектора признается Англия, где наиболее динамично шел процесс «интенсификации сельского хозяйства», что привело к аграрному перенаселению, урбаниза-

ции и появлению первых мануфактур. Альтернативная точка зрения представлена попытками связать истоки индустриализации с развитием протоиндустрии – «высокоразвитого мануфактурного производства» и «досовременного экономического роста»³⁴.

Дискуссионной следует признать и проблему соотношения индустриализации с сосуществованием институтов, которые в большей степени характерны для традиционных экономических систем. Среди таких институтов – рабство. В Новой Истории Запада существовало, по меньшей мере, две экономические системы, основанные на рабстве – США³⁵ и Бразильская империя. Существование рабства в США и Бразильской империи не дает нам никаких оснований рассматривать эти страны как примитивные и рабовладельческие. Экономический опыт США и Бразилии свидетельствует о том, что рабство могло быть экономическим институтом, интегрированным в капитализм³⁶, хотя бразильскими экономистами высказывались и другие точки зрения. Например, И. Ранжел полагал, что «хозяин рабов в Бразилии был одновременно господином в римском значении, торговцем в голландском стиле XVII века и промышленником в английском значении XVIII и XIX столетий»³⁷. В этом контексте рабство могло играть роль некоего интегрирующего экономического института, который использовал как потенциал традиционной экономики, основанной на внеэкономическом мотивировании и принудительной эксплуатации, так и экономическую мотивацию, связанную с капитализмом. При этом первое было характерно для угнетаемых, второе – для представителей господствующих политических классов и социальных групп.

Экономическая и политическая динамика XIX века, начавший процесс постепенной глобализации экономики содействовал постепенной интеграции американской и бразильской экономики в мировую, несмотря на то, что в их основе лежало рабство. С другой стороны, американское и бразильское рабство в значительной степени были отличны от античного и, тем более, восточного рабства. Рабство в США и Бразилии уже не существовали в условиях доминирования натурального хозяйства. Институт рабства в этих странах фактически был одним из элементов не только капиталистической системы, но системы, в основе которой лежал развивающийся рынок. Кроме этого, американский (и в несколько меньшей степени бразильский) рынок был рынком страны, переживавшей индустриализацию или, как в Бразилии, протоиндустриализацию. Таким образом, следует выделять и в некоторой степени атипичные индустриализации, которые использовали ресурсы, полученные в результате существования традиционных экономических институтов.

Процесс индустриализации в разных странах имел различное содержание³⁸. Часть российских экономистов полагает, что особую роль в социально-экономической составляющей индустриализации играли процессы, связанные именно с ликвидацией разного рода традиционных отношений, которые до этого доминировали в средневековых экономиках³⁹. По мнению ряда немецких историков экономики⁴⁰, индустриализация в Германии⁴¹, которой предшествовал период развития промышленного производства⁴², включала в себя ряд процессов, а именно: структурные изменения в экономике, строительство железных дорог, развитие горной, металлургической и химической промышленности. Самым важным сегментом индустриализации было именно строительство железных дорог, так как оно влекло за собой изменения и рост в других отраслях экономики. Спецификой немецкой индустриализации было и то, что она протекала в условиях политической фрагментации, отсутствия единого германского государства – в подобной ситуации даже появление на политической карте Европы в начале 1870-х годов Рейха не означало преодоления экономического партикуляризма.

С другой стороны, индустриализация могла, наоборот, содействовать консервации и укреплению традиционных отношений, что было характерно для периферийных экономик бывших колоний (в частности – Латинской Америки⁴³), где процессы индустриализации не содействовали экономическому росту страны, но способствовали институционализации ее зависимости⁴⁴ от более развитых стран, в частности – европейских или североамериканских. Поэтому, некоторыми авторами высказывается предположение, что индустриализация в Латинской Америке оказалась незавершенной⁴⁵. Эта незавершенность была связана со спецификой экономической политики правящих элит, которая не отличалась последовательностью, а базировалась на «защите установленного государством несправедливого *status quo*»⁴⁶, т.е. на искусственном поддержании ранее сложившейся ситуации. Столь противоречивые последствия индустриализации были связаны со сложной гетерогенной структурой населения в Латинской Америке, одновременным сосуществованием традиционных (например, общины⁴⁷) и современных институтов, которые нередко имели не только различные социально-экономические, но и культурные основания. В подобной ситуации индустриализация протекала в чрезвычайно неблагоприятных условиях существования гетерогенного общества, основанного на параллельном сосуществовании и софункционировании различных социальных и экономических институтов.

Индустриализация в регионе Латинской Америки, под которой чилийский экономист А.Б. Кортес понимал процесс замещения досовременных форм промышленности «фабрично-заводской промышленностью», становящейся «основной формой развития латиноамериканской экономики»⁴⁸, существенно осложнялась доминированием периферийной модели капитализма⁴⁹, отличительными характеристиками которой стали неспособность правящих элит выработать собственные концепции развития, тенденции к локализации экономики⁵⁰. Другими факторами, существенно влиявшими на процесс, следует признать общую «пестроту» рынка⁵¹, гетерогенность экономических акторов, одновременное сосуществование как традиционных участников рынка, так и агентов, порожденных процессами развития капитализма. Кроме этого для латиноамериканских обществ на протяжении длительного времени была характерна размытость границ между различными видами деятельности, между домашним хозяйством и коммерческой деятельностью⁵², низкий уровень развития связей с внешним миром периферийных регионов, имитация западной или американской модели, наличие экономической зависимости от внешних центров, сосуществованием традиционных и капиталистических отношений, неодновременное и разнонаправленное возникновения современных (рыночных) институтов.

Процесс индустриализации и последующего развития промышленности в Аргентине⁵³ был связан с непосредственным государственным участием, эффективность которого на разных этапах новейшей экономической истории страны была крайне разнообразной. Государство не только создавало условия для направляемого и поддерживаемого сверху экономического роста, но и содействовало появлению значительного числа диспропорций, которые в особенной степени стали заметны в результате политического кризиса, вызванного поражением Аргентины в конфликте с Великобританией⁵⁴, который обнажил противоречия и диспропорции в развитии экономики. Фактор зависимости вынуждал политические элиты в латиноамериканских государствах (например, в той же Аргентине⁵⁵) использовать и сочетать разные модели политики индустриализации, используя опыт как импортодополняющей, так и импортозамещающей индустриализации.

Значительными особенностями характеризуется процесс индустриализации в Бразилии⁵⁶. Индустриализация в этой стране была отягощена политическими противоречиями, тенденциями к регионализации⁵⁷, зависимостью⁵⁸ от внешних центров силы и даже, по Р. Факу, пережитками феодализма⁵⁹, замедленными темпами, связанными с со-

циальными трансформациями (например, пролетариата⁶⁰, который относился к числу качественно новых групп в структуре общества, призванных обеспечивать воспроизводство капиталистической модели экономики), поздним началом, преимущественной ориентацией на внешние рынки⁶¹ и зависимостью от них, а также гетерогенной структурой национальной экономики, одновременным и параллельным сосуществованием как традиционных (преимущественно сельскохозяйственных отношений, в значительной степени отягощенных аграрным вопросом и социальными проблемами), так и капиталистических институтов и отношений. Это привело, с одной стороны, к значительным деформациям и диспропорциям в процессе индустриализации, к установлению экономики монокультуры, институционализации зависимости от внешних экономических центров. С другой, в XX веке Бразилия получила опыт развития в рамках авторитарных режимов, которые, наоборот, в качестве своей стратегической задачи были склонны видеть преодоление тех негативных характеристик, о которых речь шла выше. В результате стране пережила направляемую элитами индустриализацию, что, впрочем, содействовало не только экономическому росту, сокращению уровня зависимости, но и формированию новых экономических диспропорций, отягощенных наличием значительного числа нерешенных социальных проблем.

В таких случаях индустриализация носила неравномерный характер, содействуя формированию экономики, ориентированной почти исключительно на внешний рынок. В ряде случаев индустриализация могла проводиться авторитарными, недемократическими режимами⁶², а ее результаты оказываться чрезвычайно противоречивыми: авторитарный режим мог обеспечивать не только экономический рост, но появление новых отраслей промышленности. В таких случаях процесс индустриализации неизбежно приводил к появлению чрезвычайно гипертрофированно развитого государственного сектора⁶³, который не только мог обеспечивать экономический рост (или его видимость для официальной статистики), но и мог быть экономически нерентабельным⁶⁴, слабоконкурентным с частными предприятиями, чем содействовал появлению большого числа диспропорций. Подобный, авторитарный, сценарий был, например, реализован в Ливии⁶⁵, где в период правления М. Каддафи имело место активно государственное вмешательство⁶⁶, а ставка в целом была сделана на нефтедобывающую промышленность. Поэтому индустриализация имела вспомогательное, обслуживающее значение, что привело к утверждению экономики монокультуры.

Процесс индустриализации осложнялся в Юго-Восточной Азии доминированием и ведущей ролью статичных и слабо подверженных переменам и изменениям, даже несмотря на государственное вмешательство⁶⁷, аграрных секторов в экономике, замедленными темпами трансформаций сельскохозяйственной сферы⁶⁸, низким ростом городского населения, продолжительным сохранением натурального характера хозяйства, а также преобладанием «низших форм производства»⁶⁹ – традиционных низовых экономик на уровне города, которые продолжали традиции городского ремесла, ориентированного в большей степени на традиционные рынки и традиционные формы потребления, а не на рынок как универсальный институт экономически мотивированного перераспределения в западном понимании этого явления. Важным фактором в развитии процессов индустриализации в развивающихся странах стала урбанизация⁷⁰, которая стимулировала миграционные потоки, содействуя оттоку населения из аграрных, преимущественно традиционных регионов, в города, где доминировали новые, привнесенные с Запада, экономические отношения, связанные с утверждением, в зависимости от политической ситуации, капиталистической или социалистической модели развития. Подобные процессы индустриализации имели место в Индонезии⁷¹, которая к моменту получения политической независимости являлась преимущественно аграрной страной. Именно аграрный характер экономики, а также значительная степень регионализации содействовали замедленным темпам индустриализации.

Процессы индустриализации (например, в Индии⁷²) могут в значительной степени осложняться доминированием в преимущественно аграрном обществе традиционных отношений и институтов, связанных с фрагментацией общества, основанной не на социально-экономических отличиях, а на характеристиках (например, кастовых различиях⁷³), приписываемых силой традиции; постколониальным статусом, искусственным переносом западных экономических институтов в незападные (например, в малайзийскую⁷⁴) политические и экономические системы. Ситуации в подобных странах могут быть и более сложными, если местные элиты вынуждены контактировать не только с бывшей метрополией, но и условно третьими акторами (этническими экономическими группами), контролирующими некоторые отрасли экономики, которая недавно была колониальной, но не успела стать национальной.

Иначе развивались процессы индустриализации на Востоке и в Азии, которые привели к появлению, по определению советских экономистов, «новоиндустриальных стран»⁷⁵. Советскими исследовате-

лями в рамках процессов индустриализации в Азии, как правило, выделялось несколько этапов. По мнению В.Д. Андрианова⁷⁶, следует выделять три этапа. Первый этап датируется серединой – концом 1950-х годов. На данном этапе индустриализация, как правило, носила импортозамещающий характер. Второй этап датируется 1960-ми годами и связан с попытками структурной перестройки экономик. Этот процесс содействовал появлению в развивающихся странах новых отраслей, которые обеспечивают их экономическую специализацию. Третий этап, начавшийся в 1970-е годы, отмечен сменой акцентов в индустриальной политике и переносом основного внимания на наукоемкие отрасли.

Процесс индустриализации в Азии был связан с процессами изменения в соотношении рабочей силы «между сельским хозяйством и несельскохозяйственными отраслями»⁷⁷. Процессы индустриализации замедлялись отсутствием политического опыта. Кроме этого особую роль сыграла и политика переноса европейских экономических институтов в неевропейские экономики (например, Филиппин⁷⁸), которые, в свою очередь, были отягощены наличием значительного числа маргинального населения (утратившего связи со своими преимущественно традиционными сообществами), размыванием традиционных форм экономической активности (например, ремесла, которое оказывалось не в состоянии конкурировать с промышленным производством, привнесенном с Запада), а также миграционными процессами, связанными с миграциями населения как внутри страны, так и миграцией иностранцев, например – китайцев, которые приносили свои замкнутые экономические традиции, почти не интегрировались в местные общества, что не только делало их более гетерогенными, но и создавала условия для дестабилизации.

Индустриализация осложнялась, точнее – развивалась более медленными темпами, чем на Западе, в связи с поздним формированием пролетариата⁷⁹, с доминированием аграрной периферии, чрезвычайно пролонгированной урбанизацией, гетерогенной структурой восточных обществ, особенно – населения города, в составе которого положение средних слоев⁸⁰ было нестабильно, а сама эта социальная категория могла отличаться значительной гетерогенностью. Кроме этого в населении восточного города выделялись маргинальные или полумаргинальные группы, низшие городские слои⁸¹, обозначаемые в советском востоковедении как «нефабричный пролетариат»⁸². Последний нередко мог оказываться носителем традиционных идентичностей, чье мировоззрение могло не совпадать с модернизационными курсами политических элит, реализуемых с широким использованием западного

экономического опыта, в том числе – и в виде простой трансплантации западных экономических институтов на почву восточных стран, что в еще большей степени содействовало маргинализации групп, еще не ставших пролетариатом в западном понимании этого термина.

Сосуществование различных секторов в экономике развивающихся стран свидетельствует о значительной роли традиционных институтов, связанных в первую очередь преимущественно с аграрной периферией. Наряду с традиционными институтами особую роль играли и институты, возникшие в результате своеобразной трансплантации с Запада. Таким институтом следует признать монополии⁸³, которые в ряде стран Азии возникли в результате принудительной модернизации (обязательным элементом которой была индустриализация), проводимой именно по западному образцу. Поэтому индустриализация в Азии стала элементом процессов модернизации, а ее протекание было маловероятно без участия государства и формирования государственного сектора в экономике⁸⁴ по той причине, что в значительной части восточных государств на момент получения или восстановления независимости национальная буржуазия была слаба, а роль коллективной буржуазии вынуждено играло государство, нередко построенное в соответствии с политическими традициями и нормами бывших колонизаторов.

В индустриализации стран Востока и Азии особую роль играло государство, что в ряде случаев оценивалось крайне негативно европейскими авторами. В частности российский публицист и японовед В. Мендрин и вовсе утверждал, что политика японских элит, которые активно использовали западный опыт, является неправильной и порочной, так как Япония, по его мнению, «уродовала европейскую культуру»⁸⁵. Подобное мнение, вероятно, следует интерпретировать как маргинальное, лишенное научных оснований и вызванное политическими предпочтениями В. Мендрина. С одной стороны, в исторической перспективе концепция, предложенная В. Мендриным, оказалась неверной в силу того, что она отрицала экономический и политический потенциал азиатских государств. С другой, экономический опыт Японии в XX веке продемонстрировал ошибочность интерпретаций В. Мендрина.

Значительной спецификой обладал процесс индустриализации в тех странах, которые обладали значительной государственной традицией. Индустриализация в странах Востока и Азии была маловероятна без государственного участия. Поэтому в ходе государственного участия в процесс оказалась вовлечена бюрократия⁸⁶. Это привело не только к появлению специфических особенностей, но и к сращиванию

экономических и политических элит, что определило в дальнейшем (или уже на этапе индустриализации) появления значительных диспропорций. В начале 1980-х годов советская исследовательница Н.С. Бабинцева⁸⁷ использовала термин «госуклад» для описания той ситуации, которая складывалась в результате индустриализации развивающихся стран, ведущую роль в которой играло государство. В подобной ситуации политические элиты (в независимости от идеологической ориентации) были вынуждены формировать принципиально новые принципы экономической политики, которая учитывала бы местную специфику. Поэтому, нередко универсальной формой политики государства в отношении индустриализации могло быть планирование. Среди стран, которые в XX веке пережили процесс индустриализации, выделяется Сирия⁸⁸. Развитие Сирии, в отличие от других стран, характеризовалось не только более значительным уровнем урбанизации⁸⁹, но и попытками правящих элит использовать политику этатизма (по определению советского исследователя В.В. Вавилова, «сформулировать новую политику индустриализации»⁹⁰) для формирования темпов индустриализации. Сирийский город играл роль не только религиозного и политического, но и экономического центра. Поэтому, попытки проведения политики индустриализации авторитарным политическим режимом в Сирии (активно применявшем государственное вмешательство и практиковавшим политику этатизма⁹¹) во второй половине XX века имели, в отличие, например, от африканских стран⁹², экономические предпосылки. В подобной ситуации индустриализация в Сирии, которая началась во второй половине XX века, имела, в отличие от некоторых других арабских стран (Тунис, Марокко⁹³), экономические основания, а не была искусственной трансплантацией западных экономических институтов на восточную почву, что, например, крайне неудачно пытались делать политические элиты в Ливии⁹⁴ накануне свержения монархии.

Ряд государств Востока столкнулся со значительными трудностями в процессе индустриализации. Среди таких государств – Афганистан⁹⁵ – который в период Средних Веков⁹⁶ развивался более медленно чем соседние страны, представляя собой совокупность слабо связанных между собой племенных территорий, основанных на доминировании исключительно традиционных отношений. На протяжении XIX – XX веков (и на современном этапе) является преимущественно аграрной страной⁹⁷, сохраняющей гетерогенную, но в значительной степени традиционную структуру населения, хотя советские исследователи и пытались найти в афганской экономике не только «развитие отдельных отраслей сельскохозяйственного и ремесленного производ-

ства», «специализацию в занятиях населения», «рост производительных сил»⁹⁸, но и элементы одновременного роста «товарного сектора сельского хозяйства» и «роста феодально-помещичьего землевладения»⁹⁹, разложения «феодализма», «первоначального накопления», «феодально-клерикальной реакции», но даже товарное производство и экономическую специализацию отдельных регионов¹⁰⁰, то есть зачатки «капитализма». Экономическая трансформация Афганистана в значительной степени была осложнена и отягощена региональным фактором¹⁰¹, территориальной гетерогенной структурой страны, которая была регионализированным государством, в структуре которого выделялись не только этноязыковые регионы, но и регионы-экономики, основанные на доминировании различных монокультур, которые составляли основу хозяйственной и экономической жизни. Кроме этого в экономике Афганистана сохранялась значительная роль традиционных отношений, связанная с сохранением общины как универсального экономического сообщества и элементов экономической редистрибуции.

На протяжении ряда лет в условиях растущего советского влияния и нахождения на территории страны советских войск, активно используя советский опыт, политические элиты Афганистана предпринимали попытки переноса советской модели и использования опыта СССР, в том числе – и в рамках индустриализации. Ситуация отягощалась не только военными действиями, активизацией исламистских течений и фактической фрагментацией политического пространства страны, но и доминированием преимущественно традиционных отношений в рамках афганской экономики. Несмотря на то, что Афганистан относился к числу относительно урбанизированных стран, города на его территории продолжали выполнять преимущественно политические или военные функции, что вовсе не означает отсутствия экономической составляющей в функционировании афганского города, но и она продолжала оставаться в значительной степени традиционной. Поэтому, город нес традиционные экономические функции как торгового или ремесленного центра. В подобной ситуации и в условиях неразвитости рыночных – точнее проторыночных – структур и отношений индустриализация была не только маловероятной, но преимущественно традиционный характер афганской экономики, сохранение традиционной социальной структуры общества делали ее невозможной.

В некоторых странах (например, в Китае¹⁰²) индустриализация была не только хронологически продолжительным, но и дискретным процессом, что объяснялось китайскими экономистами¹⁰³ как пагуб-

ным внешним влиянием, так и непоследовательной политикой правящих кругов, что привело к превращению страны в «полуфеодальную» и «полуколониальную». Процессы индустриализации в Китае были отягощены спецификой демографической структуры населения, значительная часть которого проживала на территории аграрной периферии. Политика коммунистических властей в отношении деревни¹⁰⁴, конечно, в определенной степени содействовала вымыванию части сельского населения в город, но диспропорции в социально-экономическом развитии между преимущественно аграрными и относительно урбанизированными районами, как центрами процесса индустриализации, содействуют тому, что индустриализация не только остается незавершенной, но и протекает в различных регионах крайне неравномерно. Условия для индустриализации могли возникать и в рамках доминировавшей традиционной системы с элементами рыночных отношений, но реальные условия для индустриализации в таких регионах складывались только после установления недемократических режимов, элиты которых форсировали процессы экономического перехода. Последняя модель принудительной и авторитарной индустриализации в форме «некапиталистического развития»¹⁰⁵ была реализована в некоторых национальных республиках Советского Союза (например, в Узбекистане¹⁰⁶, Туркменистане, Таджикистане¹⁰⁷), на территории которых центральные власти фактически создали как нации, так и основы будущих национальных экономик, что сопровождалось значительной идеологизацией и декларированием победы социализма над феодализмом или феодальными пережитками, хотя подобный политический и социально-экономический оптимизм советских элит оказался чрезмерным, что стало очевидно после распада СССР и стремительной реставрации традиционных институтов и отношений в некоторых постсоветских среднеазиатских государствах.

Роль государства в индустриализации и в стимулировании экономических переходов, вероятно, может быть признана универсальной. Не являются исключением и африканские государства¹⁰⁸. В Африке и Латинской Америке имела место не только различная степень независимости¹⁰⁹ (точнее зависимости от развитых стран, как правило, бывших метрополий или ведущих капиталистических государств), но и наличие природных ресурсов¹¹⁰, например – горнорудного сырья¹¹¹, что в советской экономической теории оценивались в качестве «рычага индустриализации»¹¹². В современных исследованиях выдвигаются иные точки зрения, которые основаны на восприятии ресурсов не только как исключительно позитивного, но и очень спорного фактора¹¹³, который может содействовать консервации существующих со-

циальных и экономических проблем, особенно в тех регионах, где политические элиты склонны к активным контактам с международными экономическими (преимущественно – финансовыми) организациями.

Кроме этого процессы индустриализации усугублялись также региональным фактором¹¹⁴. Негативными факторами для индустриализации в Африке стали многочисленные социальные проблемы, связанные с неравенством и высоким уровнем безработицы¹¹⁵, а также отсутствием развитой инфраструктуры, что делало многие начинания в сфере индустриализации как тупиковыми, так и бесперспективными. Другим негативным фактором стал преимущественно аграрный характер экономики африканских стран¹¹⁶, доминирование руралистических социальных и экономических институтов, преобладание локального над национальным в общегосударственном контексте. Процессы индустриального развития в Африке в значительной степени замедлялись в условиях идеологически мотивированных экспериментов над экономикой со стороны правящих элит. С другой стороны, индустриализация в подобных странах не была вопросом исключительно внутренней политики. Особую роль в индустриализации развивающихся стран могли играть внешние центры силы и принятия решений как коллективные, например международные организации¹¹⁷, так и самостоятельные акторы международных отношений, лидеры которых до начала 1990-х годов (США и Советский Союз), стремились навязать, предложить, экспортировать в развивающиеся страны свои стратегии экономического развития, в том числе – и индустриализации.

Развитие африканских стран было отягощено значительной региональной фрагментацией, отсутствием стабильных исторических как государственных, так и культурных границ, искусственным характером африканского политического и экономического пространства, созданного и сконструированного не национальными или национализирующимися политическими элитами, а интеллектуалами бывших метрополий. С другой стороны, во внимание следует принимать и то, что индустриальная политика в Африке могла деградировать до уровня сырьевой политики¹¹⁸, что содействовало утверждению экстенсивных тенденций развития, которые способствовали не росту, а экономической стагнации. Кроме этого негативным фактором в индустриализации стал аграрный характер¹¹⁹ значительной части африканских стран. Этот фактор сыграл одну из негативных ролей в процессе индустриализации, так как вселял в правящие элиты ряда стран ложные иллюзии относительно возможного и быстрого экономического роста.

Наличие природных ресурсов, в отличие от стран Латинской Америки, в Африке содействовало даже не установлению т.н. «экономики монокультуры», но перманентной ситуации политической и экономической нестабильности. Роль государства в процессе индустриализации была универсальной в странах Африки, которые активно использовали европейский политический опыт, активно лавируя между левыми и правыми идеологиями, используя экономическую помощь и опыт, как со стороны Запада, так и Советского Союза. Подобное политическое лавирование в значительной степени сыграло негативную роль, стимулируя нестабильность в экономической жизни этих стран, содействуя незавершенности проводимых экономических экспериментов. В подобной ситуации ни одна африканская страна, проводя политику индустриализации, оказалась не в состоянии реализовать в полной мере ни одну заимствованную, трансплантированную фактически с Запада (в том числе – СССР) модель экономического развития.

Примером активной государственной политики индустриализации является Иран¹²⁰. Важным фактором в индустриализации стало не только активное государственное участие, стимулирование государственного сектора¹²¹, но и наличие природных ресурсов (например, нефти¹²²), но иранская модель экономики отлична от арабских стран тем, что правящие элиты не сделали выбор в пользу экономики монокультуры, а предприняли попытки ее диверсификации, стремясь развивать и другие отрасли, уделяя особое внимание и региональным проблемам¹²³. Правящие режимы – от светского авторитарного до религиозноцентричного, установленного в результате исламской революции – принимали самое активное участие в развитии экономики, в том числе – и в индустриализации. Последняя в Иране сочеталась с попытками ограниченного использования либеральной модели в виде либерализации¹²⁴ цен и приватизации 1990-х годов, хотя опыт своеобразной «приватизации» имел место в других неевропейских странах еще в 1880-е годы, когда правительство Японии¹²⁵ инициировало первое в истории страны централизованно направляемое и регулируемое сокращение государственного сектора.

В неевропейских странах процесс индустриализации мог носить более естественный характер, как это, например, имело место в Японии¹²⁶. Условия для генезиса индустриализации в Японии сложились относительно рано, в XVI – XVII веках¹²⁷, и были связаны с ростом торговли, которая стимулировала первоначальное накопление, но индустриализация на данном этапе не состоялась по причине изоляции, доминирования традиционных экономических институтов, важней-

шим из которых было доминирование натурального хозяйства. Япония была одной из немногих европейских стран¹²⁸, где сложились внутренние условия для генезиса сначала торгового капитализма, а позднее и более развитых капиталистических институтов и, как следствие, для индустриализации. Япония прошла не только через индустриализацию, как другие азиатские страны, но подобно Европе пережила процесс протоиндустриализации. На территории Японии состоялся своеобразный переход к рынку в условиях второй половины XIX века от феодальной преимущественно натуральной и аграрной (но с относительно развитой городской жизнью и, соответственно, экономической функцией городов) экономики к капиталистической, отличающейся более глубокой интеграцией в мировой контекст. «Всего лишь тридцать лет понадобилось для превращения из феодальной, почти полностью изолированной от внешнего мира Японии в мощного и опасного империалистического хищника»¹²⁹, – подчеркивал советский японовед К.О. Саркисов, комментируя произошедшие изменения. В результате политических и экономических перемен, которые имели место в Японии, страна самым радикальным образом изменила социально-экономический облик. Кроме этого, как и в России, в Японии процесс индустриализации носил дискретный характер. Если в России водоразделом между двумя принципиально различными стратегиями индустриализации стали революции и гражданская война, то в Японии – поражение во второй мировой войне, которое вынудило элит заново проводить политику индустриализации, но с принципиально иными акцентами.

Последствия индустриализационного процесса для развивающихся стран и развивающихся рынков как их частного случая являются спорными. Экономисты либеральной ориентации склонны акцентировать внимание на негативных последствиях индустриализации. Дипак Лал¹³⁰, например, связывает именно индустриализацию с радикализацией политической сферы, появлением новых политических вызовов, представленных в частности идеологией марксизма¹³¹. Не менее опасным последствием индустриализации, по версии ортодоксальных либералов, стал рост уровня жизни рабочих, которые начали больше внимания уделять политике, что привело к появлению столь нелюбимых либеральными экономистами профсоюзов.

В ряде стран (например, Индия, Южная Корея¹³²) наметились тенденции к расширению числа акторов индустриализационного процесса за счет привлечения частных инвесторов. Процесс индустриализации в ряде стран Востока был отягощен не только постколониальным наследием, но и переходным характером экономики. Причем, пе-

реходность может иметь несколько уровней – от традиционной / постколониальной экономики к рыночной или к той же рыночной, но после социалистических экспериментов. В подобной ситуации, незавершенная индустриализация может протекать одновременно с продолжающейся политической модернизацией, отягощенной сложностями структурной адаптации к принципиально новым отношениям в рамках формирующегося рынка.

Подводя итоги, во внимание следует принимать ряд факторов. Индустриализация стала важным компонентом в процессе экономических и социальных трансформаций, переходов от одного экономического состояния к другому. Индустриализацию можно воспринимать и как немаловажный фактор существования развивающихся рынков и транзитных экономик. В данном контексте развивающиеся рынки – это развивающиеся рынки вообще, трансформирующиеся рынки в самой широкой исторической и хронологической перспективе, а не частный случай экономических изменений и трансформаций, связанный с переходом от административно-командной модели развития экономики к рыночной. Индустриализация – это фактор, который стимулирует экономические перемены, разрушает архаичные и традиционные экономические системы. Вероятно, индустриализация была среди тех сил, которые создали не только экономический облик современного Запада, но и заложили основы той модели функционирования экономики, к которой стремятся государства с развивающимися рынками.

Индустриализация, разрушив или в значительной мере ослабив и подорвав мощь традиционных экономик, содействовала политическим трансформациям: благодаря именно процессам индустриализации на смену династическим государствам, основанным на доминировании натурального традиционного хозяйства, постепенно приходят современные нации-государства, суверенитет, независимость и самодостаточность которых нередко были созданы благодаря индустриализации. Именно индустриализация привела к появлению тех феноменов, которые в зависимости от исторической эпохи и политической конъюнктуры обозначались как «народное хозяйство» или «национальная экономика». Несмотря на столь огромное значение модернизации, проблематика, с ней связанная не столь популярна среди экономистов, многие из которых склонны видеть в индустриализации процесс преимущественно исторический, имевший место в прошлом, скомпрометированный советским опытом политики индустриализации. Это мнение в значительной степени ошибочно, хотя и отражает глубину раскола в научном сообществе экономистов между теоретиками и практиками. Изучение индустриализации актуально не только для первых,

но и для вторых, которые нередко имеют дело с качественной иной экономикой, отличной от той, о которой пишут методологи и теоретики. Эта новая экономика возникла частично и как следствие исторического и политического антипода процесса индустриализации – деиндустриализации – неизбежного спутника экономических трансформации и переходов.

---

¹ Ольштынский А. Политическая модернизация: стратегии и инструменты реализации / А. Ольштынский // *Экономическая политика*. – 2011. – № 1. – С. 137 – 157.

² Александровская Л.И., Кресс А., Сванидзе И.А. Проблемы индустриализации и практика промышленного развития / Л.И. Александровская, А. Кресс, И.А. Сванидзе // *Африка: проблемы социалистической ориентации* / ред. Н.И. Гаврилов, Г.Б. Старушенко. – М., 1976. – С. 206 – 232.

³ Шмелев Н.П. Проблемы экономического роста развивающихся стран / Н.П. Шмелев. – М., 1970. – С. 67.

⁴ См. подробнее: *The Social Sciences Encyclopedia* / eds. A. Kuper, J. Kuper. – L., 1985. – P. 386.

⁵ *The Encyclopedia of Sociology*. – NY., 1981. – P. 135.

⁶ Lockwood W. *The Economic development of Japan* / W. Lockwood. – L., 1955.

⁷ *The Mit Dictionary of Modern Economics* / ed. D.W. Pearce. – Cambridge, 1992. – P. 204.

⁸ Об исторических предшественниках процесса индустриализации см.: Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель в XVI веке / Ю.К. Некрасов // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века* / ред. А.А. Кириллова, Н.Ф. Мурыгина, И.А. Дворецкая. – М., 1975. – С. 179 – 203; Некрасов Ю.К. Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии / Ю.К. Некрасов // *Генезис капитализма в позднее Средневековье в Англии и Германии* / отв. ред. А.А. Кириллова. – М., 1979. – С. 31 – 63; Фараджеева С.А. Ранние капиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. / С.А. Фараджеева // *Генезис капитализма в позднее Средневековье в Англии и Германии* / отв. ред. А.А. Кириллова. – М., 1979. – С. 64 – 80.

⁹ Научная литература, посвященная как генезису индустриализации, так и региональным вариантам развития промышленности в Новое Время, значительна. См.: Кулишер И. Крупная промышленность в XVII и XVIII веках: Франция, Германия, Россия / И. Кулишер // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с фр. Н. Авдониной, Е. Балаховской, А. Зайцевой, К. Картуновой, М. Сокольской. – М., 2007. – С. 60 – 96; Бомон М. Производственная активность Германии после войны 1914 – 1918 гг. / М. Бомон // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с фр. Н. Авдониной, Е. Балаховской, А. Зайцевой, К. Картуновой, М. Сокольской. – М., 2007. – С. 97 – 116.

¹⁰ Кузнецова Н.П., Митин С.Г. Индустриализация в историческом контексте / Н.П. Кузнецова, С.Г. Митин // *Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник* / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 30 – 59.

¹¹ О генезисе и исторических предпосылках индустриализации в Германии см.: Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель в XVI веке / Ю.К. Некрасов // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века* / ред. А.А. Кириллова, Н.Ф. Мурыгина, И.А. Дворецкая. – М., 1975. – С. 179 – 203; Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV – XVI вв.) / М.М. Смирин. – М., 1969.

¹² О процессах индустриализации в России см.: Олегина И.Н. Освещение и оценки российской индустриализации в исторической литературе / И.Н. Олегина // *Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник* / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 175 – 194.

¹³ Чуркина И.В. Развитие промышленности и торговли в Словении в XVI веке / И.В. Чуркина // *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 124 – 148.

¹⁴ Пурш Я. Промышленность в Чехии в конце XVIII столетия / Я. Пурш // *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 149 – 215.

¹⁵ Солдатенко А.В., Якубский В.А. Судьбы буржуазных начал в экономике Речи Посполитой XVI – XVII веков / А.В. Солдатенко, В.А. Якубский // *Проблемы разложение феодализма и генезис капитализма в Европе* / ред. В.М. Строецкий. – Горький, 1989. – С. 30 – 39.

- ¹⁶ Мереи Д. Зарождение элементов капитализма в сельском хозяйстве Венгрии первой половины XIX века / Д. Мереи // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 216 – 254.
- ¹⁷ Енш Г.А. Развитие промышленности в Латвии в первой половине XIX века / Г.А. Енш // Генезис капитализма в промышленности / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1963. – С. 187 – 223.
- ¹⁸ Меркис В.Ю. Вотчинная промышленности Литвы в 1795 – 1861 гг. / В.Ю. Меркис // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 255 – 287.
- ¹⁹ Карма О.О. Очерк развития мануфактурной стадии промышленности в Эстонии / О.О. Карма // Генезис капитализма в промышленности / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1963. – С. 150 – 186; Кахк Ю.Ю. К вопросу о социально-экономическом характере так называемого периода барщинной аренды (вторая половина XIX века) в истории Эстонии / Ю.Ю. Кахк // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 359 – 377.
- ²⁰ О специфике, исторических особенностях процессов развития капитализма и, как следствие, индустриализации (в различных формах – капиталистических и социалистических) в России см.: Грегори П. Политическая экономика сталинизма / П. Грегори / под ред. А.М. Маркевича, пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. – М., 2006; Мау В.А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1860 – 1920-е годы) / В.А. Мау // Мау В.А. Сочинения / В.А. Мау. – М., 2010. – Т. 1. – С. 32 – 36; Шнайдер С.С. Экономико-географическая характеристика хлопчатобумажной промышленности дореволюционной России / С.С. Шнайдер // К вопросу о формировании капитализма в России / отв. ред. А.А. Папырина. – Киров, 1974. – С. 130 – 169; Эммаусский А.В. Разложение крепостничества и отмена крепостного права в Вятской губернии / А.В. Эммаусский // К вопросу о формировании капитализма в России / отв. ред. А.А. Папырина. – Киров, 1974. – С. 3 – 116.
- ²¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс / пер. с англ. Б.Э. Верпаховский и др., науч. ред. О.И. Шкаратан. – М., 2000. – С. 438.
- ²² Турунцев Е. Переходное общество: от «реального социализма» к реальным социальным классам / Е. Турунцев // Вопросы экономики. – 1995. – № 9. – С. 89.
- ²³ В советской историографии процесс индустриализации интерпретировался крайне идеологически выверено. См., например: Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы / В.С. Лельчук. – М., 1984.
- ²⁴ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты / Л.В. Кошман. – М., 2008.
- ²⁵ Бабинцева Н.С., Литвяков М.М., Савкевич О.С. Индустриализация: содержание и основные черты / Н.С. Бабинцева, М.М. Литвяков, О.С. Савкевич // Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 8 – 29.
- ²⁶ Rosenberg N., Birdzell L.E. How the West Grew Rich. The Economic Transformation of Industrial World / N. Rosenberg, L.E. Birdzell. – NY., 1986.
- ²⁷ Подробнее о периоде т.н. «торгового капитализма» и формировании исторических, экономических, социальных и прочих условий для качественного нового этапа – индустриализации – см.: Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма / Н.Н. Розенталь. – Л., 1927.
- ²⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. / Ф. Бродель / пер. с франц. д.и.н. Л.Е. Куббель; вступит. статья, ред. д.и.н. Ю.Н. Афанасьев. – М., 2007. – Т. 2. Игры обмена. – С. 293.
- ²⁹ Дроздова Н.П. Индустриализация в России / Н.П. Дроздова // Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 139 – 155.
- ³⁰ Об исторических предпосылках индустриализации, например, в Англии см.: Преображенский В.Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма / В.Д. Преображенский. – Харьков, 1931. – С. 410 – 420.
- ³¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. / Ф. Бродель / пер. с франц. д.и.н. Л.Е. Куббель; вступит. статья, ред. д.и.н. Ю.Н. Афанасьев. – М., 2007. – Т. 3. Время мира. – С. 602 – 604.
- ³² Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Р. Камерон / пер. с англ. Е.Н. Шевцовой, науч. ред. С.А. Афонцев. – М., 2001. – С. 271.
- ³³ Кузнецова Н.П., Митин С.Г. Индустриализация... – С. 43 – 45.
- ³⁴ Селищев А.С. Пути индустриализации на Западе и Востоке / А.С. Селищев // Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 60 – 85.
- ³⁵ О роли рабства в развитии индустриализации в США подробнее см.: Стратанович В.Ф. Рабовладение и его влияние на процесс генезиса капитализма в североамериканских колониях Англии в XVII – XVIII вв. / В.Ф.

Стратанович // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1968. – С. 98 – 135; Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство / И.М. Супоницкая / отв. ред. Р.Ф. Иванов. – М., 1998. – С. 41 – 52, 74 – 92.

³⁶ Подробнее о роли рабства в развитии капитализма см.: Kolchin P. *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom* / P. Kolchin. – Cambridge, 1987; Elkins S. *Slavery: a Problem in American Institutional and Intellectual Life* / S. Elkins. – Chicago, 1976; Tannenbaum F. *Slave and Citizen. The Negro in Americas* / F. Tannenbaum. – NY., 1947; Williams E. *Capitalism and Slavery* / E. Williams. – Chapel Hill, 1944.

³⁷ Rangel I. *Dualidade basica de economia brasileira* / I. Rangel. – Rio de Janeiro, 1957. – P. 30.

³⁸ О специфике и региональных особенностях процесса индустриализации см.: Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. – С. 272 – 302.

³⁹ Широков Г.К. Парадоксы эволюции капитализма (Запад и Восток) / Г.К. Широков. – М., 1998. – С. 7.

⁴⁰ Питтак Г. Индустриализация в Германии / Г. Питтак // Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 211 – 239.

⁴¹ Об исторических предпосылках немецкой индустриализации см.: Борхардт Ю. Экономическая история Германии / Ю. Борхардт / пер. с нем. С.Т. Вольского. – М. – Л., 1924. – Т. 2. От конца эпохи Гогенштауфенов до крестьянских войн.

⁴² Вебер М. История хозяйства / М. Вебер // Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение / М. Вебер / пер. с нем.; ред. И. Гревс; отв. ред. Г.Э. Кучков, Н.Д. Саркитов; коммент. Н.Д. Саркитов. – М., 2007. – С. 119 – 125.

⁴³ Подробнее о подобных процессах см.: Дворжак Л. Колумбия: противоречия зависимого развития / Л. Дворжак / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1977; Капитализм в Латинской Америке / В.В. Вольский, Э.Э. Литаврина, И.К. Шереметьев и др.; отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1983.

⁴⁴ О латиноамериканских интерпретациях феномена зависимости см.: Пасо Л. Исторические корни аргентинской зависимости / Л. Пасо / пер. с исп. А.Д. Маевского; предисл., ред. В.М. Гончарова. – М., 1981.

⁴⁵ Красильщиков В.А. Пределы догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху (опыт индустриальных стран Азии и Латинской Америки) / В.А. Красильщиков // Постиндустриальный мир и Россия / отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков. – М., 2001. – С. 353.

⁴⁶ Подробнее см.: Новиков В. Что нам может дать Ротбард? / В. Новиков // Экономическая политика. – 2009. – № 6. – С. 177.

⁴⁷ О сохранении и роли института общины в Латинской Америке см.: Самаркина И.К. Община в Перу. Очерк социально-экономического развития / И.К. Самаркина / отв. ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1974.

⁴⁸ Кортес А.Б. Экономическое развитие Латинской Америки (основные проблемы) / А.Б. Кортес / пер. с исп. А.Ф. Рожкова, М.П. Шелепина; вступит. статья Ю.Я. Ольсевича; ред. Ю.В. Бородин. – М., 1963. – С. 115.

⁴⁹ Подробнее о феномене периферийного капитализма см.: Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма / В.М. Давыдов / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1991.

⁵⁰ О подобных процессах подробнее см.: Lauritsen P., Mathiasen S.H. *Drawing development: Analysing local understandings of development in three Andean communities* / P. Lauritsen, S.H. Mathiasen // *Development in Practice*. – 2003. – Vol. 13. – No 1. – P. 27 – 39.

⁵¹ Bossen L. *The household as economic agent* / L. Bossen // *Urban Anthropology*. – 1991. – Vol. 10. – No 3. – P. 287 – 303.

⁵² Eversole R. *Balancing act: business and household in a small Bolivian city* / R. Eversole // *Development in Practice*. – 2002. – Vol. 12. – No 5. – P. 589 – 601.

⁵³ Александрова Е.А. Кризис экономической политики господствующих классов Аргентины и современные проблемы государственного сектора / Е.А. Александрова // Современная Аргентина: вопросы экономики, политики, идеологии / отв. ред. П.Н. Бойко. – М., 1986. – С. 98 – 131; Аргентина: тенденции экономического и социально-политического развития / Арнедо Альварес Х., Л. Пасо и др.; отв. ред. В.В. Вольский; ред. П.Н. Бойко и др.; пер. с исп. И.Е. Шокиной, Н.В. Долженкова; библиогр. Ю.И. Хрунова и др. – М., 1980. – С. 55 – 189; Кондратьева Е.А. Роль государства в экономике Аргентины: противоречия и тенденции развития / Е.А. Кондратьева // Современная Аргентина: вопросы экономики, политики, идеологии / отв. ред. П.Н. Бойко. – М., 1986. – С. 56 – 97.

⁵⁴ Аргентина после Мальвин. Кризис социально-экономической системы и перспективы общественного развития / П.Н. Бойко, А.В. Гончаров и др.; отв. ред. В.В. Вольский; ред. П.Н. Бойко и др. – М., 1987.

⁵⁵ Романова З.И. Развитие капитализма в Аргентине / З.И. Романова / отв. ред. И.К. Шереметьев. – М., 1985. – С. 115 – 140.

⁵⁶ Об опыте и специфике индустриализации в Бразилии в исторической перспективе см. подробнее: Караваев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее / А.П. Караваев / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1987.

- ⁵⁷ Пименова Р.А. Государственное региональное программирование в странах Латинской Америки / Р.А. Пименова // Государственное регулирование размещения производительных сил в капиталистических и развивающихся странах / отв. ред. В.В. Вольский, Ю.А. Колосова. – М., 1975. – С. 301 – 316.
- ⁵⁸ О восприятии феномена зависимости в бразильской научной традиции см.: Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре / сокр. пер. с исп. А.В. Старостина, общ. ред., предисл. А.П. Петрова, ред. Т.Г. Малютин, А.П. Королева. – М., 1976. – С. 45 – 47.
- ⁵⁹ Фако Р. Бразилия XX столетия / Р. Фако / пер. с порт. Д.А. Дьяконова, В.В. Столярова; вступит. статья, ред. А.Ф. Шульговского. – М., 1962. – С. 133 – 140, 274 – 277.
- ⁶⁰ О факторе пролетариата в истории Бразилии см.: Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857–1967) / Б.И. Коваль / отв. ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1968.
- ⁶¹ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». – С. 85.
- ⁶² О роли авторитаризма как фактора экономического развития. См.: Сумский В.В. Индонезия: феномен «динамичной стабильности» / В.В. Сумский // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / отв. ред. В.Г. Хорос. – М., 1996. – С. 55 – 70; Мирский Г.И. Военно-гражданский «маятник» / Г.И. Мирский // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / отв. ред. В.Г. Хорос. – М., 1996. – С. 70 – 79.
- ⁶³ О роли государственного сектора в экономике развивающихся стран, в том числе и относительно процессов индустриализации см.: Государственный сектор в странах Африки / отв. ред. Л.И. Александровская. – М., 1976; Государственный сектор и социально-экономический прогресс в развивающихся странах / Г.Н. Климко, А.В. Кулиш и др.; отв. ред. Г.Н. Климко; ред. И.Ф. Карпинский и др. – Киев, 1980.
- ⁶⁴ Подробнее о рентабельности государственного сектора в развивающихся странах см.: Колесов В.П. Государственный сектор экономики развивающихся стран / В.П. Колесов. – М., 1977. – С. 198 – 206.
- ⁶⁵ История Ливии в новое и новейшее время / ред. А.М. Васильев. – М., 1992. – С. 149.
- ⁶⁶ Подробнее об экономической политике М. Каддафи (правда, в советской и, поэтому, идеологически выверенной интерпретации) см.: Егорин А.З. Ливийская революция / А.З. Егорин / отв. ред. В.В. Наумкин. – М., 1989.
- ⁶⁷ Подробнее о специфике и основных направлениях аграрной политики в развивающихся странах Азии и Африки в исторической перспективе подробнее см.: Александров Ю.Г. Государство и сельское хозяйство в развивающихся странах Юго-Восточной Азии / Ю.Г. Александров // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки / отв. ред. В.Г. Растянников. – М., 1980. – С. 131 – 154; Зудина Л.П. Государство и социально-экономические преобразования в деревне стран Магриба / Л.П. Зудина // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки / отв. ред. В.Г. Растянников. – М., 1980. – С. 15 – 41; Космарская Н.П. Роль государства в социально-экономической эволюции мелкого производства (на примере экспортных секторов земледелия Ганы и Сенегала) / Н.П. Космарская // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки / отв. ред. В.Г. Растянников. – М., 1980. – С. 69 – 86; Никифоров А.В. Роль государства в преобразовании общинного земледелия (на примере стран Тропической Африки) / А.В. Никифоров // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки / отв. ред. В.Г. Растянников. – М., 1980. – С. 87 – 101; Панарин С.А. Государственные кооперативные программы и особенности развития сельскохозяйственной кооперации (Индия, Пакистан, Алжир) / С.А. Панарин // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки / отв. ред. В.Г. Растянников. – М., 1980. – С. 42 – 68.
- ⁶⁸ Александров Ю.Г. Юго-Восточная Азия: проблемы аграрной эволюции / Ю.Г. Александров / отв. ред. Н.А. Симония. – М., 1979.
- ⁶⁹ Колонтаев А.П. Низшие формы производства в странах Юго-Восточной Азии. Особенности эволюции / А.П. Колонтаев / отв. ред. Л.И. Рейснер. – М., 1975.
- ⁷⁰ О факторе урбанизации см.: Бонифатьева Л.И., Харитонов В.М. Особенности современного этапа урбанизации в капиталистических и развивающихся странах / Л.И. Бонифатьева, В.М. Харитонов // Крупнейшие города капиталистических и развивающихся стран / под ред. В.В. Вольского, Л.И. Бонифатьевой, В.М. Харитонов. – М., 1987. – С. 4 – 18; Нуреев Р. Теории развития: новое понимание дуализма / Р. Нуреев // Вопросы экономики. – 2000. – № 10. – С. 134 – 154.
- ⁷¹ Симония Н.А. Индонезия / Н.А. Симония. – М., 1978.
- ⁷² О специфике социально-экономической динамике в Индии см.: Алаев Л.Б. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX век) / Л.Б. Алаев / отв. ред. К.А. Антонова. – М., 1976; Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии / Л.Б. Алаев / отв. ред. К.А. Антонова. – М., 1981; Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни) / М.К. Кудрявцев / отв. ред. Д.А. Ольдерогге. – М., 1971.
- ⁷³ О современном восприятии кастовых различий в зарубежной экономической теории см.: Jeffrey C., Young St. Waiting for change: youth, caste and politics in India / C. Jeffrey, St. Young // Economy and Society. – 2012. – No 1. – P. 1 – 24.
- ⁷⁴ Гусев М.Н. Малайзия: развитие капитализма / М.Н. Гусев / отв. ред. А.А. Рогожин. – М., 1985.

- ⁷⁵ Леженина Т. Промышленная политика в новоиндустриальных странах Азии / Т. Леженина // Вопросы экономики. – 1992. – № 2. – С. 105 – 116.
- ⁷⁶ Андрианов В.Д. «Новые индустриальные страны» в мировом капиталистическом хозяйстве / В.Д. Андрианов. – М., 1989. – С. 19 – 20.
- ⁷⁷ Грановский А.Е. Экономический рост в странах Южной Азии / А.Е. Грановский / отв. ред. Г.К. Широков. – М., 1988. – С. 31.
- ⁷⁸ Жулев И.Ф. Рабочий класс Филиппин: формирование и положение (начало XX в. – 70-е годы) / И.Ф. Жулев / отв. ред. О.Г. Барышникова. – М., 1975.
- ⁷⁹ Иванов Ю.М. Урбанизация и особенности формирования городского пролетариата в развивающихся странах / Ю.М. Иванов / отв. ред. О.М. Меликян. – М., 1985; Оганова А.С. Урбанизация и формирование рабочего класса Западной Африки / А.С. Оганова. – М., 1977.
- ⁸⁰ О средних слоях в социальных структурах восточных обществ см.: Ли В.Ф. Средние городские слои в социальной структуре освободившихся стран Востока / В.Ф. Ли // Средние слои городского общества в странах Востока / отв. ред. В.Ф. Ли. – М., 1975. – С. 7 – 36; Мирский Г.И. К вопросу о дифференциации средних социальных слоев в освободившихся странах / Г.И. Мирский // Средние слои городского общества в странах Востока / отв. ред. В.Ф. Ли. – М., 1975. – С. 37 – 44; Ветров Б.В. Традиционные отношения и средние слои в Азии / Б.В. Ветров // Средние слои городского общества в странах Востока / отв. ред. В.Ф. Ли. – М., 1975. – С. 81 – 92; Кива А.В. О политической роли средних слоев в странах с низким уровнем развития социально-классовых отношений / А.В. Кива // Средние слои городского общества в странах Востока / отв. ред. В.Ф. Ли. – М., 1975. – С. 104 – 110; Галич З.Н. Социальная структура крупного западноафриканского города и средние городские слои / З.Н. Галич // Средние слои городского общества в странах Востока / отв. ред. В.Ф. Ли. – М., 1975. – С. 199 – 212.
- ⁸¹ Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока / З.А. Арабаджян, Н.А. Длин, Г.А. Кочукова и др.; отв. ред. И.А. Левковский. – М., 1986.
- ⁸² Подробнее об этой социальной категории и ее месте в развивающихся экономиках в теоретическом плане см.: Арабаджян З.А. Нефабричный пролетариат Ирана (формирование и положение) / З.А. Арабаджян // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 153 – 164; Белокреницкий В.Я. Структура нефабричного пролетариата Пакистана / В.Я. Белокреницкий // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 166 – 196; Кухтина Т.И. Профессиональная подготовка нефабричного пролетариата развивающихся стран / Т.И. Кухтина // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 94 – 107; Левковский А.И. Нефабричный пролетариат в переходном обществе стран зарубежного Востока / А.И. Левковский // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 3 – 44; Пахомова Л.Ф. Нефабричный пролетариат в обрабатывающей промышленности Индонезии / Л.Ф. Пахомова // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 247 – 276; Савельева Т.К. Нефабричный пролетариат Филиппин / Т.К. Савельева // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 277 – 325; Старченков Г.И. Нефабричный пролетариат Турции / Г.И. Старченков // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 108 – 129; Цветкова Н.Н. Иностраный частный капитал и нефабричный пролетариат в развивающихся странах Азии: система субподрядов / Н.Н. Цветкова // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1985. – С. 45 – 65.
- ⁸³ Куныщиков М.Н. Развивающиеся страны Азии: национальные монополии и политика / М.Н. Куныщиков / отв. ред. А.И. Медовой. – М., 1981.
- ⁸⁴ Об опыте модернизаций на Востоке см.: Былиняк С.А. Опыт структурной адаптации стран Юго-Восточной и Восточной Азии / С.А. Былиняк // Экономические реформы в Азии в переходный период / отв. ред. Г.И. Чуфрин. – М., 1996. – С. 26 – 34; Динкевич А.И. Азиатская модель экономической модернизации: поучительный опыт / А.И. Динкевич // Экономические реформы в Азии в переходный период / отв. ред. Г.И. Чуфрин. – М., 1996. – С. 13 – 19.
- ⁸⁵ История сёгуната в Японии (Нихон гайси) / пер. с япон., прим., коммент. В.М. Мендрин. – М. – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 7 – 23.
- ⁸⁶ Ли В.Ф. К вопросу о генезисе, типологии и эволюции бюрократии в переходных социальных структурах Востока / В.Ф. Ли // Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока / ред. В.Ф. Ли и др. – М., 1974. – С. 4 – 34.
- ⁸⁷ Подробнее см.: Бабинцева Н.С. Индустриализация в развивающихся странах / Н.С. Бабинцева. – Л., 1982. – С. 120 – 131.
- ⁸⁸ Об экономических процессах в Сирии на протяжении первой половины XX века см.: Викторов В.П. Экономика современной Сирии (проблемы и перспективы) / В.П. Викторов / отв. ред. К. Петров. – М., 1968.

- ⁸⁹ О факторе урбанизации в развитии сирийской экономики см.: Бочарова Л.С. Урбанизация и социально-экономическое развитие Сирии в 60 – 80-е годы / Л.С. Бочарова. – М., 1989.
- ⁹⁰ Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии (1946 – 1970 гг.) / В.В. Вавилов / отв. ред. Ю.Н. Розалиев. – М., 1972. – С. 203.
- ⁹¹ О политике этатизма и формах государственного участия в развивающихся странах см.: Брагина Е.А. Развивающиеся страны: государственная политика и промышленность / Е.А. Брагина / отв. ред. Р.М. Аваков. – М., 1977; Государственный капитализм и социальная эволюция стран зарубежного Востока / отв. ред. А.И. Левковский. – М., 1980.
- ⁹² Об экономической политике в Африке (точнее, о ее советском восприятии) и государственном участии в экономике см.: Бессонов С.А. Проблемы государственного планирования в странах Африки / С.А. Бессонов / отв. ред. М.М. Голанский. – М., 1987. Современные интерпретации экономических процессов, связанных с экономическим развитием в Африке, представлены в ряде исследований. См.: *The Economic Development in Africa Report 2012* / Ch. Gore, N. Lebele, P. Osakwe, B. Bolaky, Marco Sakai. – Washington. 2012.
- ⁹³ Гура В.К. Особенности социально-экономического развития Туниса и Марокко. 50 – 70-е гг. / В.К. Гура / отв. ред. И.Ф. Черников. – Киев, 1982.
- ⁹⁴ О политике правящих элит в Ливии в отношении экономики в первой половине XX века, а также на протяжении 1960-х годов см.: Аршаруни Н.А. Иностранный капитал в Ливии (1911 – 1967 гг.) / Н.А. Аршаруни / отв. ред. Д.Р. Вобликов. – М., 1970.
- ⁹⁵ Советская, преимущественно идеологизированная, интерпретация экономической истории Афганистана представлена в ряде публикаций. См.: Гуревич Н.М. Государственный сектор в экономике Афганистана / Н.М. Гуревич. – М., 1962; Гуревич Н.М. Экономическое развитие Афганистана (финансовые вопросы) / Н.М. Гуревич. – М., 1966; Давыдов А.Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана (особенности эволюции) / А.Д. Давыдов / отв. ред. Г.Г. Котовский. – М., 1976; Пикулин М.Г. Афганистан (экономический очерк) / М.Г. Пикулин. – Ташкент, 1956.
- ⁹⁶ О феномене феодализма в Афганистане см.: Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев / И.М. Рейснер / отв. ред. А.М. Осипов. – М., 1954.
- ⁹⁷ Об аграрном факторе в экономической трансформации Афганистана в XX веке см.: Каландарбеков П. Крестьянское землевладение в современном Афганистане / П. Каландарбеков / отв. ред. А.П. Давыдов. – М., 1990.
- ⁹⁸ Бабаходжаев М.А. Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.) / М.А. Бабаходжаев / отв. ред. Г.А. Хидоятов. – Ташкент, 1975. – С. 50 – 53.
- ⁹⁹ Гуревич Н.М. Афганистан: некоторые особенности социально-экономического развития (20 – 50-е годы) / Н.М. Гуревич / отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М., 1983.
- ¹⁰⁰ Давыдов А.Д. Развитие капиталистических отношений в земледелии Афганистана / А.Д. Давыдов / отв. ред. П.П. Моисеев. – М., 1962. – С. 8 – 31.
- ¹⁰¹ Давыдов А.Д. Аграрный строй Афганистана (основные этапы развития) / А.Д. Давыдов / отв. ред. Р.Т. Ахрамович. – М., 1967; Давыдов А.Д. Афганская деревня (сельская община и расслоение крестьянства) / А.Д. Давыдов / отв. ред. Г.Г. Котовский. – М., 1969.
- ¹⁰² Подробнее об истоках индустриализации в Китае см.: Ермаченко И.С. Проблемы генезиса капитализма в Китае в современной историографии КНР / И.С. Ермаченко / отв. ред. А.В. Меликсетов. – М., 1990.
- ¹⁰³ Ван Я-нань, Исследование экономических форм полуфеодального, полукolonиального Китая / Ван Я-нань / пер. с кит. Р.Г. Веселовой и др. – М., 1959.
- ¹⁰⁴ Ясинский В.А. К итогам социально-экономического развития китайской деревни в первой половине 80-х годов / В.А. Ясинский // Актуальные проблемы экономики стран социалистической ориентации / отв. ред. В.П. Масленников. – М., 1988. – С. 139 – 151.
- ¹⁰⁵ Подробнее о теории «некапиталистического развития», которая фактически играла роль советского аналога теории модернизации, но с иначе расставленными акцентами, см.: Джамалов О.Б. Закономерности создания и развития социалистической экономики в Узбекистане / О.Б. Джамалов. – Ташкент, 1979.
- ¹⁰⁶ В советский период доминировали идеологически выверенные оценки и интерпретации процессов индустриализации в Средней Азии, в том числе – и в Узбекистане. См.: Ульмасбаев Ш., Слива С. Индустриальное развитие Узбекистана за годы советской власти / Ш. Ульмасбаев, С. Слива. – Ташкент, 1966.
- ¹⁰⁷ Официальная версия истории индустриализации представлена в публикациях советского периода. См.: Дриккер Х.Н. Преодоление многоукладности в Таджикистане в условиях перехода от феодализма к социализму, минув капитализм / Х.Н. Дриккер / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1973. – С. 30 – 44; Козачковский В.А. От феодализма до победы социализма / В.А. Козачковский. – Душанбе, 1966. – С. 148 – 192.
- ¹⁰⁸ О процессах индустриализации в Африке см.: Александровская Л.И. Развитие промышленности в Африке: подходы и приоритеты / Л.И. Александровская // МЭИМО. – 1980. – № 14; Гладкий Ю.Н. Индустриализация и региональное развитие в Африке / Ю.Н. Гладкий / отв. ред. С.Б. Лавров. – Л., 1987.

- ¹⁰⁹ О факторе зависимости / независимости в проведении политики индустриализации см.: Белоусов А.А. Особенности экономики развивающихся стран / А.А. Белоусов // Белоусов А.А. Кризис и распад колониальной системы. Особенности экономики развивающихся стран / А.А. Белоусов. – М., 1970. – С. 93 – 99.
- ¹¹⁰ Подробнее о наличии природных ресурсов как факторе экономического развития, в том числе, и индустриализации см.: Ганцкий В.А. Развивающиеся страны Азии в мировом капиталистическом сырьевом хозяйстве / В.А. Ганцкий / отв. ред. С.А. Былиняк. – М., 1985.
- ¹¹¹ Ломашов И.П. Роль горнорудного сырья в экономике Латинской Америки / И.П. Ломашов. – М., 1973.
- ¹¹² Гладкий Ю.Н. Африка: проблемы регионального развития / Ю.Н. Гладкий / отв. ред. Ю.Д. Дмитриевский. – Л., 1979. – С. 80 – 94.
- ¹¹³ Weszkalnys G. Cursed resources, or articulations of economic theory in the Gulf of Guinea / G. Weszkalnys // *Economy and Society*. – 2011. – Vol. 40. – No 3. – P. 345 – 372.
- ¹¹⁴ Подробнее о региональном факторе в экономическом развитии развивающихся стран: Алаев Э.Б. Региональное планирование в развивающихся странах / Э.Б. Алаев / отв. ред. В.К. Савельев. – М., 1973.
- ¹¹⁵ Маценко И.Б. Африка: социальное развитие и стратегия самообеспечения / И.Б. Маценко / отв. ред. Ю.М. Осипов. – М., 1990.
- ¹¹⁶ О современных интерпретациях аграрной экономики см.: Makhoul J., Harrison L. Development perspectives: views from rural Lebanon / J. Makhoul, L. Harrison // *Development in Practice*. – 2002. – Vol. 12. – No 5. – P. 613 – 624.
- ¹¹⁷ Мацейко Ю.М. ООН и социально-экономические преобразования в развивающихся странах / Ю.М. Мацейко / отв. ред. Н.И. Лозюк. – Киев, 1983. – С. 152 – 210.
- ¹¹⁸ О феномене сырьевой политики в странах Африки см.: Аксюк Л.Н. Сырьевая политика развивающихся стран Африки / Л.Н. Аксюк / отв. ред. Г.В. Смирнов. – М., 1984.
- ¹¹⁹ Об аграрной составляющей в экономической политике африканских стран см.: Аграрные преобразования в странах Африки на современном этапе. – М., 1982; Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке. – М., 1964; Асоян Н.С. Восточная Африка: очерки географии хозяйства Кении, Уганды и Танзании / Н.С. Асоян. – М., 1976; Иванов Ю.М. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии / Ю.М. Иванов. – М., 1974; Космарская Н.П. Деревня тропической Африки: особенности эволюции традиционных форм хозяйства / Н.П. Космарская / отв. ред. В.Г. Растянников. – М., 1983; Летнев А.Б. Деревня Западного Мали / А.Б. Летнев. – М., 1964.
- ¹²⁰ Об иранском опыте см.: Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии / Н.М. Мамедова / ред. В.А. Исаев. – М., 1997.
- ¹²¹ Подробнее о процессе государственного участия см.: Арабаджян А.З. Перспективы развития государственного сектора в экономике Ирана / А.З. Арабаджян // Иран. Сборник статей / ред. А.З. Арабаджян, Н.А. Кузнецова. – М., 1973. – С. 3 – 34.
- ¹²² О факторе нефти в иранской экономике в исторической перспективе см.: Арабаджян А.З. Изменения в общественной структуре нефтяной промышленности Ирана (1949 – 1973) / А.З. Арабаджян // Иран: история и современность / отв. ред. Н.А. Кузнецова. – М., 1983. – С. 138 – 151; Исмаилов Д. Борьба Ирана за развитие нефтяной промышленности во второй половине 60-х – середине 70-х гг. XX в. / Д. Исмаилов // Иран и Афганистан. Научные труды по истории Ирана и Афганистана / ред. М.Б. Бабаханов. – Душанбе, 1981. – С. 29 – 40.
- ¹²³ Цуканов В.П. Проблема регионального развития в Иране (к постановке вопроса) / В.П. Цуканов // Иран: история и современность / отв. ред. Н.А. Кузнецова. – М., 1983. – С. 74 – 98.
- ¹²⁴ Об опыте либерализации экономики в Иране см. подробнее: Ульянов Н.Ю., Мамедова Н.М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана) / Н.Ю. Ульянов, Н.М. Мамедова. – М., 2006. – С. 175 – 255.
- ¹²⁵ Норман Г. Возникновение современного государства в Японии / Г. Норман // Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. Солдат и крестьянин в Японии / Г. Норман / пер. с англ. П.П. Топеха; ред., предисл. Е.М. Жуков. – М., 1961. – С. 91 – 93.
- ¹²⁶ Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. – С. 73 – 90.
- ¹²⁷ О генезисе японской индустриализации см.: Гальперин А.Л. Очерки социально-экономической истории Японии в период позднего феодализма / А.Л. Гальперин / отв. ред. А.А. Искендеров. – М., 1963. – С. 40 – 59; Гальперин А.Л. К вопросу о генезисе капитализма в Японии / А.Л. Гальперин // О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX). Материалы обсуждения / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 5 – 23.
- ¹²⁸ Подробнее см.: Леценко Н.Ф. К вопросу о внутренних формах развития капитализма в Японии / Н.Ф. Леценко // Дискуссионные проблемы японской истории / отв. ред. А.Е. Жуков. – М., 1991. – С. 127 – 153.
- ¹²⁹ Саркисов К.О. Япония накануне XXI века / К.О. Саркисов // Актуальные проблемы политики и экономики современной Японии / отв. ред. К.О. Саркисов, И.П. Лебедева. – М., 1991. – С. 6.
- ¹³⁰ Лал Д. Возвращение «невидимой руки». Актуальность классического либерализма в XXI веке / Д. Лал / пер. с англ. М. Коробочкина, ред. А. Курилкин. – М., 2009. – С. 86 – 89.

---

¹³¹ Отношение к марксизму в современном российском гуманитарном и общественном знании неоднозначно. См.: Иноземцев Вл. *За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории постэкономические тенденции в современном мире* / Вл. Иноземцев. – М., 1998. – С. 67 – 92.

¹³² Федорова Г.Г. Структурные сдвиги и системные реформы в странах с экономикой переходного типа / Г.Г. Федорова // *Российские реформы и зарубежный опыт системных преобразований* / отв. ред. В.А. Яшкин. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 58 – 75.

НЕФОРМАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТРАНЗИТНОЙ ЭКОНОМИКИ

Автор анализирует фактор неформальности в переходных экономиках. Переходные экономики сталкиваются с многочисленными проблемами и противоречиями сосуществования различных экономических институтов и отношений. Традиционные и неформальные институты обладают мощным адаптивным потенциалом. Этот фактор осложняет процесс трансплантации норм, институтов и отношений развитых экономик в транзитные экономики.

Ключевые слова: переходные экономики, неформальные экономики, экономические институты, экономические процессы

The author analyses the factor of informality in transitional economies. Transitional economies face with numerous problems and contradictions of different economic institutions and relations coexistence. Traditional and informal institutions possess powerful adaptive potential. This factor complicates the process of norms, institutes and relations transplantation from the developed economies into transitional economies.

Keywords: transitional economies, informal economies, economic institutions, economic processes

Автор аналізує чинник неформальності в перехідних економіках. Перехідні економіки стикаються з численними проблемами і суперечностями співіснування різних економічних інститутів і відносин. Традиційні і неформальні інститути володіють могутнім адаптивним потенціалом. Цей чинник ускладнює процес трансплантації норм, інститутів і відносин розвинених економік в транзитні економіки.

Ключові слова: перехідні економіки, неформальні економіки, економічні інститути, економічні процеси

Переходные экономики сталкиваются с многочисленными проблемами и противоречиями, порожденными одновременным сосуществованием различных экономических институтов и отношений. Переходные экономики нередко возникают в результате серьезных политических кризисов, внутренних потрясений, распадов многонациональных империй и государств. В этом отношении переходные / развивающиеся экономики являются продуктом процессов модернизации. Модернизация, в свою очередь, относится к числу многоуровневых процессов, которые ведут к трансформации ранее существовавших социальных и экономических отношений. Кроме этого процессы модернизации чрезвычайно противоречивы, в них принимают участие (добровольно или вынужденно) самые различные экономические акторы как формальные, то есть институционализированные, так и неформальные и, как следствие, нередко пребывающие за пределами правового поля. В данном случае речь идет о феномене теневой эко-

номики, с которой сталкивается большинство транзитных обществ, хотя теневая экономика или определенные элементы могут существовать и в тех обществах, которые характеризуются стабильными рыночными институтами.

Ряд авторов указывает на близость понятий «теневая экономика» и «неформальная экономика»¹, хотя в научной литературе² имеются как попытки развести эти два термина (рассматривая стоящие за ними явления в качестве различных уровней экономики), так и развивать иные дефиниции (например, «внезаконная экономика»³) в принципе тех же экономических явлений и процессов. Кроме этого используется и термин «ненаблюдаемая экономика», под которой понимают «определенные сферы экономической деятельности, противопоставленные регистрируемой официальной экономике»⁴. В позднесоветской экономической теории в рамках теневой экономики, как правило, выделялось три «укрупненных блока», а именно – неофициальная экономика («законно разрешенные виды экономической деятельности, в рамках которых имеет место неучитываемое официальной статистикой производство товаров и услуг»), фиктивная экономика («приписки, хищения, спекулятивные сделки, взяточничество и всякого рода мошенничества»), подпольная экономика («запрещенные законом виды экономической деятельности»)⁵. Анализируя позднесоветские интерпретации теневой экономики, во внимание следует принимать то, что они были преимущественно институциональны, то есть неформальные виды экономической деятельности рассматривались как институты, противоположные формальным. В рамках такой концепции теневая экономика всегда обречена на то, чтобы иметь свой «правильный», легальный, антипод, связанный именно с экономическими институтами, что почти автоматически выводит за сферы внимания исследователя фактор традиции – традиционных институтов, то есть неинституционализированной экономики в функционировании экономики в целом.

Британский экономист и социолог Теодор Шанин указывает на то, что для описания / анализа той экономической модели, о которой идет речь, используется несколько определений, а именно – неформальная, теневая, туземная, эксполлярная, подпольная, незарегистрированная, традиционная, семейная, маргинальная, черная, серая, вторая, третья, люмпен-буржуазная⁶. Единой дефиниции явления «неформальная экономика» в экономической науке не выработано. Большинство экономистов полагает, что «диапазон видов хозяйственной деятельности, относящихся к неформальной экономике, весьма широк и непрерывно увеличивается»⁷. Первые попытки анализа подобной

экономики советскими авторами были предприняты во второй половине 1980-х годов⁸, когда «теневая экономика» рассматривалась исключительно в контексте капиталистических стран и никто из советских экономистов не мог предполагать, что подобная экономика через несколько лет возникнет и в самой России.

Единого определения феномена «теневой» / «неформальной»⁹ экономики не существует, но рассматривая предлагаемые в литературе дефиниции, во внимание следует принимать тот фактор, что само существование теневой экономики нередко непосредственно зависит от того типа экономической культуры, который доминирует в том или ином обществе. Российский экономист А.В. Нор в середине 1990-х годов подчеркивал, что «культура способа производства развивается по ориентирам, которые указывают ей критерии социально-экономического прогресса»¹⁰, но на различных этапах развития экономики эти критерии могут существенно различаться и варьироваться – от формально включенности в экономику до фактического выстраивания альтернативных экономических институтов. В частности, немецкий экономист Ульрих Тиссен полагает, что к подобному типу экономики следует относить экономическую деятельность, которая не только «не учитывается системой национальных счетов», но и ведет к созданию «новой стоимости, не учитываемой официальной статистикой»¹¹.

Некоторые российские авторы рассматривают теневую экономику как «деятельность субъектов хозяйствования, которая развивается вне государственного учета и контроля»¹². В американской экономической науке под теневой экономикой нередко понимают «совокупность видов хозяйственной деятельности, возникающих в результате столкновения интересов работодателей, работников и клиентов»¹³. Эти два определения основаны на различных принципах выделения самого явления теневой / неформальной экономики. Немецкие экономисты исходят из результата, то есть того, официально не учитываемого статистикой продукта, который возникает в результате функционирования теневой экономики. Американская дефиниция в большей степени процессуальна, учитывая именно те неформальные экономические процессы, которые пребывают за рамками институционализированной системы.

Перечень признаков и системных характеристик теневой экономики является дискуссионным. Теодор Шанин¹⁴ полагает, что для подобного типа экономики характерны следующие атрибуты: нацеленность на выживание, а не накопление; приоритет максимальной занятости (поэтому, занятость может носить неформальный характер¹⁵), а

не средней прибыли; гибкость и множественность источников дохода; использование незащищенного труда; семейный характер производства (на что особо указывают американские экономисты, например, Бр. Робертс¹⁶); взаимная поддержка основанная на родственных связях, а не на формальных отношениях; этнический характер экономики; неформальный характер экономики и стремление избежать отношений с государством как основным регулятором; интеграция легальных и нелегальных видов деятельности.

Проблема генезиса теневой экономики является спорной. Вероятно, ее возникновение следует связывать с теми значительными переменами, которые имели место в рамках европейской (западной) модели развития в Раннее Новое Время и были связаны с появлением капитализма и сопутствующих ему институтов, в первую очередь – рынка. Поэтому, некоторые зарубежные экономисты (например, Д. Кандиоги¹⁷) склонны в рыночной экономике видеть закономерное развитие неформальных экономических отношений. В целом интерпретации феномена, о котором идет речь, в западной науке¹⁸ отличаются значительным разнообразием, варьируясь от восприятия теневой экономики как рецидива доиндустриальной истории или некоего нарушения нормальных экономических функций рынка. Некоторые российские авторы были склонны связывать появления теневой экономики (не используя этого термина) с «некапиталистическими экономическими системами»¹⁹. Проблемы теневой экономики не существовало до начала эпохи капитализма, так как экономические отношения, хотя и регулировались законодательно, но в большей степени подчинялись традиции. Капитализм пришел на смену феодализму, который в большей степени соотносился с традиционным обществом, с традицией и обычаем, хотя элемент права из функционирования феодальной системы исключать не следует. Феодальная или вообще традиционная экономика, будучи именно традиционной характеризуется значительным адаптивным потенциалом. Фактически и в ее рамках существуют институты, но они, как правило, традиционны и, поэтому, неформальны.

Развитие экономики Запада в рамках капиталистической модели отмечено сосуществованием двух экономик – институциональной (то есть формальной) и неинституциональной, неформальной или неформализованной. Определенные элементы неформальности характерны и для формально действующих институтов. Американский экономист Д. Норт, комментируя особенности экономических институтов, подчеркивал, что они «включают в себя формальные правила и неформальные ограничения»²⁰. Вероятно, именно этот неформальный по-

тенциал, который имеет место быть в формальных институтах, может содействовать появлению новых экономических институтов и отношений, которые отличаются параллельным характером с институционализированной экономикой. Именно в результате такого одновременного сосуществования формируется и функционирует феномен теневой экономики.

Часть авторов склонна связывать генезис теневой экономики с объективными противоречиями административно-командной системы и ее порождением – плановой экономики. По мнению О.Т. Богомолова, теневая экономика существовала в большинстве социалистических стран с плановой экономикой, в рамках которой она являлась единственной сферой, где доминировали «рыночные законы»²¹. Аналогичную точку зрения в начале 1990-х годов высказывал Я. Кузьминов, который в «советской экономической культуре» выделял «национальную рыночную традицию», представленную именно теневой экономикой²². С другой стороны, появление теневой экономики следует связывать и с самими процессами перехода к рынку, которые отличались значительной отягощенностью особенно в постсоциалистических обществах. В РФ процессы перехода к рынку отличались значительной спецификой, сохранением диспропорций, что привело к появлению «дестимулирующего экономического механизма»²³, который не мотивировал акторов рынка работать и действовать в рамках правового поля. Теневая экономика может быть определена именно как результат противоречия авторитарного политического режима, который конструирует административно-командную систему управления экономикой, и латентными проторыночными или даже рыночными институтами, существование которых в подобной системе не исключено.

Именно подобное противоречие дало возможность американскому экономисту К. Харту утверждать, что формирование теневой экономики является результатом реализации некой рыночной ментальности, которую «централизованные структуры» пытались уничтожить²⁴. С другой стороны, современные, в особенности – переходные экономики характеризуется различными уровнями развития. Поэтому, может возникать проблема «недопроизводства или перепроизводства формальных институтов»²⁵ в условиях одновременного сосуществования с ними других, отличных от них по формам и функциям, акторов, которые представлены неформальными институтами. В подобной ситуации перед политическими элитами, которые контролируют не только политическую власть, но и принимают экономические решения, возникает дилемма, связанная с выработкой наиболее оптимальной стратегии действий в отношении неформальных участников рын-

ка²⁶. Универсальных методов борьбы с теневой экономикой не существует, хотя опыт европейских стран показывает, что некоторые позитивные изменения возможны. Одним из вариантов вывода экономики «из тени» могут стать изменения в банковской политике²⁷, связанные с введением более строгих санкций в отношении банков, связанных с неформальными экономическими секторами, или, наоборот, создания более благоприятных условий для взаимоотношений между банковским сектором и теневым бизнесом таким образом, чтобы они содействовали легализации последнего. Другим из вариантов, предлагаемых исследователями, является изменение налоговой политики²⁸, снижение налогов, то есть создания таких условий, которые содействовали бы формализации теневой экономики.

Неформальные / теневые экономики имеют параллельный характер по сравнению с той экономикой, которая признается в качестве официальной и институционализированной. В России генезис теневой экономики был связан с распадом советской экономической системы. В качестве одного из ее исторических предшественников мы, вероятно, можем рассматривать негосударственный сектор²⁹, который существовал в СССР, представляя альтернативные, не распределительные, тенденции в развитии экономики. Некоторые российские авторы полагают, что теневая экономика не только параллельна институционализированной, но и «проникла на все стадии воспроизводственного процесса»³⁰. С другой стороны, экономические трансформации в развивающихся рынках самым тесным образом связаны с теневыми экономикami³¹. В наибольшей степени благоприятные условия для развития теневой экономики складываются в условиях транзита – перехода от административно-командной к рыночной экономике. В подобной ситуации для значительной части развивающихся рынков характерен дуализм³², который проявляется в одновременном сосуществовании и софункционировании как формальной, так и неформальной экономики.

Теневая экономика характеризуется рядом уникальных черт, в отношении которой в научной литературе отсутствует единство мнений. В теоретических исследованиях американских экономистов на протяжении 1990-х годов был предложен список особенностей, характерных именно для теневой экономики, а именно: относительно легкий выход на рынок «с точки зрения требуемых навыков, объема капитала и организации», семейность, относительно небольшие масштабы деятельности, возможное применение устаревших технологий, нерегулируемая конкуренция, возможный низкий уровень производительности труда, ограниченная способность к накоплению капитала³³.

Кроме этого для теневых экономик характерны иные формы использования труда³⁴, которые могут носить принудительный и насильственный, недобровольный (не всегда) характер и, как правило, связаны с более низкими социальными стандартами.

Все эти характеристики в большей степени описывают некую идеальную модель теневой экономики, если такая возможна, не учитывая значительные региональные и национальные особенности, которые имеют место в переходных экономиках. Некоторые развивающиеся рынки оказываются в состоянии преодолеть небольшие масштабы деятельности и отказаться от использования устаревших технологий, но подобные достижения нередко могут быть не только развитием собственно теневой экономики, но и сознательной государственной политики ряда стран, которые проводят экономические реформы, связанные с относительной либерализацией рынка при условии сохранения недемократического политического режима.

Рассматривая теневые экономики, становится очевидным, что особых успехов в их теоретическом изучении достигли американские экономисты. США вряд ли могут быть определены в качестве страны с переходной экономикой. С другой стороны, значительную роль в экономической жизни США играют этнические сообщества, в первую очередь – латиноамериканские – формирующие параллельную экономику, ориентированную, как правило, на страну происхождения основных игроков неформального рынка. Подобный феномен, определяемый американскими экономистами как «этническая экономика»³⁵, получил развитие и в транзитных странах постсоветского и постсоциалистического пространства.

В прошлом то, что сейчас мы определяем как «этнические экономики» в смысле теневых, могли быть составной частью традиционных экономических систем, что например, относится к экономической роли и деятельности еврейского сообщества³⁶, например, в регионе Балкан или в «образовании современного хозяйства», по терминологии Вернера Зомбарта³⁷, в Европе в целом. В частности, еврейские группы на территории Османской Империи принимали активное участие в торговле, сборе налогов и чеканки монет, а также играли особую роль в финансовой деятельности. Вероятно, аналогичную еврейским сообществам в Юго-Восточной Европе на Российском Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии в целом выполняли китайские мигранты³⁸, известные как хуацяо, которые контролировали определенные, но в отличие от европейских евреев, как правило, теневые, не подвергнутые институционализации и интеграции в формальную экономику, отрасли.

«Этнические экономики»³⁹, представленные т.н. «этническими предпринимателями»⁴⁰ и существующие благодаря диаспорам⁴¹, неформальным связям в различных этнических сообществах, пребывающих в инокультурном окружении, получили широкое развитие преимущественно в многонациональных переходных обществах. Именно подобный тип экономических отношений следует воспринимать как один из факторов, которые способствуют ослаблению формальных институтов, росту неспособности их конкуренции с неформальными. Этнические сообщества привносят в экономику не традиции рынка, но те нормы и обычаи, которые в большей степени характерны для традиционного общества. В подобной ситуации вместо рынка и рыночных отношений в западном понимании на европейскую экономическую почву фактически трансплантируются отношения восточного базара, где финансово-денежные отношения играют почти исключительно примитивную меновую роль, будучи не связанными с логикой и динамикой развития капитализма в целом.

Подводя итоги настоящего, во внимание следует принимать ряд факторов. Важнейшим стимулом для развития теневой экономики и ее успешного функционирования являются именно процессы экономического перехода. Между экономическими изменениями системного характера и теневыми секторами существует прямая зависимость: чем дольше длятся процессы реформ, тем больше шансов и значительное пространство для развития обретает теневая экономика. Кроме этого теневая экономика чрезвычайно символична, будучи тесно связанной с экономической антропологией – существование теневой экономики содействует трансформации экономического поведения, меняет психологию потребления, прививая нормы и ритуалы, которые по своей природе имеют больше общего с традицией, обычаем, традиционными обществами, а не развитыми рыночными экономиками. Нередко теневая экономика может носить региональный характер, что, например, характерно для сложных многосоставных экономических систем, существующих в многонациональных государствах, которые не расстались с комплексами империи.

В подобной ситуации теневая экономика в полной мере проявляет свой значительный адаптивный потенциал, демонстрируя возможности как появления неформальных региональных кланов, так и постепенного сращивания моторов теневой экономики с самими центрами принятия и реализации политических решений – органами государственной власти. Теневая экономика в этом отношении чрезвычайно адаптивно. Поэтому борьба с ней в рамках существующих правовых норм (как правило, в переходных обществах фактически поза-

имствованных у развитых западных демократий) в значительной степени осложнена. Идеалистические интерпретации и советы, которые дают западные, как правило, американские экономисты, в большей степени носят теоретический характер и не совсем применимы не только для решения существующих проблем, но даже и для адекватного описания сложившейся ситуации.

Теневая экономика не может быть ликвидирована сверху путем примитивной трансплантации западных политических и экономических институтов на такое же европейское, но на протяжении длительного времени изолированно развивавшееся, пространство. Реальная борьба с теневой экономикой возможно исключительно путем создания таких условий, при которых нелегальный бизнес будет менее прибыльным чем легальный. Это предусматривает радикальную ломку традиционных или унаследованных от административно-командной системы отношений. Проблема осложняется и тем, что традиционные и неформальные институты обладают гораздо большим адаптивным потенциалом как исторически, естественно возникшие, чем искусственные и с точки зрения теории – правильные – но создаваемые почти исключительно сверху, или трансплантируемые извне, институты.

---

¹ О восприятии теневой экономики как неформальной см.: Манусов В.М. Неформальная экономика: механизмы функционирования и территориальная организация / В.М. Манусов. – М., 1995.

² Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики / Ю.В. Латов. – М., 2001. – С. 11.

³ Олейник А. Внелегальная экономика / А. Олейник // Вопросы экономики. – 1999. – № 6. – С. 136 – 153.

⁴ Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики / Б.Т. Рябушкин, Э.Ю. Чурилова. – М., 2003. – С. 7.

⁵ Корягина Т. Теневая экономика в СССР (анализ, оценки, прогнозы) / Т. Корягина // Вопросы экономики. – 1990. – № 3. – С. 110 – 120; Козлов Ю. Теневая экономика и преступность / Ю. Козлов // Вопросы экономики. – 1990. – № 3. – С. 120 – 127.

⁶ Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России / Т. Шанин // Неформальная экономика. Россия и мир / отв. ред. Т. Шанин; пер., ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. – М., 1999. – С. 13.

⁷ Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы / А. Портес // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / сост., науч. ред. В.В. Радаев. – М., 2004. – С. 303 – 339.

⁸ Неформальная экономика и гибкий рынок труда: теория и практика в ФРГ. – М., 1987.

⁹ В теоретическом плане о теневой / неформальной экономике см.: Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики / В. Радаев // Неформальная экономика. Россия и мир / отв. ред. Т. Шанин; пер., ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. – М., 1999. – С. 35 – 60.

¹⁰ Нор А.В. Материальная культура общества: проблемы экономической теории и методологии / А.В. Нор / ред. А.Л. Черненко. – РнД., 1996. – С. 4.

¹¹ Тиссен У. Теневая экономика: методология анализа, проблемы количественной оценки и выводы для экономической политики / У. Тиссен // Рынок в рыночную экономику. Реформы в Украине: взгляд изнутри / ред. Л. Хоффманн, А. Зиденберг; вступит. слово Г. Рексродта, В. Гуреева; пер. с нем. А.Г. Баканов и др. – Киев, 1997. – С. 61 – 82.

¹² Авдийский В.И., Дадалко В.А. Теневая экономика и экономическая безопасность государства / В.И. Авдийский, В.А. Дадалко. – М., 2010. – С. 8.

¹³ Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы. – С. 304.

- ¹⁴ Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России. – С. 14.
- ¹⁵ О феномене неформальной занятости см.: Барсукова С.Ю. Теневой рынок труда и трудовое право в России (к вопросу принятия нового Трудового кодекса) / С.Ю. Барсукова // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 26 – 40; Фадеева О.П. Неформальная занятость в сибирском селе / О.П. Фадеева // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2. – № 1. – С. 61 – 93.
- ¹⁶ Робертс Бр. Неформальная экономика и семейные стратегии / Бр. Робертс // Неформальная экономика. Россия и мир / отв. ред. Т. Шанин; пер., ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. – М., 1999. – С. 313 – 342.
- ¹⁷ Кандиоги Д. Пол в неформальной экономике: проблемы и направления анализа / Д. Кандиоги // Неформальная экономика. Россия и мир / отв. ред. Т. Шанин; пер., ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. – М., 1999. – С. 366.
- ¹⁸ Обзор основных теорий и интерпретаций теневой экономики представлен в статье С.Ю. Барсуковой. См.: Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта / С.Ю. Барсукова // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1. – № 1. – С. 13 – 24.
- ¹⁹ Чаянов А. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем / А. Чаянов // Неформальная экономика. Россия и мир / отв. ред. Т. Шанин; пер., ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. – М., 1999. – С. 467 – 497.
- ²⁰ Подробнее см.: Норт Д. Институциональные измерения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 7.
- ²¹ Богомолов О.Т. Реформы в зеркале международных сравнений. – С. 100.
- ²² Кузьминов Я. Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации / Я. Кузьминов // Вопросы экономики. – 1992. – № 3. – С. 47.
- ²³ Исправников В.О., Куликов В.В. Теневая экономика в России: иной путь и третья сила / В.О. Исправников, В.В. Куликов. – М., 1997. – С. 71.
- ²⁴ Подробнее о точке зрения К. Харта см.: Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana / K. Hart // Journal of Modern African Studies. – 1973. – Vol. 11. – P. 61 – 89; Hart K. The Idea of Economy / K. Hart // Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society / eds. R. Friedland, A.F. Robertson. – NY., 1990. – P. 137 – 160.
- ²⁵ Подробнее об этой проблеме см.: Нижегородцев Р.М. Проблема формализации институтов: граница между формальным и неформальным в институциональном развитии / Р.М. Нижегородцев // Журнал экономической теории. – 2008. – № 3. – С. 195 – 198.
- ²⁶ Изучение противодействия неинституционализированной экономики не входит в число задач настоящей работы. Нас интересует только ее специфическая роль в контексте экономических переходов и трансформаций. Поэтому, о некоторых мерах, принимаемых для борьбы с «теневой экономикой» см.: Литвинцева Г.П. Отмывание денег в России и ее регионах: экономический анализ / Г.П. Литвинцева // Журнал экономической теории. – 2008. – № 4. – С. 97 – 114.
- ²⁷ Оржак-Ланд Т. Подпольные банкиры кредитуют малый бизнес в переходных экономиках / Т. Оржак-Ланд // Трансформация. Экономический бюллетень о странах с переходной экономикой. – 1998. – Вып. 9. – № 2. – С. 15 – 16.
- ²⁸ Подобный вариант, в частности, использовался политическими элитами трех постсоветских балтийских стран. См.: Путниньш Т., Саука А. Теневая экономика в странах Балтии / Т. Путниньш, А. Саука. – (<http://freepolicybriefs.org/2011/09/26/baltic-shadow-economies/>)
- ²⁹ Кузнецова Т. Негосударственный сектор в советской экономической системе / Т. Кузнецова // Вопросы экономики. – 1992. – № 2. – С. 93 – 104.
- ³⁰ Морозова Д. Современная Россия: модернизация vs теневизация / Д. Морозова // Экономическая политика. – 2011. – № 5. – С. 191.
- ³¹ Буравой М. К теории экономической инволюции: исследование российской эксплоярной экономики / М. Буравой // Неформальная экономика. Россия и мир / отв. ред. Т. Шанин; пер., ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. – М., 1999. – С. 61 – 83.
- ³² Исправников В.О., Куликов В.В. Теневая экономика в России. – С. 48 – 50.
- ³³ Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы. – С. 305.
- ³⁴ О принудительном труде и проблемах эксплуатации подробнее см.: Зволински М. Потогонная система труда, выбор и эксплуатация / М. Зволински // Экономическая политика. – 2011. – № 3. – С. 142 – 166.
- ³⁵ Granovetter M. Economic Action and Social Structure: the Problem of Embeddedness / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1985. – Vol. 91. – P. 481 – 510; Portes A. The Informal Economy and Its Paradoxes / A. Portes // The Handbook of Economic Sociology / eds. N. Smelser, R. Swedberg. – Princeton, 1994. – P. 426 – 449.
- ³⁶ Бенбасс Э., Родриг А. Евреи Леванта. Сефардская община в XIV – XX веках / Э. Бенбасс, А. Родриг / пер. с франц. О.В. Боровой, отв. ред. С.В. Лёзов. – М., 2001. – С. 99 – 105.

---

³⁷ О роли еврейского сообщества в европейской экономической истории см.: Зомбарт В. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства / В. Зомбарт / пер. с нем. В.З.; ред. П.Ю. Юшкевич // Зомбарт В. Избранные работы / В. Зомбарт. – М., 2005. – С. 139 – 168.

³⁸ Подробнее о роли китайских сообществ в Российской Империи см.: Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е.И. Нестерова / отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток, 2004.

³⁹ Подробнее об этом явлении см.: Waldinger R., Aldrich H., Ward R. Ethnic Entrepreneurship / R. Waldinger, H. Aldrich, R. Ward // Entrepreneurship. An Interdisciplinary Perspective / ed. R. Swedberg. – Oxford, 2000. – P. 356 – 388.

⁴⁰ В теоретическом плане о феномене этнического предпринимательства см.: Уолдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели / Р. Уолдингер, Х. Олдрич, Р. Уорд / пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / сост., науч. ред. В.В. Радаев. – М., 2004. – С. 340 – 365. См. также: Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию / А.А. Сусоколов. – М., 2006. – С. 221 – 233. О национальных диаспорах и их роли в российской экономике, в том числе – и в неформальной, см.: Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины Санкт-Петербурга) / А. Снисаренко // Неформальная экономика. Россия и мир / отв. ред. Т. Шанин; пер., ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. – М., 1999. – С. 138 – 155.

⁴¹ О диаспорах как факторе в развитии этнической экономики см.: Валеев Т. Индия и Китай: два сценария модернизации / Т. Валеев // Экономическая политика. – 2011. – № 1. – С. 170 – 175.

Научное издание

Экономическая теория и история
Воронежский ежегодник экономических исследований

№ 2, 2013

Публикуется в авторской редакции

Электронное издание

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02

**Воронеж
2013**

<http://www.ir.vsu.ru/>